

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ
В Ъ С Т Н И К Ъ,

И з д а в а е м ы й

Общесшвомъ Любшпелей Словесности,
Наукъ и Художесшвъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи 1812.

*Шестъ экземпляровъ доставлены въ С. П.
бургскій Цензурный Комитетъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ В Ъ С Т Н И К Ъ.

А П Р Ъ Л Ъ 1819. Но 4.

І. С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

---

*Исторія должна быть училищемъ
нравственности и политики.*

(Изъ историческихъ уроковъ Кондильяка
Принцу Пармскому).

Ваше Высочество видѣли, что содер-
жипся въ исторіи особенно примѣча-
тельнаго. По исторіи языческой, въ на-
чалѣ времянь, на всемъ почти земномъ
шарѣ нашли вы людей, погруженныхъ
въ самое ужасное варварство и води-
мыхъ скопскими спраспями, коихъ
были они жерпвою. Сии дикари, кажеш-
ся, подобно скопамъ, не имѣли ничего,
кромѣ грубаго инстинкта. Крайность
бѣдствій принудила ихъ размышляшь;
щаспливые случаи и Геній извлекли ихъ

изъ лѣсовъ, научили строить шалаши, пасти стада, обрабатывать землю и вспомоществовать другъ другу въ нуждахъ. Одно только общежитіе могло внушить имъ взаимныя обязанности, показавъ общее благо, которое должны были они любить, и, установивъ между ними порядокъ, ускорить образованіе разсудка ихъ.

Азія была первая страна, гдѣ законы, положивъ основанія общежитію, поселили правосудіе и съ нимъ безопасность и пищину. Здѣсь, вы видите, возстають сильныя государства, Ассирійское, Вавилонское и Египетское, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ частяхъ свѣта владычествуетъ еще варварство. Потомъ обрзуется Европа, и Африканскіе берега, омываемые Средиземнымъ моремъ, наконецъ населяются. Вездѣ видны города, законы, правительсва, цари и художества. Но пороки, отъ коихъ въ дикомъ состояніи спрадалъ каждый челоѣкъ особенно, заставляють также спрадашь цѣлыя государства. Несправедливосшь, насиліе, корыстолюбіе, честолюбіе, соперничество, зависшь дѣлають цѣлыя народы непріятелями одного другому, и

здѣсь по начинаешся вѣчная цѣпь тѣхъ войнъ и революцій, копорья, со времени паденія царства Вавилонскаго до нашихъ времянь, пысячу разъ измѣняли видъ земнаго шара.

Нинь, побѣдшпель Вавилона; Семирамида, возвысившая Ассирійское Царство на высочайшую степень могущества; Деіокъ, копорого добродѣтели покорили ему согражданъ его Мидянь; Кирь, коего мужество повергло всю Азію владычеству Персовъ, народа, копорый до шого времени былъ неизвѣстенъ и безсиленъ; всѣ сіи и многіе другіе Герои привлекли на себя ваше вниманіе. Однакожь, въ исторіи древняго Египша, не Пирамиды, не Лабиринтъ, не Меридское озеро, не плодоносное разлипіе Нила, не пышность преемниковъ Сезосприса, заняли болѣе всего любопытство ваше. Вы хотѣли знать законы, постановленія, нравы и обычаи сей щасливой страны, въ коей Философія получила свое начало. Сюда по стекались знаменитые древніе мужи почерпашъ шу мудрость, копорую изливали они въ невѣжествующихъ народахъ, и сія Философія сосшояла не въ пустыхъ умствованіяхъ, какъ нынѣшняя, но въ

искусствѣ бытъ щасливымъ.

Никакая страна не произвела болѣе добродѣтелей и дарованій, какъ Греція. Видя строгія учрежденія Ликурга и мудроспъ Спарпанцевъ, не жалѣлиъ Ваше Высочество, что въ другихъ странахъ законы, слишкомъ слабые и поблажающіе порокамъ, унизили человѣчество? Смотря на великія дѣла Афинянъ, не хотѣли бы вы родиться въ отечествѣ Милсіадовъ, Ариспидовъ, Темиспокловъ, Кимоновъ? Щасливое предзнаменованіе для нѣхъ, которые должны нѣкогда повиноваться вамъ, еспыли вы, читая исторію Греціи, радовались щасію ея и съ удовольствіемъ видѣли, какъ мщеніе, надменность и всѣ силы Ксерксовы обрапились въ ничто предъ мужествомъ, военнымъ порядкомъ и свободою Спарпанцевъ и Афинянъ. Вы будете великимъ Государемъ, еспыли, удивляясь генію Филиппа, неизмоощимаго въ средствахъ, и отважному мужеству Александра, вы сполькоже порицаете честолюбіе ихъ и жалѣете, для чего не упопрелили они лучшимъ образомъ великихъ своихъ способностей.

Римляне, коихъ могущество, возращая поспешенно, покараетъ наконецъ

весь свѣпъ, предсшавили вамъ зрѣлище пріятное и поучительное. Изъ полны разбойниковъ или бродящихъ невольниковъ, копорымъ Ромуль далъ убѣжище, раждающся повелишели свѣпа. Они мало по малу получающъ нравы и приучаясь къ повиновенію божескимъ законамъ Нумы, избѣгающъ угрожавшаго имъ разрушенія. Ненависть, поселяемая въ нихъ самовласціемъ Тарквинія, даепъ имъ силу свергнушь иго пиранна и пригопвляепъ къ шѣмъ добродѣтелямъ, кои сопровождаютъ свободу. Со введеніемъ Консульства, у нихъ каждый гражданинъ дѣлаепся героемъ. Хотя гордость и корысплюбіе Паприкіевъ угрожающъ еще республикѣ рабствомъ; однакожь имъ не дающъ времени утвердись свою власть; Трибуны открываютъ народу достоинство его и мало по малу принуждаютъ непріятелей его покориться законамъ равенства. Геній Рима пробуждаепся и возраспаепъ среди домашнихъ раздоровъ. Не имѣя законодателя, копорый бы научалъ управляясь спрашями и не спрашиться своенравія непостояннаго щасія, республика, однимъ образомъ мыслей, приобрѣшаепъ

по благоразумное перпѣніе, копорое сщановишся власпипелемъ произшесшвій, и шу великосшь духа, копорая шоржесшвуешъ надъ всѣми препяшспвіями.

Ваше Высочесшво конечно съ удовольспвіемъ слѣдовали за Римлянами въ побѣдахъ ихъ. Пирръ безпокоиль васъ, Аннибаль приводиль въ шрепешъ. Старайшесь, Ваше Высочесшво, сохранишь сіи первыя чувспвованія, произведенныя въ васъ чпеніемъ древней исторіи. Эпо первая польза, каковую можно получишь ошь оной въ вашихъ лѣпахъ. Удивленіе великимъ образцамъ, предспавляемымъ древностію, раскрыешъ душу вашу для любви къ испинной славѣ и будешъ охранять васъ ошь пороковъ, общихъ всѣмъ людамъ, и ошь предразсудковъ, особенно свойспвенныхъ государямъ.

Есшлы почиташъ исторіею шолько собраніе множества произшесшвій, зашверживаемыхъ обыкновенно по порядку времени; шо учишся ей, значишь хотѣшь шолько удовлетворишь или пущо-му, дѣшскому любопытспву, или суешному шщеславію педаншспва. Чшо пользы, чшо знаемъ мы заблужденія ош-

цовъ своихъ, ешлы сами не дѣлаемся
отъ того благоразумнѣ ихъ? Спарай-
шесь, Ваше Высочество, образовашь серд-
це и умъ. Испорія должна бышь для васъ
во всю жизнь училищемъ вашихъ обязан-
ностей. Предспавляя живое описаніе
уваженія, соединеннаго съ добродѣшелію,
и презрѣнія, сопровождающаго порокъ,
она должна нѣкогда замѣнитъ вамъ шѣхъ,
кошорые нынѣ образують природныя
ваши дарованія.

Теперь смѣло предспавляють вамъ
испинну; смѣло обуздывають ваши
спрасши и понуждають васъ спремишь-
ся къ добру: но придетъ время — и оно
недалеко — что, осшавлены будучи самимъ
себѣ, вы не найдете около себя никако-
го средспва прошивъ спраспей, кошо-
рыя будують шѣмъ сильнѣе и безразсуднѣе,
чѣмъ болѣе вы возвыщены надъ окружа-
ющими васъ. Вы не знаете нещаспія и,
могу сказать, почти бѣдспвія вашего
соспоянія. Испинна, кошорая всегда
робка, всегда угрюма, всегда чужда въ
чершюгахъ Царскихъ, безъ сомнѣнія бу-
детъ бояшься предспашъ предъ вами.
Бойшесь Ваше Высочество сего времени
вашей независимости! Ешлы вы,

при словахъ, что *сiе время недалеко*, почувствовали радость и неперыніе; но я долженъ сказать, что вамъ нужно увеличить оспорожность противъ себя самихъ. Печальное и несчастное слѣдствіе величія! Вы будете окружены наемными ласкателями; они безпрестанно будутъ искать вашихъ слабостей; хитрость ихъ будетъ разспавлять передъ вами сѣпи, которыя будутъ пѣмъ пагубнѣе, что будутъ вамъ нравиться. Что бы господски повелѣвать вами, они будутъ упреждать ваши желанія; поспараюшя сдѣлать васъ рабомъ спросней ихъ, припворяясь, что повинуюшя вашимъ. Вѣря имъ, вы будете думать, что вѣрите чему нибудь болѣе, нежели человеку, и сдѣлавшись предметомъ обмана вашихъ придворныхъ, унизишесь ниже ихъ самихъ.

Противъ пріятнаго гласа лѣспи укрѣпляйте себя мыслями, которыя можеть поселить въ васъ исторія! Она научить васъ, ешлы не будетъ писана перомъ подлости, что добродѣтель не должна быть легче для Государей, нежели для частныхъ людей. Она опкроесть вамъ напрошивъ, что чѣмъ обширнѣе

ваши обязанности, шѣмъ болѣе должны вы сражаться и дѣлать усилій для исполненія ихъ. Она скажетъ, что родившись, какъ и всѣ люди, съ спрасциями, вы должны бояться, чшобы онѣ не вовлекли васъ гораздо въ большіе пороки; она покажетъ, чшо всякой порокъ Государя есть злополучіе Государства.

Государь никогда не заслуживаетъ шѣхъ похвалъ, которыя изшощають ему придворные; это такая истина, такая аксіома, которая не имѣетъ никакого исключенія и которую съ благоговеніемъ должны вы повшорять каждый день вашей жизни. Если гордосъ будешь побуждашь васъ вѣрять льсפעдамъ, вспомнише, чшо самые низкіе, самые даже злые Государы, Калигулы и Нероны были богошворимы окружавшими ихъ. Если будешь ослѣпляшь васъ могущество, если будешь обольщашъ шаспіе; вспомнише, съ какимъ презрѣніемъ смолришь исторія на шѣхъ Государей, которые не имѣють ничего великаго, кромѣ пишловъ; она помрачаетъ память ихъ. Она едва сохраняетъ шолько имена шѣхъ праздныхъ и лѣнивыхъ Царей, которые не сдѣлали ничего для шаспія поддан-

ныхъ; а между тѣмъ мспишь за учаспъ проспыхъ гражданъ, копорыхъ соспоянiе ихъ осудило, кажешся, на неизвѣспность.

Чишайте, Ваше Высочество, чишайте чаще Плупарховы *Житiя великихъ людей*. Еспьли сiе чпенiе будешъ занимашъ и привлекашъ васъ; шо вы можете имѣшъ о себѣ хорошее мнѣнiе, можете ожидать успѣховъ. Сiи Плупарховы герои были большею часпiю проспые граждане; но и самыя сильныя Государи шога шолько велики предъ судомъ испины и разума, когда имѣли они для себя образцами сихъ гражданъ. Изберише себѣ и вы кого нибудъ изъ нихъ для подражанiя. Но, я упреждаю Ваше Высочество, не избирайте Государя. Въ Плупарховыхъ описанiяхъ вы не найдете, чшобы какой нибудъ Государь ошличился сполько любовiю къ истинѣ и общему благу, какъ проспой гражданинъ какой нибудъ республики.

Жизнь Царей, самыхъ великихъ, всегда очерняешся, не знаю, какою шо ложною славою. Государи очень часпо забываютъ, чшо они должны бышъ шолько орудiемъ народнаго блага; они хопяшъ, чшобы подданные были для нихъ орудiемъ

славы. Изберите образцомъ простаго Греческаго или Римскаго гражданина; поставше его судьбою надъ вами и спрашивайше у себя чаще, поступалили шакъ Ариспидъ, Фабрицій, Фокіонъ, Капонъ, Епаминондъ? Вы почувспвуете тогда, что духъ вашъ будетъ возвыщаться; вы захошите подражать мужамъ симъ. Вопрошайше себя при каждомъ поступкѣ, на которъй рѣшаешесь, какъ посудили бы о немъ сіи великіе люди — и тогда, вы можете надѣяться, тогда не обольспишь васъ какая нибудь низкая спрасшь, не ослѣпишь блескъ ложной славы.

Но того не довольно, еспьли Ваше Высочество будете почитать исторію училищемъ одной нравспвенности. По соспоянію, въ которомъ вы рождены, вамъ мало бышь добродѣшельнымъ шолько для себя самаго; вы должны бышь полезны для насъ, должны имѣшь шѣ познанія, которыя нужны Государю. Еспьли частный человекъ; по долгу гражданина, обязанъ знать, что соспавляетъ общеспвенное благо или зло; шю сколько же долженъ знать сіе шощь, кому народъ единспвенно для своего благополучія далъ власшь надъ собою?

Есть наука дѣлать Государства щастливыми и цвѣтущими; она называется *Политикою*. Невѣрше шѣмъ, которые будѣшь швердишь вамъ, что для управленія Государствомъ довольно имѣть только доброе сердце и здравый разумъ. Они для того только будѣшь желать видѣшь васъ незнающимъ, чтобы самимъ бышь для васъ необходимыми и пользоваться вашимъ незнаніемъ. Государь, не знающій пружинъ, движущихъ общество, и не умѣющій усилишь или ослабишь дѣйствіе ихъ, будѣшь не что иное, какъ смѣшное орудіе Министровъ; незнаніе его ободритъ ихъ ко злу и они будѣшь спараться только о томъ, какъ бы угождать ему, чтобы самимъ владычествовать надъ подданными. Если Государь нерадитъ о своемъ просвѣщеніи; если онъ не спарается совершенно знать первыя причины благоденствія и паденія Государства; то будѣшь несчастно заблуждать при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ. Поправляя одно зло, онъ будѣшь дѣлать другое. Добро, сдѣланное наудачу и безъ правила, никогда не можешь бышь прочно; оно всегда сопряжено съ какимъ нибудь неудобствомъ.

Вы видѣли въ испоріи многихъ Государей, опимѣнно выхваляемыхъ за добродушіе; Людовики XII почтенны были именемъ *Отцовъ народа*. Сіи Государи искренно желали щаспія своимъ подданнымъ; но, не имѣя нужныхъ познаній, они не могли сдѣлать ничего полезнаго для Государства. По долгомъ царствованіи, будучи научены одними только собственными опытами, они весьма несовершенно узнали самый шѣсный кругъ вещей.

Отъ того то, что по безопасности, по лѣности, или по увѣренности въ себя, не хотящъ пользоваться опытами прошедшихъ вѣковъ, каждый вѣкъ и возобновляетъ намъ зрѣлище однихъ и шѣхъ же заблужденій и бѣдствій. Слабое невѣденіе ударяется объ шѣ скалы, около копорыхъ видны еще плавающие обломки разбитыхъ кораблей. Оно принуждено бываетъ изобрѣшать и едва только успѣваетъ начертать то, чего совершенный образецъ можно было бы найти въ испоріи прошедшихъ временъ, или у другаго народа. Отсюда то происходятъ шѣ вѣчныя революціи, на копорыя, кажешся, осуждены уже государства. Мы смѣшнымъ образомъ дѣлаемъ несчастные

опыты въ то время, какъ надлежалобы пользоваться опытами опцовъ нашихъ. Такимъ образомъ жестокій рокъ похищаетъ иногда надъ Государствами ту власть, которую надлежалобы имѣть мудрости, и сквозь тысячи несчастій влечетъ ихъ въ погибель.

Сципіонъ и Лукулль, прежде нежели приняли начальство надъ войсками, научились изъ исторіи Ксенофонта бытъ великими полководцами. Они не предавались пустому любопытству, читая о великихъ военныхъ дѣйствіяхъ; они старались открывать истинныя причины щасливыхъ послѣдствій какаго нибудь сраженія или цѣлаго похода; учились искусству полководца въ предуготовленій побѣды, или перенимали способы его въ вознагражденіи потерь. Оружіе и воинской порядокъ каждаго народа, разныя способы сраженій, движенія войскъ по различію положенія ихъ или мѣстныхъ обстоятельствъ, были предметомъ размышленій ихъ. Сципіонъ и Лукулль, не выходя изъ Рима, сражались уже, такъ сказать, съ разными народами и подъ предводительствомъ искуснѣйшихъ Греческихъ полководцевъ. Та-

кимъ образомъ, исполненные генія сихъ великихъ мужей, они сдѣлались соперниками ихъ, когда начали предводительствовать Римскими полками.

Къ какой бы должности кто ни былъ призванъ, относителія ли она только до одной вѣтви Государственнаго Правленія, или объемлетъ всѣ части онаго, нѣтъ сомнѣнія, что изъ исторіи онъ можетъ почерпнуть такія же пособія, какія нашли въ ней для себя Сципіонъ и Лукулль. Я могу представить на сіе Вашему Высочеству тысячи примѣровъ и надѣюсь, что вы сами будете нѣкогда образцомъ для Государей, приуготовляемыхъ къ великимъ дѣламъ.

Нѣкоторые народы въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ постоянно наслаждались благополучіемъ; другіе очень краткое время были щасливы, или существовали только для несчастій. Нѣкоторые Государства, при всѣхъ усиліяхъ, ни какъ не могли выйти изъ состоянія посредственности; а другія безъ труда достигли могущества. Сколько такихъ народовъ, которые въ древнія времена были славны и которыхъ существованіе, по видимому, должно было равняться

существованію міра, но которые нынѣ извѣстны только изъ исторіи! Персы, Египтяне, Греки, Македоняне, Карфагенцы, Римляне, не существующь болѣе. Щасіе и нещасія ихъ, революціи, паденіе должны ли почитаться игрою слѣпаго случая? Не ужели мы извлечемъ изъ исторіи ихъ одно только печальное и несправедливое заключеніе, что какъ все разрушается опъ времени и умираеть, по и Государства имѣють роковой предѣль, при наступленіи котораго никакая мудрость, никакая сила не можеть спасти ихъ опъ разрушенія?

Нѣшь—каждый народъ имѣль шу участъ, какую долженъ былъ имѣть; и хотя всякое Государство умираеть, однакожь всякое можеть и должно спрѣмитъ ся къ безсмертію. Приучите себя, какъ училъ Фокіонъ Ариста, почитать щасіе наградою, соединенною Творцемъ съ добродѣтелію; признавайте въ нещасіи наказаніе пороковъ. Никакое цвѣтущее Государство не падало иначе, какъ по удаленіи опъ шѣхъ учрежденій, которья содѣлывали его цвѣтущимъ; никакое государство не дѣлалось щасли-

вымъ иначе, какъ по вознагражденіи своихъ недоспашковъ и по исправленіи злоупотребленій. Щастіе не значитъ ничего, мудрость дѣлаетъ все; и сіи великія произшествія, повѣшвваемыя въ древней и новой исторіи и сколько утрашающія насъ, будутъ для насъ спасительными уроками, ежели только мы будемъ умѣть пользоваться ими. Спарайтесь Ваше Высочество, въ продолженіи Вашего ученія, прилѣжно изыскивать причины малаго щастія и безконечныхъ несчастій, бывшихъ удѣломъ рода человеческого; и Вы безъ сомнѣнія узнаете пошъ путь, копорымъ должны итти, чшобы сдѣлаться опцомъ вашихъ подданныхъ и благодѣтелемъ будущихъ поколѣній. Познаніе прошедшаго опкроетъ вамъ завѣсу, покрывающую будущее. Вы узнаете, какой участи должна ожидать всякая нація опъ нравовъ своихъ, опъ законовъ и правленія.

Перев. И. Ф.

О личномъ достоинствѣ.

(Переводъ 2 й главы изъ *Caractères de la Bruyère.*)

Admonere volumus, non mordere:
prodesse, non laedere: consulere morbis
hominum, non officere.

Erasm.

Кто съ самымъ рѣдкимъ дарованіемъ, съ самыми великими достоинствами не признаетъ своего ничтожества, когда при смерти посмотришь на міръ, который лишаясь его, не чувствуетъ пощери и въ копоромъ споль много естъ людей, гонимыхъ заспунишь его мѣсто?

У многихъ людей одно полько имя чего нибудь спойшь. Посмотрише на нихъ въ близи — они менѣе, нежели ничто; а въ дали — величественны.

Какъ я ни увѣренъ, что люди, избираемые для различныхъ должностей, исполняютъ ихъ всякой по своимъ дарованіямъ и знанію хорошо; но осмѣливаюсь сказать, что можетъ бытъ находясь многіе извѣстные и неизвѣстные, которыхъ не упопреляютъ ни къ какимъ должностямъ и которые испол-

нили бы оныя весьма хорошо. Такъ думашь заспавлиющъ меня чудесныя дѣла нѣкопорыхъ единспвенно случаемъ поставленныхъ людей, оныхъ коихъ сначала не ожидали ничего великаго.

Сколько людей съ изящными дарованіями, достойныхъ удивленія умерло, не заспавивъ говоришь о себѣ! Сколько еще живыхъ, о копорыхъ не говоришь ни слова и никогда говоришь не будешь!

Какой неизмѣримый шрудъ, безъ приерженцевъ, безъ соумышленниковъ, не принадлежа ни къ какой паршіи, одному, шокмо съ своими достоинспвами выйши изъ неизвѣстности и спашь на ряду съ глупцомъ знаменишымъ!

Почши никшо, по собспвенному побужденію, не думаешь о достоинспвѣ другаго.

Люди сполько заняты собою, что не имѣють времени занимашься разсприваніемъ другихъ: по сему съ великими достоинспвами и еще съ большею скромноспію можно надолго оспашься въ неизвѣстности.

Генію и великимъ дарованіямъ часпо не доспашь шолько случая опшличиться: однихъ надобно хвалишь за то, что

сдѣлано ими; а другихъ за то, что бы могли они сдѣлать.

Чаще находишь умъ, нежели людей, которые пользуются своимъ умомъ, или уважають умъ другихъ и упошребляють его на что нибудь.

Несравненно болѣе инструментовъ, нежели художниковъ, и между сими послѣдними болѣе дурныхъ, нежели превосходныхъ: что подумаешь о томъ, кто хочетъ пилить наспругомъ и скоблишь пилою?

Въ свѣпѣ пруднѣ всего сославивъ славное имя: едва дѣло начато, какъ жизнь оканчивается.

Эгезипъ хочетъ опредѣлиться къ должности: куда дѣвать его? Сдѣлать ли Казначеемъ, или Воинемъ? Все равно, и одна польза должна рѣшить выборъ; ибо Эгезипъ можетъ перебирать деньги и писать счефы, носитъ на боку саблю и перо на шляпѣ. Его друзья сказываютъ, что онъ способенъ ко всему: это значить, что онъ не искусенъ особенно ни въ чемъ, или—другими словами—что онъ никуда не годится. Такъ большая часть людей, незанимавшихся ни чѣмъ въ молодости, возвращенныхъ лѣтношю и

распутствами, соспарываясь, думаюшь весьма несправедливо: „намъ нужно бышь „шьлько полезными или нищими, чшо- „бы заспавишь опечесиво опредѣлишь „нась къ мѣспу или помочъ намъ.“ — Государи мои! вы забываете важное правило: люди должны проводить молодость свою въ ученіи и трудахъ, дабы сдѣлашься нужными опечесиву, необходимою частію общесивеннаго зданія, и дабы собсивенная онаго польза заспавила его соспавишь или улучшишь ихъ щасіе.

Намъ нужно прудишься, чшобы сдѣлашь себя доспойными какой либо должности; все прочее до насъ не касается и есь обязанность другихъ.

Сдѣлай себя значущимъ въ шакихъ вещахъ, кошорыя не зависяшь опъ другихъ, но опъ себя одного; или опкажись опъ, знамениспости. Вопъ неоцѣненное, необходимо нужное для жизни правило, полезное слабымъ, добродѣпельнымъ, умнымъ: ибо съ нимъ можно бышь шворцемъ своего щасія и покоя; правило гибельное вельможамъ: ибо оно уменьшило бы число рабовъ ихъ, унизило бы ихъ спѣсь, ослабило силу и оспавило бы ихъ съ одними роскошными сполами и

блеспящими экипажами; оно лишило бы ихъ удовольствія слышапъ прозбы и ошказывашъ въ нихъ; обѣцапъ и не давашъ; возводишъ дураковъ на высокія степеня и подавляпъ достоинства, когда случился имъ замѣчапъ ихъ; оно изгнало бы изъ дворцовъ заговоры, паршій, наущничество, подлость, леспъ, коварство; оно изъ бурнаго, безпокойнаго, пронырливаго двора сдѣлало бы комедію или трагедію, гдѣ мудрые были бы шокмо зрителими; оно возвращило бы уваженіе различнымъ званіямъ и спокойствіе на чело людей; оно распроспраняло бы свободу ихъ, возбуждало бы въ нихъ съ дарами природы любовь къ прудолюбію и дѣяшельности; поселяло бы честполюбіе, спремленіе къ славѣ, любовь къ добродѣтели; подлыхъ, бесполезныхъ, часто шягоспныхъ ошечеству придворныхъ превращило бы въ мудрыхъ домошроишелей, попечительныхъ ошцовъ, безкорыспныхъ судей, великихъ полководцевъ, орашоровъ, философовъ; оно причинило бы одну шокмо бѣду: они ошщавили бы своимъ наследникамъ менѣе богащспа и болѣе хорошихъ примѣровъ.

Надобно имѣшь большую швердоспшь и обширный умъ, чшобы жишь безъ должности, рѣдко выходишь изъ дому и ничего не дѣлаешь. Почши никшо не можешь играшь шакой роли, не заспавя презираешь себя; почши никшо не умѣешь проводишь времени безъ шакъ называемыхъ проспымъ народомъ дѣль. Должно бы назвашъ лучшимъ именемъ праздноспшь мудраго; должно бы чпеніе, наспавишельную бесѣду, размышленіе назвашъ шрудомъ.

Никогда не увидишь шщеславія въ доспойномъ человекѣ, занимающемъ видное мѣсто; онъ несполько гордишья своимъ знаніемъ, сколько уничижаешья, видя вышшія степени, которыхъ не занимаешь, и которыхъ могъ бы занимать съ опшличіемъ; будучи болѣе чесплюбивъ, нежели гордъ и презорчивъ, онъ думаешь шокмо о себѣ самомъ.

Доспойный человекъ не любитъ кланяшься знашнымъ, но совсѣмъ по другой причинѣ, нежели можно полагаешь. Чрезвычайная скромноспшь не позволяешь ему думаешь, чшо онъ сдѣлаешь удовольствіе вельможамъ, еспшли будешь вспрѣчашься съ ними, показывашь имъ лице свое и

передъ ними изгибаешься. Онъ скорѣе повѣришь, что симъ обезпокоишь ихъ и ему надобно предсавишь себѣ всѣ причины, по копорымъ обычай и должность принуждають его выказывать себя, чшобъ рѣшишься на сіе. Напропиви, попь, кто имѣеть весьма хорошее о себѣ мнѣніе и кого проспой народъ называетъ честолюбивымъ, любишь себя показывать: онъ кланяется вельможамъ пѣмъ съ большею довѣренностію, чѣмъ меньше можешь себѣ вообразишь, что бы вельможи думали объ немъ не шакъ, какъ онъ думаетъ самъ о себѣ.

Честный человекъ собственными руками плашишь себѣ за свое прилѣжаніе къ должности; исполняя оную, находишь онъ удовольствіе и не думаетъ о похвалахъ, почшеніи и признательности, копорыхъ иногда не получаетъ.

Если бы смѣлъ я сравнить два совершенно неравныя состоянія, то бы сказалъ, что храбрый человекъ съ такими же мыслями исполняетъ свою должность, съ какими плотникъ кроетъ домъ: ни попь, ни другой не хошашъ подвергать жизнь свою опасности; но опасность не опвращаетъ ихъ, и смерть

для нихъ естъ неудобство званія, а не препяшствие. Первый, всходя на праншею, сбивая респраншаментъ, овладѣвая крѣпостью, спольже мало щеславишся, какъ и впорой, взлезая на высокія кровли, на шпицы колоколень. Они хопяшъ шокмо хорошо исполняшъ свою должностъ, а щеславный прудишся для шого, что говоряшъ объ немъ: онъ прилѣженъ.

Скромностъ для достоинства естъ шоже, что шѣни для фигуръ на картинахъ: она даешъ ему и силу и свѣшъ.

Проспая наружностъ естъ одежда просполоудимовъ; она скроена для нихъ и по нимъ: но проспая наружностъ естъ украшеніе для мужей великихъ; они подобны красотѣ небрежной, но шѣмъ болѣе привлекашельной.

Нѣкопорые люди довольные собою, своими дѣлами или сочиненіями, кои имѣли успѣхъ, услышавъ, что скромностъ весьма прилична великимъ людямъ, хопяшъ подражашъ имъ, осмѣливающя бышъ скромными. Они подобны людямъ средняго роспа, копорые нагибающя у дверей, что бы не ударишся въ приполоку.

Твой сынъ заика; не заспавляй его бышь орапоромъ. Дочь швоя родилась для свѣща; не заключай ее съ Веспалками. Ксаншь, швой оппущенникъ, слабъ и робокъ; не медли, возьми его изъ полку. „Я хочу возвысись его,“ говоришь пы; осышь его богатшсшвомъ, обремѣни поче-спями, шпшлами и деревнями, пользуй-ся временемъ: мы живемъ въ шакомъ вѣ-кѣ, когда все сіе принесешь ему чеспи болѣе, нежели добродѣшель. „Онъ бы дорого мнѣ спойлъ,“ возражаешь пы; — неужели Крассъ, пы не шупишь? Не капля ли эшо воды, почерпнушая изъ Тибра для обога-щенія любимца швоего, Ксанша, и для предупреденія постыднхъ слѣдспвій обязанности, копорой исполнишь онъ не способенъ?

Должно смопрѣшь на добродѣшель друзей, а не на щаспіе или нещаспіе ихъ; еспшли чувспвуешь въ себѣ силу не оспавляшь ихъ въ злополучіи, смѣло и съ довѣренностію обращай съ ними, когда спояшь они на вершинѣ благопо-лучія.

Еспшли мы всегда удивляемся пред-мешамъ необыкновеннымъ, шо для чего же споль мало добродѣщели?

Естьли родишься опъ значныхъ людей есть щасіе; по не меньше щасіе сдѣлашься шаковымъ, чшобы не спрашивали, значнаго ли ты происхожденія.

(Продолженіе будешь).

Синонимы (*).

1.

Слѣдовать, подражать.

Слѣдуютъ тому, кого беруть пупе-водишелемъ, или что беруть за правило; *подражаютъ* тому, кого беруть за образецъ, или въ примѣрь.

Слѣдуютъ кому нибудь, что бы дѣйствовашь съ большею надеждою на успѣхъ и вѣрнѣе достигнуть предположенной цѣли; *подражаютъ*, что бы сравниться съ нимъ, или опличиться, шакже какъ и онъ.

Мы *слѣдуемъ* въ чемъ либо другому ошъ увѣренности, что онъ хорошо дѣлаетъ; *подражаемъ* ошъ совмѣстничества, желая сравняться съ нимъ, или и превзойши его.

Ученики *слѣдуютъ* своимъ учипелямъ; дѣши *подражаютъ* взрослымъ. У насъ говорятъ: дочь во всемъ *слѣдуетъ* своей машери, когда она ведетъ себя подобно ей. Нѣкто сказала объ одной женщинѣ: „всѣ спараются *подражать* ей, но какъ всѣ далеки ошъ нее!“

(*) Разборъ сихъ синонимъ взяшь съ Французскаго; ибо слова сія почти одинаковы въ значеніяхъ своихъ съ соотвѣтствующими имъ Французскими.

По сему надлежишь говорить: онъ *слѣдуетъ* Н....., онъ *подражаетъ* Д.....; потому что Н.... писалъ правила, Д..... далъ намъ образцы.

Менпоре совѣщавалъ Телемаку *слѣдовать* Улиссу, копораго дѣянiя исполнены мудросши; Александръ *подражалъ* Ахиллу, Герою, копораго взялъ себѣ въ образецъ.

Слѣдуютъ близко, или далеко; *подражаютъ* худо, или хорошо.

Мы *слѣдуемъ* хорошимъ примѣрамъ, копорые одобряемъ; *подражаемъ* великимъ мужамъ, копорые удивляютъ насъ.

Надобно стараться *подражать* хорошему, чшобъ заспавишь другихъ по крайней мѣрѣ *слѣдовать* себѣ.

Нѣкто сказалъ: „необходимо нужно всегда предспавлять себѣ великіе примѣры, полезно *слѣдовать* имъ, славно *подражать*, но еще славнѣе превосходишь ихъ.“

Суворовъ никому не *слѣдовалъ* въ военныхъ дѣйсшвіяхъ своихъ, и при всемъ томъ вездѣ побѣждалъ. Слава его заспавила многихъ *подражать* ему, даже въ самыхъ малоспяхъ.

Александръ, Опець Россiи, *слѣдуетъ*

мудрымъ правиламъ, начерпаннымъ славными мужами всѣхъ вѣковъ и народовъ, ко благу рода человѣческаго; *подражаетъ* великимъ примѣрамъ безсмертныхъ имениемъ и дѣлами Петра перваго и Екатерины вѣщою, и миллионы подданныхъ благодѣнствуютъ подъ его скипетромъ. — Присовокупимъ еще одно замѣчаніе:

Слѣдовать предполагаешь нѣкопорый порядокъ, продолженіе дѣяній; но *подражать* можно также и въ чемъ нибудь одномъ.

2.

Со всѣхъ сторонъ, отвсюду.

Со всѣхъ сторонъ относится болѣе къ той вещи, о которой говорится; *отвсюду* относится болѣе къ вещамъ послороннимъ, окружающимъ шу, о которой говорится.

Предметъ видѣнь *со всѣхъ сторонъ*, когда зрѣнію нашему представляющя попеременно всѣ части его поверхности; онъ видѣнь *отвсюду*, когда всѣ окружающіе могутъ его видѣть, хотя каждый видѣть только одну часть его.

Со всѣхъ сторонъ предполагаетъ уже мѣсто, куда что спремится; *отвсюду*

не предполагаешь ничего. На пр. Греки со *всѣхъ сторонъ* спекались на Олимпійскія игры. — Сдѣлалось землетрясеніе; земля колебалась подъ нашими ногами; народъ бѣжалъ *отвсюду*, не зная самъ, куда бѣжашь.

С.

Опасность отъ грозы.

„Хлоя! слышишь, какъ ужасно
 Бура въ воздухѣ ревешь?
 Скроемся въ шалашъ!,—Напрасно
 Хлою паспушокъ зовешь;
 Сердце слабое боится,
 Коль опасность шакъ близка;
 Хлоя шупъ въ двойнѣ спрашишься—
 И грозы, и паспушка.

*

Между тѣмъ громъ ударяешь,
 Блещешь молнія ярчѣй;
 Хлоя въ ужасѣ не знаешь,
 Что начашь, что дѣлашь ей.
 То пойдешь, по возвратишься;
 Все ея смущаешь духъ.
 Въ полѣ бышь одна боишься,
 Спрашно въ шалашѣ сам-другъ.

*

Вдругъ ударилъ громъ надъ нею,
 Туча рѣки пролила;
 Хлоя съ препетной душою
 Наконецъ въ шалашъ вошла.
 Скоро буря удалилась,
 Въшры перестали дуть;
 Но стрѣла любви вонзилась
 Въ нѣжную паспушки грудь.

Богъ любви въ сіе мгновенье
Въ облакахъ себя скрывалъ
И любовниковъ смятенье
И опасносшь умножалъ.—
Выходя изъ кущи, Хлоя
Видишь ясну швердь небесъ;
Все ушихло, все въ покой;
Но ея покой исчезъ.

II.

Оправданіе сонливаго.

Чудесноль, что едва заря
Блеснешь, и Фебъ гошовъ къ походу?—
Вѣдь Фебъ ложишся спать въ моря
И бѣдный пьешь одну шамъ воду.
Но еспьлибъ онъ, подобно мнѣ,
Подъ вечеръ упопалъ въ винѣ,
То—опвѣчаю головою—
Не просыпался бы съ зарёю.

II.

Б А С Н И.

I.

Козель и Лисица.

Козель большой, рогатой,
 Преважной съ виду, бородастой,
 Но по уму едва ль не брасть ослу родной,
 Съ плутовкою Лисой дорогой шель одной.
 День самой жаркой былъ, листокъ не колыхался;
 Ихъ жажда мучила, а солнце ихъ пекло.
 Шли, шли они, и вдругъ колодезь имъ попался.
 „Здѣсь, куманекъ, вода прозрачна, какъ спекло,
 Не хочешь ли испишь?„—Лиса Козла спросила.
 Безмозгой бородачь въ колодезь мигомъ скокъ.
 Колодезь эшошь былъ, по щасстью, не глубокъ.
 Лисица, видя шо, шуда же соскочила
 И въ запуски ну двое пишь. —
 Лиса, напившися, сказала: „какъ намъ бышь,
 Голубчикъ куманекъ? Идши еще далеко,
 А вылѣзшь вонъ нельзя, высоко!“—
 Козель ей опвѣчалъ: не приложу ума,
 Подумай лучше ты сама. —
 „А вошь я вздумала;—пожалуй пошрудися
 На задни ноги вспань, передними уприся
 Покрѣпче ты въ обрубъ, да чуръ не шевелися;
 Отсюда вылѣзу я по швоимъ рѣгамъ,
 А шамъ
 И кума выпашипь на верхъ я пошараюсь,,
 И впрямъ шакъ; удивляюсь!

Ужъ что за кумушка! какая голова!
Да мнѣ бы эшого не выдумашь дни въ два.
Изволь... и съ словомъ симъ Лисѣ под-
спавиль роги.
Лисица вылѣзла. — „Сиди же здѣсь, глупецъ!
Сказала—и давай Богъ ноги.

*

Предвидѣшь надобно во всѣхъ дѣлахъ конецъ.

А. Измайловъ.

Кашей и его сосѣдѣ.

Опѣ сребролюбія Кашей ни ѣлъ, ни пилъ
И много звонкой онѣ монеты накопилъ;

Но въ роспѣ опѣдать боялся,

Что бы не пошерять на курсѣ серебра;

Держашъ и дома опасался;—

Ужъ скупоспѣ подлинно невѣжеспѣ сеспра,
Кашей такъ размышлялъ: „ Богъ знаетъ, что
случишся?

Ну! еспѣли домъ мой загоришся?

Ну! еспѣли въ ночь черезъ заборъ

Какой нибудь опѣважной воръ

Придешъ съ ножемъ искашъ въ моей камор-
кѣ кладу?

Да я и безъ воровъ самъ у себя украду.“—

Наспѣвилъ наконецъ его на разумъ бѣсъ

Снеспи червонцы всѣ съ рублевиками въ лѣсъ

И шамъ предашъ ихъ погребенью.

Кашей, за слабоспѣю силъ,

Похлопоташъ съ собой сосѣда попросилъ.

Сосѣдъ былъ очень радъ шакому порученью.

Взявъ деньги, оба въ лѣсъ пришли они гу-
спой,

Подъ елью ихъ зарыли,

Огромную на нихъ колоду навалили.

Прекрасной памяшникъ—и прочной, и про-
спой!

Повѣся голову, Кашей пришоль домой

И опѣ шоски не зналъ, куда ему дѣвашся:

Оспался онѣ одинъ; что дѣлашъ, чѣмъ за-
няшся?

Счишашъ ужъ нечего и не на что взглянуть.
 Ошъ страха передъ симъ Кащей не могъ
 заснуть;

Теперь не можешъ спать ошъ
 скуки.

Двѣ ночи такъ прошло; на третью заступъ
 въ руки

И въ лѣсъ идетъ встрѣчать раз-
 свѣтъ.

Колоду сворошилъ онъ кой-какъ чрезъ силу,
 Разрылъ могилу,

Взглянулъ—анъ мершвецовъ и нѣтъ.

Какъ снопъ Кащей свалился;—

Но послѣ вспалъ и ухипрился;

Передъ сосѣдомъ припворился

И такъ ему сказалъ: „не лъзяли, брашъ, по-
 мочь

Еще мѣшечка два хопъ въ будущую ночь

Туда же опнеспи; зайди-ка ты за мною.“—

Сосѣдъ, прельсися казною,

Своими ужъ считалъ послѣднiе мѣшки;

Но обманулся онъ въ надеждѣ:

Кащей ихъ ворошилъ въ пустые сундуки.

*

Плущъ попадаешся нѣрѣдко въ дураки.

А. Измайловъ.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

~~~~~

Опытъ о русской стихосложени.

(Вспупление.)

Стихотворство—выраженіе чувствъ человѣческихъ словами изящными, подчиняемыми извѣстной мѣрѣ—сущность имѣеть одинаковую у всѣхъ народовъ; форму же (складъ) или одежду сколько различествующую, сколько есть на землѣ различныхъ языковъ. Сравните, на примѣръ, пѣсни Камчадала или Лопаря, оды Горация, Сонеты Петрарка: чувства могутъ быть во всѣхъ однѣ и тѣже; но какая разность въ стихосложеніи! Не меньшая, какъ и въ тѣлесномъ образованіи народовъ. Всякому однако свое нравится; всякой имѣеть свою *складность* (гармонію). Сколько Грекъ восхищался стихами Гомера и Пиндара, сколько же удивляется французскій прослоудинъ своимъ Романсомъ и Водевильемъ, а русской своею прощажною или плясовою пѣснію.

Я намѣренъ здѣсь говорить о *стихосложеніи русскихъ пѣсенъ*, какъ о собственной формѣ Поэзіи, копорую имѣлъ Руской языкъ до Ломоносова, введшаго спихосложеніе Нѣмецкое, и до Петра Могилы, введшаго Польское спихосложеніе: разобрашь съ большею прошивъ предшеспвенниковъ моихъ почностію свойсво и принадлежности оной, выгоды и невыгоды, и изложишь нѣкопорыя правила, изъ примѣровъ почерпнушыя; а пошомъ вывеспи вопросъ, заслуживаешь ли еще сей русской складъ спиховъ упопреленія въ новѣйшей Поэзіи?

Сперва обозначимъ вкратцѣ всѣ извѣспныя намъ формы Поэзіи, чшобъ показашъ опличительныя каждой изъ нихъ чершы.

Часть первая.

О формахъ Поэзіи вообще.

Кромѣ безчисленныхъ мѣлкихъ опшѣнокъ, коими каждый языкъ опличаешь свое спихосложеніе опъ другихъ, можно вообще раздѣлишь Пишическія формы извѣспныхъ намъ языковъ на три главные разряда:

Ге. *Стихосложеніе метрическое*, въ которомъ стихи по спо́памъ слагаются: оно принадлежи́тъ собствѣнно Грекамъ; о́нь нихъ заимствовано Римлянами, а въ послѣдствіи такъ же нѣкоторыми изъ новѣйшихъ Европейскихъ языковъ, кои нашлись способными къ спосложенію.

Пе. *Стихосложеніе силлабическое*, или *слогослитательное*. Въ ономъ стихи по *числу слоговъ* сочиняются. Употребляется оно Италіанцами, Французами, Поляками и иными, коихъ языки, за ограниченностію ихъ прозодіи, мало, либо вовсе не способны къ спосложенію.

Ше. Наконецъ *стихосложеніе тоническое*, сочиняющееся по удареніямъ. Къ сему по разряду принадлежа́тъ наши рускія пѣсни и можетъ бы́тъ такъ же о́часши народныя пѣсни многихъ другихъ націй (Норманскихъ Скальдовъ, Нѣмецкихъ Миннезингеровъ, и проч?..). Послѣдняго роду стихосложеніе до сихъ поръ, кажется, никѣмъ еще у насъ не было разсмотрѣно съ надлежащимъ вниманіемъ; хотя оно къ намъ ближайшее и (по крайней мѣрѣ для прослудимовъ) согласнѣйшее со свойствомъ рускаго языка. Читайпель самъ посуди́тъ о томъ, когда

мы присупимъ къ сему разсмошрѣнiю: шеперь же просимъ его зашаспись шерпѣнiемъ и предваришельно обозрѣшь съ нами шервья двѣ формы. Сiе нужно, сколько для общаго сравненiя, а болѣе для шого, что пыпались нѣкогда и въ руской языкѣ ввести какъ шу, такъ и другую форму (*).

Г л а в а п е р в а я .

О спихосложенiи мепричешкомъ, или
о спошосложенiи.

О т д ѣ л е н i е 1.

О спошосложенiи древнихъ.

Грешеское спихосложенiе, подобно всѣмъ Грешескимъ формамъ въ наукахъ и художешвахъ, перешедшихъ къ намъ, носишь на себѣ оппешашокъ шого богапшва, шой нѣжности въ организации, кошорыми древние Греки климашу своему и правленiю обязаны и кошорыя даюшь

(*) Сочинишель Славешкой Граммашики *Сшотрицкiй* кошпѣль даць Славешкому языку Грешескую прозодiю; а Мишрополишь Пешпръ Могила ввель въ оный сшодль же несвойшвенное Польское спихосложенiе, кошорое и продолжалось до временъ Ломоносова.

право симъ щастливѣйшимъ чадамъ Природы бытъ учителями нашими во всемъ изящномъ. И поному напередъ скажемъ, что другія двѣ формы Поэзіи, копорыя будутъ разсматриваемы послѣ сей, ни съ копорой стороны съ оною равняться не могутъ.

Метрическое стихосложеніе основаніемъ своимъ имѣетъ *стопы*.

Стопа есть мѣра, содержащая въ себѣ одинъ или нѣсколько тактовъ (разовъ) музыкальныхъ. Протяженіе такта опредѣляется по произволу. Ежели тактъ (или *разъ*) есть время, въ копорое произносимъ слогъ долгій; то на произношеніе краткаго слога довольно половины такта. Изъ сихъ тактовъ и полутактовъ, ш. е. долгихъ и краткихъ слоговъ, взятыхъ въ извѣстномъ порядкѣ и количествѣ, образуются стопы, составныя части стиха Греческаго (*).

Греческій языкъ имѣетъ шаковыхъ стопъ 28, изъ коихъ 12 простыхъ и 16

(*) *Стопами* же или *ногами* (pedes) названы онѣ вѣроятно поному, что мѣра стиховъ первоначально заимствована отъ мѣрнаго попому ногъ въ пляскѣ, копорую должно почищать предпечею Поэзіи и первую ихъ руководительницею.

сложныхъ; *простыя* спопы суръ шѣ, кои содержашъ въ себѣ по два и по при слога и ошъ одного до прехъ такшовъ:

Въ одинъ тактѣ.

1. *Пиррихій*, два слога крашкіе: $\theta\epsilon\acute{o}\zeta$ (*); въ рускомъ для примѣру могушь служиць часпицы: *пере*, или *наи*, сложно съ другими словами употребленныя.

Въ полтора такта.

2. *Трохей* или *хорей*, долгій съ крашкимъ: $\rho\acute{o}\lambda\lambda\acute{\alpha}$, милоспъ;
3. *Ямбъ*, крашкій съ долгимъ: $\rho\acute{\epsilon}\lambda\bar{\omega}$, любовь;
4. *Трибрахисъ*, при крашкіе: $\rho\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\tau\acute{\epsilon}$, урвавшіеся.

Въ два такта.

5. *Спондей*, два долгиіе: $\zeta\bar{\upsilon}\tau\bar{\omega}\bar{\nu}$, азъ есмь;
6. *Дактиль*, долгій съ двумя крашкими: $\acute{\alpha}\gamma\gamma\epsilon\lambda\acute{o}\varsigma$, радоспный;
7. *Анапестъ*, два крашкіе съ долгимъ: $\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\omega\bar{\nu}$, перенеспъ;
8. *Амфибрахисъ*, долгій между двумя крашкими: $\iota\acute{\alpha}\chi\epsilon$, пуспыня.

(*) Греческіе примѣры взяпы изъ Греческой Грамматики Петрова: а Рускіе примѣры изъ руководспва къ Россійской Словесности Борна.

Въ два съ половиною такта.

9. *Аифимакрѣ*, крапкѣй между двумя долгими: $\tau\bar{\upsilon}\pi\tau\acute{\epsilon}'\tau\bar{\omega}\nu$, горе намъ;
 10. *Вакхѣй*, крапкѣй съ двумя долгими: $\acute{\alpha}\pi\sigma\lambda\lambda\bar{\omega}\nu$, къ шебѣ мы;
 11. *Палимвакхѣй*, два долгіе съ крапкимъ: $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\bar{\omega}\pi\acute{\omicron}\varsigma$, громъ грянуль.

Въ три такта.

12. *Молоссѣ*, или *тримакрѣ*, при долгіе $\sigma\acute{\omega}\tau\epsilon\sigma\delta\bar{\alpha}\iota$, шель, спаль, паль.

Сложныя стопы соспоютъ изъ соединенія двухъ просыхъ и бывають въ чешыре слога, а мѣрою ошъ 2 хъ до 4 хъ шакшовъ.

Въ два такта:

1. *Прокелевсматикѣ*, или *дипиррихѣй*, чешыре крапкіе: $\phi\acute{\iota}\lambda\acute{\omicron}\sigma\phi\acute{\omicron}\varsigma$, нѣкопорые.

Въ два съ половиною такта.

2	<i>Пеонѣ первый,</i>	} чешвероя- кое поло- женіе шрехъ крапкихъ при одномъ долгомъ.	$\delta\acute{\alpha}\mu\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\acute{\omicron}\varsigma$, нѣкопорый; $\epsilon\beta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\tau\acute{\omicron}$, мученіе; $\lambda\alpha\lambda\acute{\epsilon}\sigma\omicron\nu\tau\alpha$, заревѣли; $\acute{\alpha}\nu\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\nu$, соединишь.
3	— — — <i>второй,</i>		
4	— — — <i>третій,</i>		
5	— — — <i>четверт.,</i>		

Въ три такта:

6	Ионитеская больш- шая стопа,	) спряже- ние двухъ долгихъ съ двумя крапки- ми.	(	μῑμνᾶσχετο̄, се подвиги;
7	— меньшая,		πολυτεχνῶ̄, разсвѣпаль	
8	Харіямбъ,		дней;	πανταμίᾱͅορ̄, радоспъ, лю-
9	Антиспастъ,		бось;	ἀποστέλλων̄, рука рушипъ;
10	Діямбъ,		воспальи рѣкъ;	υποβλέπων̄, вѣра, правда.
11	Дитрохей,		εχπεσοντες̄, вѣра, правда.	

Въ три съ половиною такта.

12	Эпитритъ первый,	) чешвероя- кое поло- женіе прехъ долгихъ при од- номъ кра- шкомъ.	(	τριῆαρχε̄ς, и вихрь громъ
13	— второй,		μῆχαν̄ρῡς̄, горенамъ съ нимъ;	
14	— третий,		δημηγορε̄ιν̄, громъ божій	
15	— четвертый,		παπταίνεσᾱ, громъ гласъ	
			божій.	

Въ четыре такта.

16. *Дисpondeй*, четыре долгіе: $\bar{\alpha}\bar{ρ}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\zeta}\bar{\omicron}\bar{\upsilon}\bar{\tau}\bar{\omega}\bar{\nu}$,
 Богъ даль намъ жизнь.

Нѣкоторые грамматисты почишають изчисленіе сложныхъ стопъ за излишнее, поелику онѣ ничто иное сущъ, какъ усугубленіе простыхъ; но въ Греческомъ языкѣ (а за нимъ и въ Латинскомъ) сіе изчисленіе конечно принято для того, что каждая изъ 28^{ми} стопъ можетъ заключаться въ особенномъ словѣ, какъ то и видно изъ вышеприложенныхъ Греческихъ примѣровъ.

По сему раздѣленію долгихъ и краткихъ слоговъ размѣряли Греки стихи свои для сочиненій *Эпическихъ*, *Элегическихъ*, *Лирическихъ* и *Драматическихъ*. Мы рассмотримъ сіи роды стиховъ вкратцѣ.

Размѣръ *Эпическій*, называемый также—по предметамъ, на копорые онъ посвященъ былъ—*Героическимъ*, а по числу частей своихъ—*экзаметромъ* (шестистопнымъ), состоить изъ дактилей и спондеевъ. Онъ по справедливости онъ знаменитѣе почишаея совершеннѣйшею изъ всѣхъ существующихъ формъ Поэзіи, соединяя въ себѣ

два главнѣйшія условія гармоніи, — разнообразіе и единство, — въ возможномъ спектени: ибо онъ способенъ къ 32 мь разнымъ измѣненіямъ (варіаціямъ) въ порядкѣ и количествѣ слоговъ, не выходя изъ мѣры музыкальныхъ временъ (пемповъ), коихъ имѣеть всегда шесть; слоговъ же оныхъ двѣнадцать до осмнадцати. Все сіе яснѣе видно изъ приложеннаго при семъ начертанія:

*Начертаніе измѣненій или варіацій
экзаметра.*

5 Дактилей и Сpondeй	— 00	— 00	— 00	— 00	пятая спона непрерывно дактиль	шестая спона непрерывно спондей		
	— 00	— 00	— 00	— 00				
4 Дактиля и 2 спондея	— 00	— 00	— 00	— 00				
	— 00	— 00	— 00	— 00				
3 Дактиля и 3 спондея	— 00	— 00	— 00	— 00				
	— 00	— 00	— 00	— 00				
4 Сpondeя и 2 Дактиля	— 00	— 00	— 00	— 00				
	— 00	— 00	— 00	— 00				
5 Сpondeевъ и 1 Дактиль	— 00	— 00	— 00	— 00				
	— 00	— 00	— 00	— 00				
	1	2	3	4			5	6

Вошь 16 варіацій въ одномъ полько дакшилическомъ экзаемпрѣ, ш. е. въ пѣкомъ, въ кошоромъ пяшая спона оспаешся непременно дакшиль; съ переменною пяшой споны на спондея, кошорая однако полько въ Греческой, а не въ Латинской поэзіи употребишельна, прибавишся новыхъ 16 варіацій, и шого 32.

Иліада, Энеида и другія поэмы древнихъ писаны симъ размѣромъ.

Сочешаніе онаго съ пеншамешпромъ (пяписпопнымъ дакшилоспондеическимъ) образуешъ размѣръ *елегическій*, кошороаго примѣры можно видѣшь у Овидія, Тибулла, Марціала, въ Аншологіи и пр.

Въ пеншамешпрѣ полько первое полуспишиіе подлежаишь переменамъ въ порядкѣ и количествѣ слоговъ, и слѣдовашельно онъ можешъ имѣшь полько чешыре измѣненія (варіаціи), шакимъ образомъ:

Нашертаніе варіацій пентаметра.

Первое полуспишиіе.

Второе полуспишиіе.

— ∞	— ∞				
— ∞	— —				
— —	— ∞	—	— ∞	— ∞	—
— —	— —				

Часть II.

4

Послѣднее полуспишиіе его неизмѣнимо; а чрезъ то служишь пенпаметръ, шакъ сказашъ, переходомъ опъ *елегитескаго* (повѣспвовашельнаго) спихосложенія къ *лиритескому* (пѣсенному); ибо въ семь послѣднемъ, какъ ниже увидимъ, порядокъ и количесство слоговъ совсѣмъ не перемѣняющся.

Лиригескихъ размѣровъ находяпся многія ошмѣны, Алкеевъ, Сафинъ, Ферекрашовъ, Гликоновъ спихъ, копорыя всѣ найши можно у Горація и коихъ я здѣсь замѣчу шолько общія принадлежности: а именно 1 е, что они сохранныю опредѣленный порядокъ и количесство слоговъ; бывъ подчинены непосредшвенно пляскѣ и музыкѣ, копорыя шребуюшъ сей опредѣленности; 2 е, что они бываюшъ мѣрою не болѣе 5 и не менѣе 2 'спопъ *простыхъ*, а побольшой часши 4 спопные, и 3 е, что господшвующія въ нихъ спопы сущъ ямбъ, хорей, спондей и дакшиль, въ извѣшномъ порядкѣ одѣ съ другими сопряженныя.

Пѣсни, саширы и другія мѣлкія спихопворенія писывались шакже и сплошь *ямбали*, копорыя бывали либо чиспые, либо перемѣшанныя со спондеями, пир-

рихіями и пр. Шестишпощные амбы посвященны были собщвенно *драматической Поэзіи*.

Отдѣленіе II.

О спопосложеніи новѣйшихъ языковъ и о различіи между прозодією количественною и понйческою.

Изъ новѣйшихъ обрабопанныхъ языковъ ни копорый не былъ способень ко всѣмъ видамъ спихосложенія Греческаго, за неимвніемъ *колитественной* прозодіи. Одиень полько Нѣмецкій языкъ, сколько мнѣ извѣспно, да еше изъ соплеменныхъ намъ Славенскихъ діалекшовъ Богемскій (*), имѣя прозодію опчаспи сходную съ Греческою, могутъ удачно подражать Греческимъ размѢрамъ. *Отгастіи*, говорю; ибо Греческая прозодія имѣеть передъ всѣми новѣйшими и даже передъ Лапинскою шу особенность, что въ ней самыя буквы гласныя сущь, шакъ сказашь, музыкальныя ношы, будучи не полько по *положенію*; занимаемому ими въ складахъ и реченіяхъ, но и *сами по себѣ*, или какъ Граммашики *шзьясцяющія* — по

(*) См. Неедлія Богемскую Граммашку: *Bohemische Grammatik*, 40, Johann Negerdy. Prag. 1804.

естеству своему долгими, крапкими и двувременными. Сіе по свойство долготы, крапкости и двувременности называется *колитествомъ* (*ρ'υθμός*, *numerus*). Оно совершенно независимо отъ ударенія или выходки голоса (*τόνος*, *accentus*), которое въ Греческомъ и Нѣмецкомъ, такъ точно какъ и въ Рускомъ, бываетъ всегда на одномъ копоромъ нибудь слогъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Греческомъ спавиися оно и на корошкихъ слогахъ, не перемѣняя ихъ мѣры, а въ Нѣмецкомъ съ удареніемъ соединяется непременно и пропяженіе слога, или лучше сказашь, голосъ повышается всегда на какомъ нибудь слогъ долгомъ, хотя сіе не мѣшаешь и другимъ, не имѣющимъ выходки слогамъ, бытъ долгими по ихъ свойству, на пр. *Umständ*, *umständlich*, *vielleicht*. Богемскій языкъ, хотя имѣетъ во всѣхъ словахъ непременно удареніе или выходку, а вмѣстѣ съ онымъ и пропяженіе на первомъ слогъ, на пр. *жѣна*, *сѣдѣти*, *бывати*, пропягиваешь однако, такъ какъ Нѣмецкій, прочіе слоги, на пр. *става*, *цгодиль*, и пр., слѣдовательно можешь имѣть спондеическую мѣру. Но за то онъ бѣ-

день ямбами, къ составленію коихъ дол-
жень непременно начашъ стихъ одно-
сложною часпицею, на пр. союзомъ или
мѣстоименіемъ, копорые бы не имѣли
ударенія; а пиррихіевъ, анапестовъ и
другихъ, краткими слогами начинающих-
ся спопъ, совсѣмъ не имѣешь (*). Напро-
тивъ того Руской языкъ, сими послѣд-
ними спопами изобилующій, лишень за
то спондеевъ, потому что нѣтъ въ немъ
собственнаго пропяженія, не зависяща-
го ошъ выходки, а слова получающъ
оное ошъ сей послѣдней, на одномъ толь-
ко слогѣ, на копоромъ голосъ повышается,
какъ бы впрочемъ слово ни было
длинно; на пр. чело^вѣ^колю^бе^ць, и^спо^до-
во^ль, не^удо^бо^испол^ним^ый. Когда же два
ударенія случашся сряду, на пр. едѣ ѡнѣ,

(*) Судя по различію въ прозодіи прехъ извѣстнѣйшихъ
Славенскихъ діалектовъ, п. е. Рускаго, Польскаго и
Богемскаго, изъ коихъ каждый особенное свое имѣеть
слогодареніе, полагаешь можно, что и прочіе, какъ то
Сербскій, Хорватскій, Краинскій, имѣють также
свои въ удареніи и мѣрѣ словъ особеннсти, копо-
рыя бы мы здѣсь замѣтили, ежели бы имѣли передъ
собою грамматикки сихъ діалектовъ; но мы даже не
знаемъ еще ничего объ ошвѣнахъ въ выговорѣ наше-
го собственнаго Рускаго языка, по разнымъ облас-
тямъ, на пр. объ Архангелогородскомъ, Сибирскомъ,
Украинскомъ выговорѣ, копорые въ слогудареніи не
всѣ сходны съ Московскимъ, употребительнымъ у насъ
выговоромъ, а болѣе на разнѣвъ произносятъ слова
и слѣдовательно имѣють, можешь бышь, пропяженіе
и спондеи.

поди протъ, сказатъ вамъ, тогда одно кошорое нибудь скрадываешся и успу- паешъ другому: на пр. *гдѣ онъ*; илиже: *гдѣ онъ, поди протъ, сказатъ вамъ*. Еспьли же ни кошорое изъ двухъ удареній успу- пить другому не можешъ, что бываешъ наичаще при спеченіи многосложныхъ словъ, на пр. *простира́тъ рѣки, иска́тъ сла́вы*, иногда шакже и при однослож- ныхъ, сохраняющихъ удареніе свое для важности и выразишельности слова; на пр. *гро́мъ гряну́лъ, азъ рѣ́къ бо́зи естѣ*, тогда непременно должно наблюдашъ между спекшимися удареніями проме- жушокъ или оспановку въ голосѣ (*паузу*), кошорая бы соотвѣпспвовала мѣроу по- ловинѣ шакпа, и замѣняла бы опсуп- спвіе крашкаго слога между двумя долги- ми; на пр. *иска́тъ (°) сла́вы, гро́мъ (°) гря- ну́лъ* и пр. По сему шо свойспву языка на- шего, любящаго спеченіе крашкихъ, ш. е. пиррихическую мѣру, а спондическую, ш. е. спеченіе долгихъ слоговъ не шерпяща- го, должны мы опказапъся опъ большой части Греческихъ размѣровъ, основанныхъ на сей послѣдней. Изъ 28 спопъ Гречес- каго спихосложенія принимаешъ языкъ нашъ шолько 9 спопъ; 5 *простыхъ*, а именно:

ямба, хорей, дактиля; анапеста и алфибрахія, и 4 сложныя, а именно: 4^{хъ} пеоновъ. Однако и съ симъ небольшимъ доспашкомъ прозодическимъ должно намъ почипашъ языкъ нашъ еще очень богашымъ, въ сра-вненіи съ другими, гораздо бѣднѣйшими въ шомъ языками. Сравнивъ напр. съ на-шимъ слогуудареніемъ Польское, Фран-цузское, Аглинское и даже Ипаліянское, можемъ мы смѣло воскликнуть съ Ка-рамзинымъ: „да будеть же чеспъ и слава нашему языку, кошорый въ самородномъ богашствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, печеть какъ гордая, величеспвенная рѣка, — шумишь, гре-мишь, — и вдругъ, еспшли надобно, смяг-чаешся, журчишь нѣжнымъ ручейкомъ и сладосшно вливаешся въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключающся шолько въ паденіи и возвышеніи человекскаго го-лоса.“ (Писма Рус. Путешественника Ч. IV). И ежели мы изъ своихъ 5 ши-сптопъ шолько первыя двѣ наибольше упопреляемъ, шо сіе не сполько изъ нужды, сколько изъ привычки и подра-жанія дѣлаемъ.

Ломоносовъ ввелъ *стопосложеніе* въ Рускую Поэзію съ шогдашнихъ Нѣмец-

кихъ образцовъ. Ямбы чешвероспопные постановилъ онъ преимущественно Лирическимъ размѣромъ, а шешиспопные или Александрійскіе стихи учинились подь перомъ его и Сумарокова размѣромъ Эпическимъ, Элегическимъ и Драмапическимъ—не попому, чпобы шаковой размѣръ былъ въ Рускомъ языкѣ для всѣхъ сихъ родовъ Поезіи удобнѣйшимъ и равно приличнымъ; а единспвенно попому, чшо онъ шакъ употреблялся у Французовъ и Нѣмцовъ. Спрашивается, за чѣмъ Ломоносовъ не избралъ для Пеприяды своей, вмѣсто единообразнаго Александрійскаго, свободнѣйшаго какого нибудь размѣра, на пр. *анапестоямбигескаго* или *дактилохорейтескаго*, копорые онъ самъ хвалилъ въ *Письмѣ своемъ о правилахъ Россійскаго стихотворства*? Вотъ его слова: „за наилучшіе, велелѣпнѣйшіе и къ сочиненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ скоростъ и шихосъ дѣйствія и сосшояніе всякаго приспрасшія изобразить наилучшіе, оные стихи почишаю, копорые изъ анапестовъ и *хореевъ* (?) сосшояшъ.“ (*) Далѣе, егоже слова:

(*) Читай: „изъ анапестовъ и *ямбовъ*“; ибо здѣсь очевидно вкралась ошибка переписчиковъ, ежели только

„очень также способны и падающие, или
 „изъ хореевъ и дактилевъ составленные
 „спихи, къ изображенію крѣпкихъ и сла-
 „быхъ аффектовъ, скорыхъ и тихихъ
 „дѣйствій, бытъ видяшся.“ Тупъ онъ
 приводитъ въ примѣръ „скараго и ярка-
 го дѣйствія“ два спиха дактилохореи-
 ческіе:

Брѣвна кашайше на вѣрхъ, камѣня и
 горы валите;
 Дѣсь бросайше, живучей выжавъ духъ,
 задавише.

Онъ бы вѣрно умѣлъ, власпію своего
 дарованія, ввеси между нами сіи раз-

Ломоносовъ говоритъ здѣсь о сопряженіи спопъ. Со-
 пряженіе *анапеста* и *хорея* — — — совершенно про-
 тивно нашей прозодіи; *анапестодактилескимъ* же спи-
 хамъ приводитъ онъ и примѣръ, въ томъ же пись-
 мѣ своемъ, шепраепры изъ анапестовъ и ямбовъ
 сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардишя

Вылепаетъ вспылчиво хищный вспокъ. и пр.
 Примѣръ, по несчастію, не очень заманчивый; ибо со-
 спопишь изъ дурныхъ спиховъ, кои совсѣмъ не дока-
 зываютъ пріятности размѣра. Сіи спихи, такъ какъ
 и всѣ прочіе, въ упомянутомъ письмѣ о правилахъ
 Россійскаго спиховворства въ примѣръ приводи-
 мые, принадлежатъ вѣроятно къ первымъ еще уче-
 ническимъ опытамъ нашего Пиндара. Получше сего
 примѣры анапестодактилескимъ спихамъ можно най-
 ти у другихъ Поеповъ нашихъ, на пр. у Державина
 въ *Ластогкѣ*, гдѣ они игриво перемѣшаны съ дактиллями:

Ты часно по кровлямъ щебечешъ,
 Надъ гнѣздышкомъ сидя поешъ,
 Крылышками движеніе; пренецешъ.
 Въ колокольчикъ горлышкомъ бнешъ. —
 Ты часно въ зеркалѣ водномъ и пр.

мѣры и не мало бы шѣмъ разширилъ границы Поэзіи нашей. Благодарить конечно должно Ломоносова уже и за то, что онъ, введеніемъ правильныхъ стопъ, освободилъ Россійскую Музу отъ недостойныхъ цѣпей прежняго, такъ называемаго *средняго* стихотворства, и подчинилъ Лирическое ея пареніе законамъ мелодіи равнѣйшей и пріятнѣйшей; однако жалѣть при всемъ томъ можно, что онъ спѣснилъ для нее свободный ходъ Эпопеи, единообразнѣйшимъ изъ всѣхъ стиховъ, Александрійскимъ съ рифмами. Но надобно сказать правду: онъ былъ только Лирикъ; Эпопея, равно какъ и Трагедія, была не его дѣло. Когда уже Пеприада его есть во всемъ подражаніе Генриадѣ, то неудивительно, что онъ и въ стихосложеніи не посмѣлъ удалиться отъ сего образца своего. Между шѣмъ, примѣръ Ломоносова, Хераскова и Пепрова, освятилъ между нами шестистопные ямбы въ качествѣ стиха Эпического; а дактило - хорейскій экзаметръ, по несчастію, съ самаго начала попался въ руки Тредьяковскаго, который шакже имѣлъ ошвагу зашѣвать новое, только не имѣлъ вовсе дарованія и вкуса, къ учиненію но-

ваго своего привлекательнымъ, и попому, своею ославленною Тилемахидою, ославилъ и невинный размѣръ, какимъ она писана, и совсѣмъ опшврашилъ опъ онаго публику. Опышы, дѣланные въ послѣдствіи, чшобъ оный восптановишь, были слишкомъ не важны и слабы, а попому и безуспѣщны. Для сего нуженъ Геній, и Геній Эпопеи, копорый бы написалъ поэму симъ размѣромъ, въ шакой же степени занимапельную и превосходную, въ какой степени скучна и груба Тилемахида. Трудная задача! Довольно однако на первой случай и шого, чшо изъ новѣйшихъ поэшовъ нашихъ, Бобровъ осмѣлился въ дидакшическихъ поэмахъ, по Аглинскимъ образцамъ, свергнушь съ себя узы Александрійскаго спиха и рифмы, — и имѣлъ въ томъ удачу; а Державинъ, Дмитриевъ, Карамзинъ и другіе, въ швореніяхъ Лирическихъ, приучаюшь насъ опяшь къ бѣлымъ спихамъ, къ дактилямъ и ко всѣмъ другимъ размѣрамъ, какіе шолько согласвы съ нашею поническою прозодіею.

Мелешій Смошрицкій (кого Грамматика напечатана въ началѣ 17го шмолѣшія въ Вильнѣ), а за нимъ Московскіе из-

дапели Славенской Грамматики 1648го года, хопѣли дашь Славенскому языку совершенно Греческую прозодію. Надобно думашь, чшо или Славенскій языкъ, который былъ уже погда языкомъ мершвымъ и токмо въ успахъ духовенства обносящимся, имѣлъ предъ нынѣшнимъ Рускимъ нѣкопорую способность къ количественной прозодіи, подобно языку Богемскому или, чшо оные Грамматики, не вникнувъ въ прозодическое свойство языка, коему сочиняли правила, принужденнымъ и неспешивнымъ образомъ, изъ одного только педанства, его коверкали. Послѣднее и вѣроянѣе; ибо не видно, чшобъ они нашли хотя одного подражателя, который бы по ихъ правиламъ сочинилъ стихи Славенскіе. Напрошивъ того, совершенная несообразность сихъ правилъ со свойствомъ языка Славенскаго, чаятельно, не укрылась ошь вниманія погдашнихъ ученыхъ; чшо и побудило ихъ искашь другаго Славенскому языку стихосложенія. Они бы, можеть быть, и нашли стихосложеніе легчайшее и согласнѣйшее со свойствомъ Славенорускаго языка, еспѣли бы только имѣли случай и охоту обратишь вни-

маніе свое на просонародныя пѣсни и преданія: но во первыхъ, ученость тогдашняго времени была школьная, презиравшая все то, чего не было написано въ книгахъ и о чемъ не сказывали ей Греки и Римляне; во вторыхъ же, ученые тогдашніе жили по большей части въ Польшѣ или въ подвласныхъ Полякамъ областяхъ Рускихъ, въ малой и бѣлой Руси, гдѣ и языкъ народный уже перемѣшался съ Польскимъ, а сей послѣдній, по праву завоеванія, начиналъ бытъ господствующимъ языкомъ между дворянами и духовенствомъ, и при томъ же нарочито уже былъ обработанъ, имѣлъ своихъ стихотворцевъ и пр. И такъ всего ближе и естественнѣе было успановишелямъ Славенскаго стихосложенія обратиться въ такую нужду своей къ сосѣдямъ и учившелямъ своимъ Полякамъ, и принявъ безъ дальныхъ разборовъ ихъ стихосложеніе. Въ ономъ недоспапокъ *благозвучности* (гармоніи) замѣняла по крайней мѣрѣ *созвучность* (рифма).

ГЛАВА ВПОРЯ.

*О стихосложеніи силлабическомъ (слоγο-
числипельномъ) и — по принадлежности
къ оному — о рифмѣ или созвучномъ
окончаніи.*

Силлабическое стихосложеніе естъ изобрѣшеніе позднихъ временъ и выдумано по нуждѣ для шѣхъ языковъ, коихъ прозодія ограничена неизмѣняемостью ударенія на одномъ копоромъ нибудь слогъ; такъ на пр. въ Польскомъ и Италіанскомъ всегда, или почти всегда, на предпоследнемъ, а во Французскомъ на последнемъ слогъ удареніе (*). Сія ограниченность не позволяеть имъ размѣрять стихи свои по стопамъ, хотя они и имѣють нѣкопорыя стопы, совмѣспныя съ ихъ слогаудареніемъ. На примѣръ, Французы имѣють ямбы, анапесты и даже спондеи; а ежели счишашъ полугласное *e*, то также хорей и амфибрахій. Но какъ они ихъ употребляютъ? Возьмемъ начало Тенриады:

(*) Ешлы не счишашъ *e* полугласнаго (muet), которое собственно не болѣе черпверши такта имѣеть прозодической мѣры; хотя Французы и прошагиваютъ оное въ стихахъ своихъ на полтакта, чпобъ замѣнить шѣмъ недоспашокъ крашкихъ окончаній.

Je chante ce Héros qui régna sur la France,
Et par droit de conquête, et par droit de nais-
sance;

Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,
Calma les factions, sut vaincre et pardonner.

И здѣсь нѣтъ даже двухъ стиховъ сходныхъ между собою въ размѣрѣ и въ порядкѣ стопъ. Одинъ стихъ состоишь изъ чисныхъ анапестовъ; въ другомъ ямбы и анапесты перемежаны безъ порядку; въ прѣшемъ нѣсколько чисныхъ ямбовъ сряду и потомъ опять распройка. Слухъ нашъ не скоро могъ бы догадаться, что это стихи, ежели бы не рифма ему о томъ напоминала. Рифма одна почти составляетъ всю складность подобныхъ стиховъ; а что они одинъ другому числомъ слоговъ равны, это ничуть не прибавляетъ имъ порядка въ размѣрѣ.

Польскіе же стихи еще ограниченнѣе шѣмъ, что окончаніе ихъ всегда женское, и нѣтъ мужескихъ рифмъ, нѣтъ разнообразнаго сочешанія стиховъ мужескихъ и женскихъ. И таковымъ однако бѣднымъ стихосложеніемъ довольствовались Рускіе во времена такъ называемаго *средняго* стихосворства (почти чрезъ цѣлое

спольшіе). Люди съ талантами, Теофанъ, Кантемиръ, Буслаевъ, коихъ произведе-
нія доспойны бы были въ лучшую одѣя-
ны бышь форму, поработали себя пѣс-
нымъ правиламъ сего несроднаго имъ
спихосложенія, подобно человѣку, копо-
рый — по уподобленію Ломоносова —
будучи обѣими ногами здоровъ, осужденъ
бы однако быль всегда скакашь на од-
ной (*).

(*) Поелику нѣшь вещи, копорая бы, при невыгодахъ
своихъ, не имѣла и выгодъ какихъ нибудь; по и сил-
лабическое спихосложеніе имѣеть для упошребляю-
щихъ оное языковъ выгоду, и довольно важную, — а
именно большую легкосшь къ сочиненію и свободу
въ разположеніи словъ: спихотворецъ у нихъ не за-
трудненъ подборомъ мѣрныхъ словъ, копорому у насъ
нерѣдко жершвованіе должно приличіемъ и силою вы-
раженій: и отъ того наши спипосложные спихи
гораздо труднѣе сочиняшь, нежели спихи Француз-
скіе, Италіянскіе и Польскіе, малымъ чѣмъ оупъ
прозы опличающіеся, въ коихъ вольно поспавишь,
ведѣ гдѣ надобно, приличнѣйшее и выразишельнѣйшее
слово, лицъ бы шолько набрать опредѣленное число
слоговъ, и на концѣ пріискашь рифму. А что наборъ
и пріискиваніе послѣднихъ гораздо легче подбору
правильныхъ спопъ, въ томъ, я думаю, согласишь
всякой. И шакъ, естли бы мы не имѣли спопъ, по
намъ конечно не безвыгодно было бы оспашься при
силлабическомъ спихосложеніи. Но со спипами оно
совсѣмъ несомѣспно. Гдѣ хромому позволяеться си-
дѣшь или покойно проѣзжашься, шамъ здоровый обѣ-
ими ногами долженъ пошрудишь ноги свои спипані-
емъ или ходьбою: и мы должны, какъ умѣемъ, поль-
зовашься выгодами собспвенной нашей прозодіи, и
несши шакже сопряженныя съ оною неудобспва. Съ
преодолѣніемъ большихъ шрудноспей, предспишь
намъ и большая слава.

Въ Рускомъ языкѣ могли бы стихи сіи принимашь и мужескую рифму, пакъ какъ во Французскомъ, опъ чего бы они спали нѣсколько поразнообразнѣе; но подражашели наши, не находя того въ образцахъ своихъ, въ Польскихъ стихахъ, не смѣли сею выгодою языка своего пользоваться. Обычай и предубѣжденіе заспавляли ихъ напрошивъ шого почишашь мужескія рифмы неблагородными и въ шуточныхъ шолько сочиненіяхъ для смѣху иногда позволишельными (*). Ломоносовъ справедливо, воспашешь прошивъ сего самовольнаго осужденія себя къ нищешь. Егѡ-шо генію предоспавлено было показашь намъ всѣ богатштва прозодіи нашей; способношть ея къ правильному шпослобженію и къ окончаніямъ стиховъ не шолько мужескимъ и женскимъ, какъ у Французовъ, но и *тригласнымъ* или *дактилитескимъ*, какъ у Италіанцовъ.

Рифма или созвучное окончаніе, безъ копораго Польскіе, Французскіе и Италіанскіе стихи никакъ обойшись не могутъ, не ешть необходимо нужное условіе въ нашихъ мешрическихъ или по шпо-

(*) Словомъ сказашь — шакими, какими новѣйшая Поэзія наша почишашь *тригласныя* рифмы.

памь размѣряемыхъ стихахъ, которые
 могутъ очень хорошо быть и безъ рифмъ,
 п. е. *бѣлыми стихами*, особливо въ со-
 чиненіяхъ Дидактическаго и Описатель-
 наго рода, каковы суть поэмы Боброва.
 Не спорю однакожь; чшобъ съ рифмами
 стихи не были еще пріятнѣе, и сіе
 особенно въ Лирическомъ родѣ, гдѣ Поэзія
 наиболѣе должна приближаться къ му-
 зыкѣ. Я весьма согласенъ съ пѣми, кои
 думаютъ, что рифма имѣла бы для насъ
 большую еще прелестъ, естли бы упо-
 шребляема была не такъ часто и не во
 всякомъ родѣ Поэзіи, но съ умнымъ раз-
 боромъ, въ нѣкоторыхъ только родахъ,
 для умноженія игривости и сладкогласія.
 Древніе Греки не употребляли въ спи-
 хахъ сей игры созвучностей; пошюму, въ-
 роятно, что не имѣли въ оной нужды, усла-
 ждаясь и безъ того предовольно много-
 различною и богатою мѣрою своихъ
 спопъ: но мы, при нашемъ спопосложе-
 ніи, еще не такъ богаты, чшобъ могли,
 подобно имъ, совершенно обойтись безъ
 сей побочной прикрасы въ нашихъ спи-
 хахъ, по правильнымъ спопамъ слагае-
 мыхъ: другое дѣло въ *стихахъ народныхъ
 русскихъ*, о коихъ говорено будешъ въ

слѣдующей части и кои, точно также какъ и Греческіе стихи, совсѣмъ не пребуютъ рифмы!

Можетъ быть теперь большая часть Рускихъ, по долготѣнному употребленію и привычкѣ, съ увѣренностію скажутъ, что форма Поезіи спонослагательная, утвердившаяся при Ломоносовѣ, есть согласнѣйшая съ механизмомъ языка ихъ и ошъ которой они уже не опспанутъ; однако всякому небезызвѣстно, что есть и другой складъ стиховъ, не сполько обработанный, но не менѣе согласный со свойствомъ языка Рускаго, ш. е. складъ Рускихъ народныхъ пѣсень. Прислушимъ къ разсмотрѣнію онаго.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

О Пародіи.

(Изъ Словаря Древней и Новой Поэзіи,
Н. Осиполопова).

Слово *Пародія* есть Греческое: *παρωδία* или *παρωδή*; составлено изъ предлога *παρά*, *трезв*, и существительнаго имени *ὠδή*, *пѣснь* или *пѣніе*. Сіе соединеніе производить въ одно время понятіе о сходствѣ и объ опличіи, такъ что чрезъ глаголь *παρωδείν* можно разумѣть, по словопроизведенію, одинъ или многіе стихи, написанные однимъ и пѣмъ же размѣромъ, по одному и пому же напѣву съ другими стихами, кои взяты образцомъ, но различные съ оными по смыслу и по предмету, къ которому относятся.

Греческіе и Латинскіе Риторы полагали нѣсколько родовъ *Пародіи*. Цицеронъ почти всѣ означилъ въ помъ мѣстѣ второй книги объ Орашорѣ, гдѣ показывается источникъ и правила замысловатой шушливости. Можно, говоришь онъ, съ пріятностію включать въ своемъ сочиненіи полный стихъ или съ легкою перемѣною, или совсѣмъ безъ перемѣны.

Пародія бываешъ:

1. Когда во взяпомъ спихъ -перемѣ-
няешя одно слово и чрезъ то раждаеш-
ся другой смыслъ. Слѣдующіе спихи изъ
Корнелева Сида всѣмъ извѣсны :

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce
que nous sommes;
Ils peuvent se tromper, comme les autres
hommes.

Малая перемѣна въ нихъ сдѣлала пра-
вило, принятое во всей ученой респуб-
ликѣ:

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce
que nous sommes;
Ils se trompent en vers, comme les autres
hommes.

Вошь переводъ обоихъ спиховъ, при-
водимый единственнo для показанія раз-
ноши въ подлинникѣ:

Велики хошь Цари, но намъ во всемъ по-
добны;
Къ погрѣшностямъ они, какъ люди всѣ,
способны.

Пародія же имѣешъ такой смыслъ:

Велики хошь Цари, но намъ во всемъ по-
добны;
Къ погрѣшностямъ въ спихахъ, какъ мы,
они способны.

2. Иногда переменна одной буквы производись Пародію. Капонъ, говоря о Маркѣ Фулвіи, переименилъ его названіе *Nobilior* (благороднѣйшій) въ *Mobilior* (непостояннѣйшій, самый переменчивый).

3. Приведеіе нѣсколькихъ извѣстныхъ стиховъ, или одного изъ нихъ, безъ всякой перемены, составляло шрепій родъ Пародіи. — Въ трагедіи А. П. Сумарокова *Гамлетъ*, пришедшая въ разсужденіе Герспруда говоритъ вшорому своему супругу:

Вы всѣ свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
Того прошивна дня, какъ шы на шронъ
возшель,
Тѣхъ пагубныхъ минушь, какъ честь я по-
теряла
И на супружную смерть *не тронута* взирала.

Ломоносовъ, кошорому послѣдній стихъ не понравился, сдѣлалъ изъ него самое Саширическое употребленіе. *См. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогахъ Россійскаго языка. Стран. 149.*

Аристофанъ изъ одного стиха Еврипидовой трагедіи *Ипполитъ*. сдѣлалъ Пародію въ своей комедіи *Лягушки*. Ипполишь, кошорому кормилица Федры объявила спрасшь къ нему сей Принцес-

сы, приходишь въ ужасъ и объявляеши негодование; кормилица пошчасъ напоминаеши кляшву его не сказываши никому о сей пайнѣ; Ипполиши отвѣчаеши: *языкъ мой далъ клятву, а сердце не брало въ толъ участія* (Ипп. Ст. 612). Аристофанъ нашель сей спихъ прошивнымъ нравспвенности. Онъ предспавиль въ означенной комедіи Бахуса, копорый, жалая доспавиши Аѳинянамъ хорошаго прагического Писашеля, нисходитъ въ адъ для того, чшобы вывесши опшуда Есхила, или Еврипида. Оба прагики споряиъ между собою; наконецъ Еврипидъ напоминаеши Бахусу, что онъ обѣщаль возвращиши его въ Аѳины, и Бахусъ опвѣчаеши: *языкъ мой далъ клятву, а сердце не брало въ толъ участія* (сп. 1515): я избираю Есхила.

4. Еще находисъ въ Аристофанѣ, въ Діонисіи Галикарнаскомъ и въ Ефесіонѣ чешвершый родъ Пародіи, состоящій въ писаніи спиховъ во вкусъ и слогомъ извѣспныхъ худыхъ спихопворцевъ.—На французскомъ языкѣ еспъ прекрасный сему примѣръ. Слѣдующіе чешыре спиха написалъ Боало въ подражаніе слогу Шапеленя, сочинишеля поэмы *Дѣвственница*:

Maudit soit l'auteur dur, dont l'âpre et rude
verve,
 Son cerveau tenaillant rima malgré Minerve,
 Et de son lourd marteau martelant le bon
sens,
 A fait de méchans vers douze fois douze cens.

Г. Николевъ сочинилъ двѣ оды въ по-
 драженіе слогу Тредіаковскаго. Здѣсь
 помѣщаются нѣкоторыя спрофы:

Склько дивисься вдругъ спанешь прилично,
 Видя Фелицей прославленный вѣкъ!
 Вѣкъ, въ коемъ тако предиворазлично
 Даръ свой для пользы стремишь человекъ.

О Лѣпомудра Богиня Фелица!
 Выше дѣлами ты Фебскихъ высотъ;
 Всѣмъ неизключно сердцамъ ты Царица,
 Сердцемъ родяся красивѣй красотъ.

Т. 4. стр. 10.

Гордый Султане! Мрачный владыко!
 Чшо не въ причину тако купилъ?
 Тя-ль не постигло бѣдство велико?
 Турчу ли нынѣ Русь не скрушилъ?

Ну же быспренько вонъ изъ Европы!
 Съ вольною волей менѣ бѣды.
 Иль шя загонишь Русь въ Ефіопы!
 Ей, преупруглый! жди сей чреды.

Т. 4. стр. 3.

5. Наконецъ послѣдній и главный
 родъ Пародіи еспь сочиненіе, написан-
 ное по разположенію другаго извѣснаго

шворенія, съ обращеніемъ на другой предметъ и съ произведеніемъ, чрезъ перемѣну нѣкоторыхъ выраженій, другаго смысла. Древніе наиболѣе говорятъ о семь родѣ Пародіи. Мнѣ случилось видѣть Пародію стиховъ Державина на рожденіе въ свѣрѣ порфиророднаго отрока, обращенную къ одному сочинителю, въ которой между прочимъ по мѣсто, гдѣ слѣшаются Геніи и предвѣщаютъ августѣйшему младенцу будущее, передано такимъ образомъ:

Будешь, будешь сочинитель
И чипашелей ширанъ;
Будешь нѣкогда учитель,
Будешь вѣчно Капитанъ.
Будешь и судьбы гласили
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ;
Старцы всѣ шуть повторили:
Будешь вѣкъ ходишь пѣшкомъ и пр.

Изобрѣшашелемъ Пародіи почишашу Гиппонакса, жившаго около 540 лѣтъ до Хрисціанскаго счисленія. Иные, согласно съ Аѳинеемъ, приписываютъ честь сію Архилоху, а другіе Гегемону, жившему на Фазосѣ, островѣ Егейскаго моря около 88 Олимпіады. Гегемонъ прославился наиболѣе своею *Гигантомахією*.—
Надлежитъ замѣтити, что ни одинъ По-

эпъ не былъ сполько пародированъ, какъ Гомеръ; его Вапрахоміомахію (поэма, война мышей съ лягушками) почишають Пародією нѣкоторыхъ мѣспѣъ Иліады и Одиссеи. Тимонъ, написавшій чепыре книги Пародій, бралъ основаніе оныхъ изъ швореній сего великаго Поэта. Онъ жестоко нападалъ на философовъ того времени и сравнивалъ ихъ съ шѣми пещерами, въ коихъ Эоломъ заключены были вѣтры: они, говорилъ Тимонъ, суть пузыри, надутые пустыми мыслями. И вопъ какимъ образомъ сдѣлалъ онъ въ одной своей Пародіи призываніе, въ подражаніе началу Иліады: „Повѣдай мнѣ, муза, кпо воспламенилъ между ними (философами) сію ужасную войну? Богиня Эхо, раздраженная на людей молчаливыхъ, разсѣяла повсюду болѣзнь многорѣчія; сія спрашная болѣзнь болшую часть изъ нихъ погубила.,—Пародіи Тимона были называемы *Силліями Silli*, опъ введенія въ нихъ Силена.

Пародія должна заключаешь въ себѣ пріятность и пользу, какъ и всѣ прочія опрасли Поэзіи; ее можно почешъ замысловашою шушкою, подъ кошорою скрывается испина. Иногда она выспавляетъ

на позоръ подверженное осмѣянію; иногда даешь назамѣчаніе ложныя красоты какого либо сочиненія, опкрываешь глаза Авшпору, ослѣпленному самолюбіемъ и лестію, и чрезъ то способствуешь къ его исправленію; иногда же служишь къ одному только увеселенію чипашеля.

Предметомъ Пародіи должно быть непременно извѣстное твореніе. Въ подражаніи надлежитъ сохранять вѣрность и точность; шутки должно употреблять съ бережливостію и такимъ образомъ, чтобъ онѣ казались происходящими самою себя; болѣе же всего надлежитъ остерегаться площадныхъ и неблагопристойныхъ выраженій.

Примѣганіе. Можно ли принять за Пародію шѣ сочиненія, кои называются *выворотенными на изнанку*, какъ на примѣръ Енеиду, преложенную такимъ образомъ на Французскомъ языкѣ Скаррономъ, а на Рускомъ Осиповымъ и Копельницкимъ? Сей *выворотъ на изнанку* есть не иное что, какъ описаніе шуточнымъ слогомъ шѣхъ произшествій, кои прежде описаны были слогомъ высокимъ; а *Пародія*, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, состоитъ наиболѣе въ

примѣненіи того же сочиненія къ другимъ произшествіямъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій, и пошому полагаю, что *изнанка* не есть Пародія, да и древніе о семъ родѣ сочиненій ничего не упоминають. *Выворотъ на изнанку* есть произведеніе новѣйшихъ временъ.

К Р И Т И К А .

Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея кагествѣ, содержащее основныя нагертанія всеобщей Физіологіи. Сочиненіе Доктора Медицины и Хирургіи и Экстраординарнаго Профессора Физіологіи и Анатоміи въ Императорской Медико — Хирургической Академіи Данила Велланскаго. С. Петербургъ. Въ Типографіи Іоаннесова. 1812.

Вотъ книга, на копорую нельзя по-чипи сдѣлать рецензіи, особливо шакой, какую хопяшь иногда видѣшь въ журналахъ сочинили разсмаприваемыхъ книгъ, или защипники ихъ. Она написана по *умозрительной Шеллинговой Философіи*, копорая, какъ извѣспно, есть *непримиримый врагъ Философіи*, шакъ называемой, *опытной*. Сказать по, что случилось намъ слышать объ ней ошь прошивниковъ и послѣдовапелѣй Шеллинговой Философіи и что говоряшь обыкновенно о сочиненіяхъ шакого роду; на-

звашь ее, какъ называюшь нѣкопорые, *бредомъ*, или, какъ превозносяшь другіе, *высокою Философіею*, было бы очень мало. Опъ Рецензента ипребуюшь доказа- шельспвъ, и иногда болѣе, нежели сколько можно требовашь опъ самаго Про- фессора, преподающаго курсъ его науки. Доказашь же свое мнѣніе какой нибудь изъ двухъ споронъ, убѣдишь кого либо въ заблужденіи его или въ справедливо- сти стороны прошивника, невозможно никакою рецензіею. Посмотримъ, на при- мѣрь, чего ипребуешь Г. Велланскій опъ того, кшо бы хотѣлъ приобрѣспъ позна- нія *высокой Философіи*, или убѣдишься въ основашельности преподаваемыхъ въ ней истинъ? Онъ говоритъ, что для сего *нужно отвергнуть всѣ положенія, произ- ходящія изъ Логическихъ заключеній* (Пред- увѣдомл. спр. VIII); увѣришься, что, на примѣрь, Анапомія, Физика, Химія, Механика и всѣ прочія науки, основан- ныя на опытахъ, въ нынѣшнемъ соспоян- ніи ихъ, шо еспъ не озаренныя Шеллин- ганскою Философіею, сущъ нешто иное, какъ *пустыязданія* (шамже спр. XV), и что гдѣ нѣтъ сей Философіи, шамъ, во всѣхъ наукахъ, царспвуешь *мракъ и хаосъ*

(ср. IV и V), и наконецъ — что всего пруднѣе — должно спастъ въ *точку*, или предъ *точкою*, „соспавляющею *центрѣ* „и *периферію* безконечнаго и вѣчнаго „*круга* вещеспвѣ и изливающею теоре- „*пическій* свѣспъ на разматриваемые „въ оной предметы, копорымъ каждый „озаряясь, предспавляется въ собспвен- „номъ видѣ своего быпія и общемъ, на- „чалномъ содержаніи къ единственной „сущности всѣхъ“ (ср. VII)! — Тщепно защитникъ *опытной* Философіи будещъ ушверждасть, что, для предохраненія себя и даже для излѣленія опъ заразительнаго сумасшесствія Шеллингianaскаго и всякаго *фантастическаго* бреда очень полезно слѣдовать *здравой опытной Ло- гикѣ*; что *очевидность опыта* еспъ един- спвенное начало и основаніе всѣхъ нашихъ познаній; что кромѣ сего начала никакого другаго принясп и допусспши не можно; — щепно будещъ онъ *дока- зывать*, что всякое *отвлеченное* поняшіе еспъ полько *отвлеченіе* опъ очевид- ности опыта, или *слѣдствіе* оной; что всякая *Теорія* должна соспоясп полько въ соедіненіи сихъ опвлеченныхъ поняшій, а не въ произвольныхъ вымы-

слахъ; чшо *предположенія* (гипотезы) сущь вообще начала произвольныя, которыя всякой можешь приняшь и не приняшь, не подвергаясь опасности заблужденія. Г-нь Велланскій говоришь: „Основанія, на которыхъ мы ушверждаемся, сущь шакъ глубоки и крѣпки, чшо нѣшь никакой опасности, чшобы кшо возмогъ поколебашь оныя; напуральная Философія, при шоликомъ множествѣ бурныхъ ея прошивниковъ въ Германіи и другихъ спранзахъ, спремящихся яросшно къ разрушенію оной, не пошерцѣла ни малѣйшаго подрыва, а еще болѣе ушвердилась оными“ (Предуспр. X). Онъ, увѣряя чшашащелей въ своей *искренности и безпристрастїи*, говоришь, чшо „возспающіе прошивъ сей Философіи изьявляющь (шолько) великую свою привязанность ко тлѣ“ (спр. IV); чшо *зависть* лишь одна побуждаешь ихъ къ прошиворѣчіямъ (спр. VII), и заключаешь: „Духъ мой ни мало не содрагаешь ошъ *туги страстей цтеныхъ недоброхотовъ*“ (спр. X). Какую рецензію можно было бы поколебашь шакую увѣренность?

Но, вѣря чшосердечно *искренности*
Часть II. 6

и *безпристрастію* Г-на Велланскаго, выпишемъ здѣсь кратко содержаніе *Біологическаго изслѣдованія Природы* и приведемъ изъ него нѣсколько положеній, не для того, чтобы доказать Г-ну Велланскому и защитникамъ его неосновательность мнѣній ихъ; но чтобы дать любопытнымъ читателямъ нѣкоторое понятіе о семъ сочиненіи.

Г-нъ Велланскій разсмаприваетъ здѣсь:

1 е. Всеобщую жизнь вселенной, относительно къ *абсолютной ея идеи*;

2 е. Явленіе всеобщей жизни въ неорганической природѣ подъ видами *творящаго дѣйствія*;

3 е. Образование всеобщей жизни въ неорганической природѣ подъ видами *творящаго бытія*;

4 е. Органическую природу, какъ *субъективное образование всеобщей жизни*;

5 е. Спроеііе организма живошныхъ соопшвѣспвенно главнымъ неорганическимъ веществамъ и живымъ швореніямъ земнаго міра;

6 е. Царспво. живошныхъ въ соображеніи онаго съ человекомъ;

7 е. Человѣка — въ *идеальной и мате-*

риальной сферахъ его;

8е. Бденіе и сонъ животныхъ;

9е. Темпераменты;

10е. Значеніе половъ, мужескаго и женскаго, и наконецъ

11е. Рожденіе и смерть.

Онъ говоришь, что сочиненіе сіе, „по обширности содержанія, принадле-
„житъ всякому роду ученыхъ людей;“ но
что „наипаче медики каждое положеніе
„въ ономъ найдутъ доспойнымъ своего
„вниманія, какъ по совершенному не-
„сходству онаго съ обыкновеннымъ чте-
„ніемъ, такъ и по вышему члвзрѣнію“
(Предув. спр. XV). Особенно хвалятся
онъ теорією чувствъ и основанною на
оной системою царства животныхъ;
ученіемъ объ идеальной сферѣ теловѣ-
скаго организма; показаніемъ глубокой
причины бденія и сна; изъясненіемъ
темпераметовъ и знатенія половъ; на-
конецъ теорією рожденія и смерти (спр.
XV и XVI).

Разсмапривая всеобщую жизнь при-
роды, онъ говоришь: „Изъ явленій жизни,
„подлежащихъ чувственнѣмъ испытані-
„ямъ, умственнаго поняшя объ оной
„имѣшь не можно;... сущность (жизни),

„какъ вѣчная и безпредѣльная идея оной,
 „наружнымъ чувствамъ и воображенію
 „непоспѣжима“ (спр. 1). „Любопытный
 „разумъ, не довольствуясь физическимъ
 „познаніемъ вещей, силился узнатьъ са-
 „мую отдаленнѣйшую причину жизнен-
 „ныхъ явленій; при всемъ томъ ощу-
 „щаемую матерію находилъ онъ въ од-
 „нихъ бездушныхъ атомахъ; а сила, не-
 „подлежащая чувственнымъ испытані-
 „ямъ, оспается для него вовсе неизвѣ-
 „стною“ (спр. 2. и 3).

Здѣсь невольно должны мы сдѣлать
 вопросъ: какимъ же образомъ можемъ мы
 приобрести умственные понятія о ка-
 кой нибудь вещи, если не можемъ дать
 намъ оныхъ (прямо, либо чрезъ опвлече-
 ніе) явленія, подлежащія чувственнымъ
 испытаніямъ? Какая вещь въ мірѣ мо-
 жетъ дѣйствовать на насъ иначе, какъ
 чрезъ чувства, и откуда, если не ошъ
 вещей видимыхъ, можемъ мы приобрести
 какія либо понятія? Посему по послѣ-
 дователи опытной Философіи никогда
 не силится узнатьъ того, чего нельзя
 достигнуть изъ физическихъ явленій,
 познаніе чего не возможно для человека.
 Въ самомъ дѣлѣ, здравый *разумъ* не мо-

жесть возбуждать любопытства къ познанію *сущности* вещей, *самой отдаленнѣйшей причины* жизненныхъ и всѣхъ явленій (кроме постигаемой имъ *первой причины*) и того, что называется *силою*. Онъ довольствуется познаніемъ сходства вещей, различія ихъ и законовъ дѣйствія одной на другую. Ища *причины* какого нибудь дѣйствія, въ самомъ дѣлѣ, онъ ищетъ всегда только другой дѣйствующей *вещи* и оспанавливается въ семь изысканіи тамъ, гдѣ, или не находить другой разнородной вещи, или самая изслѣдываемая скрывается опъ чувствъ; здѣсь уже довольствуется онъ знаніемъ только *образа*, или *законовъ явленій*. Одно *воображеніе*, не управляемое разумомъ, можетъ возбуждать безразсудное желаніе простирается далѣ. Потому то нужно знать, какимъ образомъ приобретаемъ мы и можемъ только приобретать познаніе о вещахъ, и можно ли имѣть правильныя *отвлеченныя* понятія инымъ какимъ способомъ, кроме *сравненія* или *сношенія ближайшихъ* и приведенія ихъ къ общему (*generalisatio*):—

Но посмотримъ, какъ Г-нь Веллан-

скій, по умозришельной Философіи, открываешь *сущность* жизни. Онъ говоритъ: „*Всеобщая жизнь*, по значенію „двухъ ея качествъ, составляющихъ „противуположнія принадлежности оп- „ражаемой ею единственной и повсюдной „сущности веществъ, образуемыхъ въ „природѣ дѣйствіемъ и бытіемъ, — со стороны единой вѣчности и повсюдной без- „предѣльности. Видимый міръ есть пред- „ставленіе одинакаго въ различномъ, и „различнаго въ одинакомъ.... Неорганиче- „ская природа, какъ пребывающій *объектъ*, „представляетъ собственно творимое, „а органическая, какъ дѣйствующій *субъ- „ектъ*, изъясляетъ пворящее качество „всеобщей жизни; но обѣ заключають въ „себѣ то и другое вмѣстѣ; пворящее ка- „чество неорганической природы являет- „ся подъ видомъ *свѣта*, а творимое по- „казывается *тяжестію*“ (спр. 10 и 11). Не открыва ли здѣсь *сущность* всеобщей жизни? Не удовольствовано ли любопытство разума? Долженъ ли онъ искать какой нибудь *отдаленнѣйшей причины творящаго и творимаго*? Долженъ ли онъ спрашивать, почему въ *свѣтѣ* являюща пворящее, а въ *тяжести* творимое?

Посшупимъ далѣе. — Жизненнаѧ дѣѧпельность *неорганическихъ* веществъ, по сему ученію, сосшопшь въ *Магнетизмъ*, *Электрицизмъ*, *Химизмъ*, или *Хелизмъ* (какъ говорись Г-нъ Велланскій) и *Галванизмъ*; а „органическая природа произо„шла, въ живошномъ царствѣ, по *принципу свѣта*, — со спороны дѣйствія, въ „расшишельномъ же по *наталу тяжести*, — „со спороны бышя всеобщей жизни, и „одно царство содержишь къ другому „въ *прямой противоположности ихъ сущестшования*; въ живошномъ Солнце пред„спавляешя Землею, а въ расшвнн Земля образуешя Солнцемъ“ (спр. 447).

Вы пошребуеше здѣсь — не доказапельствъ; нѣшь, ихъ шребуашъ нельзя, эшо уже рѣшено; но по крайней мѣрѣ — обьясненія. Не шребуйтеш на каждое непоняшное для васъ слово; эшо вняперо увеличило бы самую книгу и, можешъ бышь, все безъ пользы. Спросише, чшо ешь, по сей Философїи, *Свѣтъ*, *Тяжесть*, *Магнетизмъ*, *Электрицизмъ*, *Химизмъ* и *Галванизмъ*?

„Обыкновенная Физика, говорись Г-нъ Велланскій, главнѣйшїе сїи предметы „ещеспвеннаго познания не шокмо не

„показываетъ въ надлежащемъ ихъ свѣ-
 „пѣ, но еще погружаетъ глубже въ
 „мракъ невѣденія“ (спр. 16).

„*Магнетизмъ* есть видимое явленіе
 „одной изъ кашегорій, или главныхъ спо-
 „собовъ образованія и соспоянія всей
 „вещественной природы, по которой
 „кашегоріи всеобщая одинакость пре-
 „вращается въ особенное различіе, и ма-
 „перія дѣлается цѣлоспною и одинакою
 „въ самой себѣ, содержась ко всему внѣ-
 „шнему особенною“ (спр. 19). Вотъ и
 объясненіе этого опредѣленія: „Та самая
 „жизнь, кошорая въ идеальномъ ея обра-
 „зованіи представляется самопознашель-
 „нымъ Я, въ матеріальномъ опраженіи
 „показываетъ магнитнымъ дѣйствіемъ,
 „изъявляющимъ безразличіе общаго съ
 „особеннымъ, въ свойственномъ значеніи
 „каждаго; гдѣ общее, будучи особеннымъ
 „содержится въ ономъ пакъ, какъ идея
 „въ какомъ либо изъ своихъ поняпій“
 (шамъ же).

Вотъ опредѣленіе, кошорымъ Г. Вел-
 ландскій извлекаетъ насъ изъ глубокаго
 мрака невѣденія въ разсужденіи Магне-
 тизма, — изъ того мрака, въ кошорый,
 по мнѣнію его, погружаетъ обыкновен-

ная Физика! Здѣсь узнаемъ мы, что Магнетизмъ есть Категория; можно ли послѣ этого сказать: я не понимаю, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо? Узнаемъ, что посредствомъ сей Категоріи всеобщая одинакость превращается въ особенное различіе; не доспапочно ли это къ объясненію всѣхъ явленій Магнетизма? Здѣсь вмѣстѣ объясняется и самопознательность Я, и то, какъ идея содержится въ какомъ либо изъ своихъ понятій; это объясняется уже посредствомъ самаго Магнетизма!

Что есть Электрицизмъ? — „Эмпиригеское изслѣдованіе Электрицизма, говоритъ Г-нь Велланскій, состоитъ при однихъ машинахъ, изобрѣшаемыхъ ищательными испытателями для возбужденія и показанія различныхъ способовъ электрическихъ дѣйствій, въ которыхъ, однако, — сколько бы кто ни занимался оными, — никогда не можно видѣть самой сущности Электрицизма, понимаемой только въ области умозрѣнія“ (спр. 29 и 30). Здѣсь Г-нь Велланскій, кажется, хочетъ особенно присыдидить въ которыхъ, ищательно занимающихся опытами, въ незнаніи сущности Элек-

прицизма, и опкрываетъ имъ оную слѣдующимъ образомъ: „*Электрицизмъ* есть „кашегорія общаго сѣвленія матеріи“ (спр. 26). Онъ „содержится въ прошивномъ качествѣ къ Магнетизму; и въ опвлеченномъ ихъ значеніи первый есть „пространство, образующееся во времени,—какъ различное въ одинакомъ; а „второй составляетъ время, показывающееся въ пространствѣ, — какъ одинакое въ различномъ,“ (спр. 26); словомъ — „какъ линія содержится къ поверхности, такъ магнитное дѣйствіе опноисится къ электрическому“ (спр. 27).

Вопь сущность Электрицизма, понимаемая только въ области умозрѣнія! Вопь свѣтъ Философіи Шеллингианской, „опь сіянія коей не получаютъ ни малѣйшаго луча нѣ посвятившіеся въ ея таинства“ (Предувѣд. спр. V)! Такъ—ни малѣйшаго луча! Самые Магематики, которые наиболее чуждаются *посвященій въ какія либо таинства* въ наукахъ, по необходимости должны будутъ прибѣгнуть къ сему единственному способу, чтобы понять даже, какъ *линія содержится къ поверхности*.... Надобно быть *слишкомъ завистливу и недоброхотну*, чтобы не удивляться сей Философіи!

Узнавъ такимъ образомъ сущность сихъ двухъ видовъ динамическаго процесса, не шрудно уже будешъ поспигнушь и *Химизмъ* съ *Галванизмомъ*; ибо „*Химизмъ* не чпо иное ешь, какъ Магнетизмъ и Электрицизмъ въ безразличнои ихъ единствѣ,, (спр. 34); а *Галванизмъ* ешь „одна и та же кашегорія динамическаго процесса, какъ и *Химизмъ*, шолько различнаго и прошивоположнаго съ нею вида,, (спр. 38), ш. е. „химическій процессъ ешь химическое дѣйствіе въ магнитномъ свойствѣ; а галваническій оное же дѣйствіе, но въ электрическомъ качествѣ,, (спр. 39 и 40).

Наконецъ вы хошите знать, чпо ешь *свѣтъ* и *тяжесть*? „*Свѣтъ* изъясляющій субъективное дѣйствіе природы, не сосшощъ изъ матеріальныхъ ашомовъ, какъ обыкновенно думающъ; а ешь невещественный, совершенно прощцаемый, ... ешь *духъ* неорганическихъ веществъ, — шощъ самый, кошорый въ организмѣ обнаруживаешся жизненною дѣятельностію; а *тяжесть*, сосшощающающа существо матеріи, ешь ихъ *тѣло*, находящееся къ оному въ ша-

„комъ содержаніи, въ какомъ органиче-
 „скій членъ къ своей дѣятельности“
 (спр. 12). — Не подумайте, чтобы слова
духъ, тѣло имѣли здѣсь *переносный* (мета-
 форическій) смыслъ; нѣтъ — извѣстно,
 что тамъ, гдѣ открываея *сущность*
 вещи, и даже въ обыкновенныхъ нашихъ
 опредѣленіяхъ *переносныя* слова не при-
 нимаются. А что есть *духъ*? Что есть
тѣло? Это уже *само собою* разумѣется.

Такимъ образомъ объясняются въ
 семь сочиненій и другія важнѣйшія яв-
 ленія органической и неорганической
 природы. На примѣръ: *Произхождение*
чувствъ. „Чувства, ощущающія внѣшній
 „міръ въ пространствѣ, произошли и дѣй-
 „ствуютъ по *существенному, живому*
 „*знанію линіи, эллипсы и круга*; а пони-
 „мающія оныя во времени, образовались
 „по *идеальной силѣ гиперболы, овально-*
 „*сти и параболы*“ (спр. 89).

Бденіе и сонъ. „Бденіе есть свѣтлая
 „область человеческой жизни, представ-
 „ляющей здѣсь въ идеальныхъ разви-
 „тіяхъ духа; а *сонъ* мрачная ихъ страна,
 „гдѣ образуея она въ матеріальныхъ
 „произведеніяхъ шѣла“ (спр. 362).

Знаніе половъ. „*Творящій принципъ*

„жизни, изъявляемый въ общей природѣ
 „свѣпомъ; и *творимое* начало оной, по-
 „казуемое *птяжесцію*, въ органическомъ
 „мірѣ представляюща *мужескиѣ* и
 „женскиѣ *поломъ*“ (спр. 386). „Муже-
 „скій организмъ произошелъ по *экспан-*
 „*сивному*, или *центрифугальному*, свой-
 „ству свѣпа, а женскій образовался по
 „*контрактивному* или *центрипеталь-*
 „*ному* *качеству птяжеспи*“ (спр. 389).

Здѣсь доказываешся, что *каждое жи-*
вотное есть земная Планета въ извѣст-
номъ ея видѣ, и строеніе его организма
соотвѣтственно составу земнаго Міра;
 п. е. что *покровы организма равнозначи-*
тельны съ землями, кожа соотвѣтствуетъ
воздуху, легкое — водѣ, печень — горючимъ
ископаемымъ, кости — металламъ, желу-
докъ и кишки — солямъ, кровеносные сосу-
ды и мышцы — коралламъ и животнымъ,
лимфатическіе протоки и желѣзы — гри-
бамъ и растѣніямъ, а нервная система —
теловѣку. — Въ сравненіи царства живоп-
 ныхъ съ *человѣкомъ* открываешся, что
 въ *животныхъ* представлѣнъ *теловѣкъ*
раздробленнымъ, а въ теловѣкѣ образованы
 животныя *соединенными*, или что жи-
 вотныя, *взятая влѣстѣ, составляютъ те-*

ловѣка, ш. е. червь *означаетъ* теловѣтскую губу, моллюскъ—палецъ, рыба—глазъ, насекомое — носъ, земноводное — языкъ, а птица—ухо. Г-нь Велланскій, при объясненіи каждаго изъ важнѣйшихъ явленій природы, какъ мы и выше замѣтили, обращается къ обыкновеннымъ физическимъ наукамъ съ укореніями въ недоспанкахъ ихъ. Такимъ же образомъ, опзывается онъ о нынѣшней *Физиологіи* и *Зоологіи*, основывая ученіе свое объ организмъ человѣческомъ на Зоологіи, а систему царства животныхъ на шести человѣческихъ чувствахъ: *ощущеніи, осязаніи, зрѣніи, обоняніи, вкусѣ и слухѣ*. Сколько усовершенствуется Медицину споль важное открытіе! *Легкое* соопвѣнствуетъ *водѣ, желудокъ и кишки* — солямъ! *Губа теловѣтская* означаетъ *тервя, глазъ—рыбу, ухо—птицу!* „Вкусъ содержится къ осязанію, какъ медвѣдь „къ обезьянѣ“ (спр. 258)! Каковъ долженъ бытъ пошъ *Врагъ*, который, *въ области умозрѣній*, такъ ясно видитъ всю *сущность* природы!

Приведемъ наконецъ еще (*) одно

(*) *Еще одно изъясненіе* — повторяете вы съ неудовольствіемъ, упомясь рецензією! Милостивые Государи! взгляните на книгу, вспомните предметъ ея и званіе Г-на Сочинителя! Вы извините рецензента.

весьма важное изъясненіе первыхъ и важнѣйшихъ явленій органической природы, изъясненіе *Рожденія* и *Смерти*. Г-нь Велланскій говоритъ: „Какимъ образомъ + „и — соспавляюшъ вмѣстѣ о, не будучи „особенно частями онаго: такъ *рожде-* „*ніе* и *смерть* относяся къ всеобщей „жизни, не касаясь ея сущности; ибо + „и — хопя бы ты продолжалъ безконечно, „произведущъ всегда одно и поже о, въ „кошоромъ содержася они ничтожны- „ми: и ежели ты понялъ умственное „значеніе алгебраической формулы $+ o -$; „шо ты видишь здѣсь свойственнѣйшую „*схему* всегдашняго произхожденія, у- „ничтоженія и вѣчнаго сущесствования „органической природы“ (спр. 400). Какое изъясненіе! Какая Философія! Надобно бытъ слишкомъ *привязану ко тлѣ*, чшобы не понимать алгебраической формулы $+ o -$, слишкомъ *завистливу и недоброхотну*, чшобы опвергашъ *вѣсныя* математическія истины!

Но — кончимъ нашу рецензію! Чшо должно сказать о сей книгѣ? Назвашъ ли ее *бредомъ*, какъ называютъ нѣкоторые; или, какъ превозносяшъ другіе, *высокою Философіею*? Пусть рѣшашъ это чша-

шели! Мы посовѣтуемъ только нѣкошорымъ молодымъ людямъ, обыкновенно плѣняющимся *умозрѣніями*, никогда и ни для кого не отвергать правилъ здравой *Логикѣ*; всегда помнишь способъ *приобрѣтенія познаній*, чтобы умѣшь отличать *правильное умозрѣніе* отъ *пустыхъ метаній*. Посовѣтуемъ имъ читать и знать исторію наукъ, особливо исторію *Философіи*. Тамъ увидяшь они, что *умозришельная Философія* не въ первый уже разъ является на земномъ шарѣ; что науки и самыя художества, околько получили они отъ наукъ, обязаны нынѣшнимъ состояніемъ ихъ *способу опыта*. Какая разница между временами предшествовавшими и послѣдовавшими *Бакону*! *Предположенія, пустыя умозрѣнія*, вода умъ *человѣческій*, чрезъ нѣскольکو вѣковъ, отъ однихъ заблужденій къ другимъ, не привели его ни къ одной истинѣ до самыхъ временъ сего великаго *преобразователя Философіи*. Они, есшьли принесли какую пользу, то развѣ только шу, что умъ *человѣческій*, предавшись имъ, узналъ, кажется, всѣ пуши заблужденія. Это несчастная дань, какъ говоришь одинъ *философъ*, кошо-

рую предки наши невольно плашили
за драгоценную испину. Мы щаспшлывы,
чшо живемъ не въ шѣ времена! За чѣмъ
же добровольно подвергашься сей дани?

Ф.

Адрианъ или приключенія молодого Семинариста. Переводъ съ Французскаго. Москва. Въ Типогр. Всеволожскаго.

Давно уже не попадалось намъ книги, споль неблагоприспойной, соблазнительной и припомъ споль дурно переведенной. Поспавляемъ долгомъ предосперечь ошь нее любипелей чпенія. Она не полько не имѣеть никакой нравспвенной цѣли, но еще предспавляетъ разврашныя, подлые и беззаконныя поступки молодого человекъ, назначеннаго въ духовное соспоянїе, въ видѣ позволипельныхъ, а иногда и похвальныхъ дѣлъ. Двѣ женщины дурнаго поведенія и при распушныя Аббаша, изъ копорыхъ одинъ, влюбясь въ Жидовку, опрекается ошь Хрисианспва — сущъ главныя дѣйсспвующія лица сего романа. — Переводъ доспоинъ подлинника. Вошь нѣкопорыя фразы: (спр. 21.) „Нась почли бы споль глубоко погруженными въ задумчивоспъ, чшо будшо мы имѣемъ въ умѣ своемъ, какую нибудь идею, копорою шакъ сильно были заняпы“. (спр. 54.) „Ваше объясненїе *огень прекрасно*“. (спр. 20.) „Болѣе нѣжна не-

жели кокетка, невѣрность ея любовниковъ была причиною ея переменъ.“ — Надлежало бы выписать еще нѣсколько мѣспъ (на пр. на спр. 40, 53, 79, 100, 101, 115 и мн. др.); но мы боимся оскорбить своихъ чищашелей.

Г.

Задага Любителямъ Древности.

Милоспивые Государи мои! (*)

Естьлибъ я жилъ въ Пешербургѣ, по конечно давно бы имѣлъ честь познакомиться съ вами и, хопя или не хопя, вы бы узнали меня: но обспояпельспва и упражненія мои не позволяющъ мнѣ переселился въ Сполицу; и я, будучи уже не въ силахъ долѣе сопропивляться смерпной охопѣ моей сдѣлаюсь вамъ извѣспнымъ, принужденнымъ нахожусъ объявишь вамъ письменно то, что, по врожденной скромности моей, охопнѣе ошкрылъ бы вамъ изуспно: *Noris noscuro-Docti sumus!*

Такъ почно, милоспивый государь мой! и ученоспъ моя не шаковая бесполезная какъ многихъ другихъ; я жизнь мою посвяшилъ на приобрѣшеніе познаній самонужнѣйшихъ для рода человѣческаго; однимъ словомъ: я — Археологъ!

Двапцать лѣтъ въ Софіи, не выѣзжая далѣе какъ до Царскаго Села, я спрудился

(*) Писано къ Членамъ Общеспва.

надъ важнѣйшими и любопытнѣйшими изысканіями, какъ на примѣръ: Кшо была наспоющая машь Энея? Какого роспа былъ Александръ Приамовичъ? Замѣшше: я не говорю—*Парисъ*; не должно смѣшшвашь Царевичева имени съ паспушескимъ. Какого поведенія была Сафо въ Левосъ? Вподлиннули Анакреонъ былъ пьяница, или шолько, что называется, *Весельтакъ*? . . . Конечно, не ловко самому себя хвалишь, но нельзя же и не чувствовашь собшвенныхъ своихъ доспоиншвъ, о копорыхъ ешшли паче чаянія вы усумнишесь, шо пожалуйше, возмише на себя шрудъ справишья обо мнѣ у Г-дъ Царскосельскихъ Столяра, Слесаря и даже у *Янтарнаго Мастера*: они васъ удосповѣряшъ въ шомъ, что нѣкогда благодарное попомшво воздвигнешъ мнѣ памятникъ попрочнѣе шого, копорымъ Державинъ, въ слѣдъ за Гораціемъ, ласкаешъ себя.

Но объ эшомъ въ другое время: шеперь опкрою вамъ горе мое, копорому Вѣшникъ Европы безъ вѣдома причиною.— Три года я шрудился надъ Диссертацією о *Древнихъ Вѣнцахъ*, подъ заглавіемъ:

Историческое, Филологическое, Эстетическое и Философическое изслѣдованіе о Вѣнцахъ, Хронологическимъ порядкомъ изложенное, отъ Сотворенія Мира по Жидовскій бунтъ, случившійся въ 1734 году въ Роттердамѣ. — По одному заглавію вы можете уже судить, какихъ трудовъ мнѣ стоило обширное предпріятіе мое и чего еще будетъ стоить, еспли (чего боюсь!) прійдется все сызнова переработывать! *Инфоліо* мой и съ полнымъ къ нему *Индексомъ* на число переписанные, готовы уже были отправишься въ цензуру, какъ попался мнѣ въ руки Вѣспника Европы, Апрѣля нынѣшняго года, Но 7й . . . и ноги подкосились подо мною! Вопшь что въ немъ срѣзало меня: „Ты вмѣсто пышнаго Гражданскаго Вѣнца. (примѣчаніе) — какіе давали обыкновенно въ древности за мирныя добродѣтели.“ Изъ піэсы: Благошворителю Московскихъ музъ. —

Посудите вы сами объ опчаяніи моемъ! Я говорилъ обо всѣхъ древнихъ Вѣнцахъ вообще, а объ эпомъ и не слыхаль никогда! — *Гражданскій Вѣнецъ!* — Не ужели эшо Согона *сівіса*? . . . А я, не одумав-

шись, утвердительно сказала о ней (въ 137 й главѣ моего сочиненія), что она давалась за воинскій подвигъ, *ob civem servatum*, за спасеніе отъ смерти *Гражданина!!!*

Три дня и три ночи роюсь въ огромной библіотекѣ моей, и кромѣ *Corona civica* не могу отыскашь ничего похожаго на *Гражданскій Вѣнецъ*. — Что мнѣ дѣлать! *Corona Civica, Aurea, Triumphalis, Ovalis, Muralis, Obsidionalis, Navalis, Rostrata* — всѣ, безъ изъясненія, давались только за храбрость, мужество, за подвиги воинскіе. *Corona Victorum in ludis sacris* хопя и мирная была, но давалась не за добродѣтели, а за преимущества въ состязаніяхъ въ Поэзіи, въ музыкѣ, силѣ шѣлесной и проворствѣ. — Правда, что *Иродотъ* и *Пиндаръ* украшены были шапками *Коронами*, но и шупь я не вижу обыкновенной награды за мирныя добродѣтели, поелику на равнѣ съ ними увѣнчавались и *Ашлепы* — что я говорю *Ашлепы*? — даже лихіе бѣгуны: очемъ извольте спросишь (только не въ переводѣ!) самаго *Пиндара*! (VI. Олимп: спрофа 6 я сп.: 7 й).

О прочихъ вѣнцахъ — какъ *Corona Nuptialis, Natalitia, Convivalis* — и о тѣхъ, что Греки называютъ *ἔρωτες* мирныхъ и любовныхъ, съ коими покойники отправлялись въ *разширенныя долины вѣчности*, нечего и упоминашь; они даже и не принадлежатъ къ вопросу. Гдѣ же мнѣ шеперь другихъ опыскивать? Не знаю и другаго ничего придумаешь не могу, какъ только прошу васъ, милоспивые государи мои, напечатать въ С. Пешербургскомъ Вѣспникѣ, предлагаемый мною ученому свѣспу ученѣйшій вопросъ: *Что такое пышный Гражданскій вѣнецъ, который давали обыкновенно въ древности за мирныя добродѣтели?* Можешь быть кто нибудь сжалится надо мною и выведешь меня изъ мучительнаго недоразумѣнiя. Я не назначаю срока рѣшенiю, но буду ожидать отвѣса отъ любителей древности съ неперпвнiемъ равнымъ шему, кошорымъ мучусь, чтобы скорѣе выпустить на свѣспъ Диссершацию мою и быть въ правѣ сказать: *Non omnis moriar!* — Сколько ни скучно мнѣ будешь переправляшь огромное сочиненiе мое — еспли того попребуешь удовлетворительный отвѣспъ; но я охотнѣе рѣшусь на двой-

ную работу, какова была Тредьяковскаго, нежели оставишь несовершеннымъ трудъ, ошъ копораго ожидаю безсмертія.

Съ истиннымъ почитаніемъ есмь,
Милоспивые Государи мои,
Вашъ покорный слуга
Тома (или Тома) Археомановъ.

Апрѣля 19-го дня

1812-го года.

Городъ Софія (С: П: Б: губерніи).

Р. С. Хопя, по званію моему, я обязанъ находить красоты только въ пѣхъ произведеніяхъ, копорымъ по крайней мѣрѣ двѣ тысячи лѣтъ спаршинсва; не менѣе того я чувствительнень ко всѣму изящному, какому бы оно вѣку ни принадлежало. Доказательство сему — Ипербола мною употребленная: *разширенныя долины вѣчности*; — она чужая но я потчасъ ее себѣ присвоилъ и совѣтую и вамъ, Милоспивые Государи мои, разобращъ ее эстетически. Какая гордая мысль: *разширить долины вѣчности!* — *Разширить* по, чему предѣловъ нѣтъ! Надобно имѣть узкой умъ, чшобы не плѣняиься такою широкою фигурою.

О П Е Ч А Т К И:

Напечатано:	Читай:
Стран. 3, Стр. 17. Меридское	Меридово
—— 4, — ² 9: Афинянь,	Авинянь,
—— 52, — 19: Umständ,	Umstand,
—— 62, — 21 и 24: <u>е</u>	<i>e</i>
—— 80, — 22: <i>доказывать</i>	доказывашь
—— 99, — 3: За чѣмъ	За чѣмъ же.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКІЙ
В Ъ С Т Н И К Ъ.

М А Г И Й 1812. № 5.

І. С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

Абу-Гіафаръ - Алманзоръ,

или

Какъ должно судить о людяхъ.

Фана Хозру, прозванный Адгадь-Еддулапъ, былъ одинъ, изъ величайшихъ Государей Воспока. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества и добродѣтели, копорыя передающъ имена Монарховъ опдаленнѣйшему попомству. Покоривъ Персію и овладѣвъ Багдадомъ, столицю Калифовъ, онъ возсѣлъ на пресполѣ сихъ Государей, намѣспниковъ Великаго Пророка.

Однажды разговариваль онъ съ знаннѣйшими особами своего двора, и искалъ вмѣспѣ съ ними средствъ соспавить благополучіе народовъ, копорыхъ судьба

была ввѣрена ему провидѣніемъ. Онъ разсуждалъ о томъ искусствѣ, которое долженъ употреблять Государь, чтобы не быть обманушимъ, и чтобы хорошо узнать свойства людей, его окружающихъ.

Придворные Адгада-Еддулаша объявляли ему поочередно свои мнѣнія. Адгадь слушалъ ихъ улыбаясь: ибо онъ очень хорошо видѣлъ, что они совѣтовали употреблять только тѣ способы, посредствомъ коихъ онъ непременно долженъ былъ сдѣлаться жертвою обмановъ. Въ числѣ придворныхъ находился мудрый Морадь, который былъ всеми уважаемъ за свои познанія, честность и благородную откровенность. Онъ одинъ хранилъ молчаніе. „Почему ты не подаешь мнѣ никакихъ совѣтовъ? спросилъ его Адгадь. Не ужели ты одинъ отказываешься насъавишь меня въ той наукѣ, которая всего полезнѣе для Государя, въ наукѣ: не быть обманушимъ? Открой мнѣ самый вѣрный способъ судить о достоинствахъ людей.“ — Государь, отвѣчалъ Морадь, въ то время, когда свои придворные подавали тебѣ удивительныя совѣты, я думалъ о Калифѣ Абу-Гафарѣ-

Алманзорѣ, основашелѣ Багдада и славѣ Воспока. Великій Алманзоръ зналъ въ совершенствѣ эту науку, которая можешь бышь не споль прудна, какъ шы воображаешь; и ежели хочешь меня выслушашь, по я расскажу тебѣ, какимъ образомъ онъ узнавалъ людей, съ копорыми раздѣлялъ управленіе обширнымъ Государствомъ.

Услышавъ ошъ Адгада, что онъ неперцѣливо желаешь знашь, какъ поступалъ Алманзоръ, Морадъ началъ говорить слѣдующее:

Калифъ Абу-Гафаръ-Алманзоръ лишился своего Казнохранишеля. Когда онъ спалъ разсмапривашь посшупки его, по увидѣлъ, что онъ ограбилъ казну, и собралъ для себя великія сокровища, разоривъ цѣлыя обласши своими прицѣсненіями. Алманзоръ чувспивовалъ необходимости замѣнить невѣрнаго Министра такимъ человѣкомъ, копорый не упошреблялъ бы во зло его довѣренности и своей власши. Но гдѣ найши того, кто бы былъ достойнъ заняшь такую важную должность? Какую чесшность не обольсцашь сокровища, когда можно завладѣшь ими безъ всякаго шруда? Всѣ значнѣйшіе

чиновники домогались сего званія; всѣ распочали золото и упопреляли всякаго рода средства, чтобъ получить успѣхъ въ своемъ намѣреніи; всѣ клялись въ своей честности и въ усердіи къ общему благу. Но Калифъ не смотря на происки придворныхъ, оставался еще въ нерѣшимости.

Между тѣмъ всѣ ожидали, что должность Казнохранишеля будетъ поручена Агибу, которій обладалъ великимъ богатствомъ, славился своимъ умомъ и не щадилъ ничего, чтобъ получить это мѣсто. Калифъ много слышалъ объ Агибѣ, но не зналъ его. Желая удостовѣриться въ его достоинствѣхъ, онъ призвалъ къ себѣ одного придворнаго, по имени Мегмеша. „Ты безпрестанно хвалишь мнѣ Агиба, сказалъ онъ ему; я хочу сдѣлать его Казнохранишелемъ; но прежде я хочу узнать его. Сего дня вечеромъ я переодѣнусь и пойду къ нему вмѣстѣ съ побою: назови меня своимъ другомъ; хвали меня какъ можно больше, говори о моихъ свѣденіяхъ, умѣ и особливо о моей честности, а въ то же время скажи ему, что я бѣденъ и несчастенъ. Но берегись открытъ ему, что я въ самомъ дѣлѣ; измѣня

пвоя будешъ споить шебѣ жизни.“ Мегменъ повергаешя къ споамъ Алманзора, и даешъ кляшву, чшо исполнишь его волю.

Ввечеру, Абу-Гіафаръ одѣвается въ самое простое плашье, и идешъ къ Агибу. „Позволь мнѣ, Агибъ, говоришь Мегменъ, предсшавить тебѣ челоуѣка, кошорый оказалъ мнѣ важныя услуги. Онъ одаренъ превосходными качествами и свѣдушь во всѣхъ наукахъ. Ты видишь въ немъ образецъ честности и добродѣтели; но судьба поспушила съ нимъ несправедливо: онъ бѣденъ и находишья въ совершенной крайности.“ Агибъ кланяешя Мегмену, говоришь съ нимъ съ величайшимъ почпеніемъ, распочаешъ ему самыя леспныя похвалы, и едва удоспоиваешъ Калифа малымъ наклоненіемъ головы. — Въ эпо время приходящъ нѣкошорые друзья Агиба. Онъ принимаешъ ихъ съ чрезвычайною ласкою, и, кажешя, не находишь словъ, какъ изъяснить имъ свою дружбу. Чшожь касается до бѣдняка, одѣпаго споль худо, по онъ совершенно позабышь Агибомъ, и не можешъ обрапить на себя ни одного ласковаго взгляда.

Приносящъ закуски и шербешъ; всѣ

госпи садяшся вокругъ спола, украшеннаго и освѣщеннаго съ величайшею пышносною. Первое мѣсто занимаешъ Мегмешъ; госпи посажены смошря по ихъ чинамъ и богатству, а бѣднякъ принужденъ бы былъ стояшъ, еспьлибы самъ не занялъ послѣдняго мѣста.

Между шѣмъ сожигаютъ драгоценныя благоуханія въ золотыхъ курильницахъ; толпа музыканшовъ и плясавицъ восхищаютъ слухъ и зрѣнiе бесѣдующихъ, копорые не переспаютъ прославляшъ доспоинспва Агиба, превозносите его умъ, вкусъ и разборчивосшъ. Зашель разговоръ о мѣстѣ Казнохранишеля. — „Ты непременно получишь его, говоряшъ всѣ Агибу. Можешъ ли Калифъ сдѣлашъ лучшей выборъ? Гдѣ найдешъ онъ челошъка, копорый былъ бы доспойнѣ Агиба?“ Пошомъ каждой начинаешъ просишъ у него покровишельспва для себя и для своихъ друзей. Радосшъ и гордосшъ блиспаютъ въ глазахъ Агиба; онъ обѣщаетъ всѣмъ исполнишъ ихъ просьбы, и клянется Мегмешу, что никогда не забудешъ шѣхъ благодарнiй, копорыя получишъ опъ него, ежели сдѣлаешся Казнохранишелемъ. — Бѣднякъ долго молчалъ; наконецъ говоришъ

съ робостію Агибу: „Могу ли надѣяться, мудрый Агибъ, что ты вспомнишь и обо мнѣ, когда вступишь въ эту важную должностъ? Я буду служить тебѣ съ истиннымъ усердіемъ. Великія злополучія, которыя я не могъ предвидѣть, лишили меня богатства, и не оставили мнѣ ничего, кромѣ моей честности, сокровища, котораго судьба не можетъ у насъ похитить.“ Агибъ смотритъ на него съ улыбкою покровителя и ничего не обѣщаетъ. Наконецъ гости уходятъ, а вмѣстѣ съ ними и Алманзоръ съ Мегмешомъ.

По прошествіи недели Калифъ призываетъ Мегмеша. „Сего дня, говоришь онъ, мы опять пойдемъ къ Агибу. Я одѣнусь богато, множество невольниковъ будутъ провожать меня, и ты долженъ сказать, что въ судьбѣ моей сдѣлалась чрезвычайная перемѣна; что, будучи предсавленъ Калифу, я ему очень понравился, и онъ осыпалъ меня благодареніями; скажи, что, можетъ быть, въ скоромъ времени я буду знатнѣйшимъ человекомъ въ Багдадѣ. Но я опять пребуду опъ себя величайшей скромности. Если ты осмѣлишься открытъ обо мнѣ

прежде времени, по поступлю съ побою какъ съ измѣнникомъ.“

Калифъ надѣваетъ великолѣпное плашье, садится на богато убранную лошадь, и сопровождаемый многочисленною свитою, ѣдетъ вмѣстѣ съ Мегметомъ къ Агибу. Увидя такихъ пышныхъ гостей, Агибъ спѣшитъ къ нимъ на встрѣчу и съ величайшею учтивостью ихъ привѣтствуетъ. „Порадуйся, любезный Агибъ, сказала Мегметъ, щасію моего друга, котораго я недавно приводилъ къ тебѣ. Учасъ его перемѣнилась; онъ былъ предсавленъ Калифу и снискалъ его любовь и довѣренность. Никому еще не было такого неожиданнаго щасія, и можно ожидать, что онъ скоро будетъ сдѣланъ Великимъ Визиремъ. Я упросилъ его посѣпить тебя.“

Нельзя изобразить изумленія Агиба. Онъ едва можетъ скрыть свое замѣшательство. Кланяясь тому, кого за недѣлю предъ симъ принялъ такъ худо, онъ достаетъ головою почти до полу; дѣлаетъ множество поздравленій, и благодаритъ Бога, что имѣлъ случай познакомиться съ такимъ достойнымъ человекомъ. „Теперь я увѣрился, говоритъ онъ, что

щастіе не всегда поступаешь несправедливо: оно наградило умъ и добродѣтель!“ Тутъ вводишь онъ Алманзора въ великолѣпную комнату, гдѣ было много господей; забываешь всѣхъ ихъ, говоришь только съ нимъ однимъ и безпрестанно швердишь о шой чести, копорую онъ сдѣлалъ ему своимъ посѣщеніемъ. Приносяшь шербешъ также какъ и въ первый разъ, но уже въ самыхъ дорогихъ сосудахъ; на споль спавяшся самыя рѣдкія кушанья, комнату освѣщающъ великолѣпнѣйшимъ образомъ и куряшся драгоценнѣйшія благоуханія. Опяшь говоришь о мѣспѣ Казнохранишеля. — „Я недавно обѣщаль, говоришь Агибъ Алманзору, сдѣлашь тебѣ благодѣяніе: ты безъ сомнѣнія это помнишь. Но теперъ справедливое небо предупредило мои желанія; теперъ я самъ имѣю величайшую нужду въ швоемъ покровительствѣ, и надѣюсь, что ты не откажешься употребить свою силу при дворѣ, чтобъ доставишь мнѣ мѣспо, копорого ищу я.“ — И копорого не получишь: ибо ищешь его только для того, чтобъ обманушь меня, сказалъ Калифъ. Я не хочу сдѣлашь моимъ Казнохранишелемъ того, кто не

смогшишь на дарованія и честность, а уважаешь только деньги. Узнай во мнѣ самаго Абу-Гіафара, копорого ты принялъ прежде такъ худо, думая, что я не имѣю ничего, кромѣ ума и честности. Прощай, оправляю тебѣ свое богатство; но ты не умножишь его на щель мой и моего народа: ты не будешь моимъ Казнохранителемъ. —

При имени Абу-Гіафара всѣ госпи въ изумленіи и въ ужасѣ повергаются на колѣни, оправляюща въ семь положеніи до шѣхъ поръ, пока Калифъ уходитъ изъ дому Агиба, и вспавъ спѣшавъ удалился опъ несчастнаго, копорый навлекъ на себя негодование Государя.

Между шѣмъ Калифъ возвращался домой, сопровождаемый однимъ Мегметомъ. Онъ оппустилъ опъ себя бесполезную свиту, и хотѣлъ дойти до дворца пѣшкомъ. Дорогою онъ размышлялъ о своемъ приключеніи, и внуренно смѣялся надъ страхомъ и замѣшательствомъ Агиба. Въ то же время онъ думалъ о средствахъ найсти хорошаго человека для должности Казнохранителя. Онъ перебиралъ въ умѣ своемъ всѣхъ людей, копорые искали эшого мѣста, и никто изъ нихъ не

казался ему достойнымъ. Проходя мимо одной мечети, онъ увидѣлъ нищаго, сидящаго на камнѣ. Когда подошелъ онъ къ нему, то бѣднякъ вспаль и проспирая къ нему руку „сжался, говорилъ ему, надъ несчастнымъ, умирающимъ съ голоду.“ — Оспавъ насъ, опвѣчалъ сурово Калифъ, и безпокой другихъ своими просьбами: у меня ничего нѣтъ.

Нйщій вздохнулъ, и оняшь сѣлъ на камень, гдѣ пригошовлялся провести ночь. Между шѣмъ Калифъ роняешъ съ намѣреніемъ къ ногамъ его кошелекъ съ двумя тысячами секиновъ, и удаляешся опъ мечети. Едва прошелъ онъ нѣскольکو шаговъ, какъ услышалъ позади себя крикъ: „оспановись, оспановись!“ Онъ оглядываешся и видишь нищаго. „Чего ты опъ меня хочешъ? сказалъ онъ; еще разъ говорю тебѣ, что у меня нѣтъ де, негъ.“ — Такъ, опвѣчаешъ несчастный; но возьми опъ меня свой кошелекъ, копорый ты выронилъ: вопъ онъ! — „Опъ чего же ты не взялъ его себѣ? спросилъ Калифъ: въ немъ двѣ тысячы секиновъ, а это много значишь для шакого бѣдняка какъ ты.“ — Ахъ! присвоивъ его, я пошерялъ бы болѣе, нежели сколько нашель. —

„Какъ?“— Я бы сдѣлался богатырь, а потерялъ бы свою честность.— „Скажи мнѣ, кпо ты?“— Я сынъ одного купца, и называюсь Алиемъ. Отецъ мой трудами своими кормилъ большое семейство, но вдругъ постигло его несчастіе, отъ котораго онъ въ конецъ разорился.— „Какое несчастіе?“— Казнохранищель Калифа пребывалъ отъ насъ множество разныхъ товаровъ: мы принуждены были войти въ долги, чтобы исполнить его требованіе; но послѣ онъ отказался заплатить намъ, и мы лишились всего, что имѣли. Отецъ мой продалъ и домъ свой и лавку, чтобы заплатить заимодавцамъ, и наконецъ умеръ съ печали, а я дошелъ до того, что долженъ просить милосердія, пока не найду себѣ работы.— „Ты просишь работы, сказалъ Калифъ; хорошо, спущай за мною: завтра я дамъ тебѣ дѣло.“ Нищій идетъ за Алманзоромъ, не зная куда его ведутъ, и не ожидая отъ него большой награды.

Пришедши во дворецъ, Калифъ приказалъ дать ему богатое платье, прекрасныя комнаты, и двадцать невольниковъ для услуги. Повелѣніе Калифа исполняется и бѣдный Алій не знаетъ, что подумать о своемъ приключеніи.

„Завтра, Алій, ты долженъ явиться въ диванъ, говоритъ ему Калифъ; шеперьъ поѣди въ свои комнаты и успокойся: завтра будешь имѣть работу.“ Алій бросается къ ногамъ Калифа, хочешь говорить съ нимъ, но не находишь словъ для выраженія своей радости и благодарности. Онъ почищаетъ все случившееся съ нимъ за сновидѣніе и боится проснуться. Его ведутъ въ богатоубранные покои, гдѣ двадцать невольниковъ ожидаютъ почтительно его приказаній.

На другой день по утру Алій получаетъ повелѣніе явиться въ диванъ, но только въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ на камнѣ у мечети, и просить милосердія. „Увы!“ говорилъ онъ, одѣваясь опять въ рубище; щасное мое кончилось очень скоро!“

Будучи приведенъ въ диванъ, увидѣлъ онъ Калифа, сидящаго на тронѣ и окруженнаго вельможами. Изумленный Алій повергается къ ногамъ его, и долгое время оспрашивается въ семь положеній, подобно опрокинутой спалюѣ. „Вспанъ, сказалъ ему Калифъ, я обѣщала дать тебѣ работу, и хочу сдержать свое слово.“ Потомъ, обращаясь къ окружающимъ его: „я

давно ишу, продолжалъ онъ, челоѣка, который бы могъ бытъ моимъ Казнохрани- шелемъ. Мнѣ хотѣлось поручить эту должность тому, кто предпочтетъ че- стность богатству, и избираю Алія. Пусть оказывають ему всѣ почести, сопряженныя съ его саномъ; я жестоко накажу тѣхъ, которые не будутъ почи- тать этого добродѣтельнаго челоѣка. А ты, Алій, спускай надѣшь платье при- личное своему чину, и послѣ возвращенья ко мнѣ: я расскажу тебѣ, въ чемъ состо- итъ твоя должность. Теперь ты видишь, что я исполнилъ свое обѣщаніе, и далъ тебѣ хорошую работу.“

Калифъ Гафаръ никогда не раская- вался въ своемъ выборѣ. Въ короткое время сокровищницы его наполнились несмѣннымъ богатствомъ. Жители Баг- дада и все Государство сжали благосло- влять мудрое и справедливое управленіе Алія.

Между тѣмъ всѣ подлныя ласкашель- ства знатныхъ и придворныхъ сдѣлались несносны Алманзору; онъ живо чувствоваль необходимость имѣть друга, кото- рый бы былъ споль мужественъ и въ- ренъ; что не спрашался бы открывать

ему испину; но гдѣ найши шакого чело-
вѣка? Какъ увѣришься въ немъ, и разли-
чишь правду опо лжи, когда говорящій
имѣеть сполько выгоды лгать? Вопъ
способъ, копорый онъ упопробиль.

Жиль въ Багдадѣ челоуѣкъ, написав-
шій книгу: *о должностяхъ Государей*.
Онъ назывался Елаимъ. Книга его возбу-
дила великое любопытство въ народѣ,
копорый всегда любилъ судить издалека
о достоинствѣ Государей, и копорому
очень пріятно, ежели дѣлають имъ на-
спавленія. Книга его шѣмъ больше сдѣ-
лала впечатлѣнія, что въ ней замѣчали
весьма смѣлыя мѣста, копорыя, каза-
лось, прямо опносились на первые годы
царствованія Абу-Гіафара. Калифу без-
престанно совѣщовали сжечь книгу и
посадишь на колъ сочинителя, дерзнув-
шаго охудать поступки своего Госу-
даря; но онъ не наказываль Елаима,
копораго однакожь совсѣмъ не зналь, и
копорый никогда не былъ при дворѣ.

Въ одинъ вечеръ Абу-Гіафаръ прика-
зываетъ призвашь Елаима, и въ то же
время велишь придти девяти придвор-
нымъ, копорые всегда хвалились привѣр-
женностью къ своему Государю. Калифъ

надѣваетъ на пальцы свои по алмазу чрезвычайной величины. „Я собралъ всѣхъ васъ, говоритъ онъ придворнымъ, въ надеждѣ, что вы скажете мнѣ правду. Вы видите эти алмазы; они будутъ наградою за слова ваши; но я пребуду, чѣмъ вы говорили истину. Скажите, что вы думаете о моемъ могуществѣ и славѣ?“ Придворные, ослѣпленные блескомъ и величиною алмазовъ, начинаютъ одинъ передъ другимъ въхвалять Алманзора; они отдающъ ему преимущество предъ всѣми героями, которые когда либо существовали; восхищаясь его великодушіемъ, разумомъ и любовью къ наукамъ; съ воспоргомъ говорящъ о всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, словомъ сказавъ, возносящъ его споль высоко, что не могли бы найти достойныхъ выраженій для прославленія величія и славы Бога.

Калифъ снимаетъ съ пальцевъ своихъ девять алмазовъ, и раздаетъ ихъ девяти придворнымъ, которые споль много его похвалили. Потомъ, обращаясь къ Елаиму, сказалъ ему: „по чему ты не говоришь ни слова? Развѣ ты не хочешь получить алмазъ, который у меня оспался?“—Государь, отвѣтившецу Ела-

имъ улыбаясь, можно купишь ложь и лешь, а не истину: она не продается.— „Но что же думаешь ты о моей силѣ и славѣ?“ спросилъ Калифъ. — Я думаю, опвѣчалъ Елаимъ, что ты не иное что какъ человекъ, который слабъ подобно всѣмъ намъ, и который единымъ доверіемъ Всевышняго можешь быть обращенъ въ прежнее свое ничтожество.

При сихъ словахъ придворные глядящъ другъ на друга въ величайшемъ изумленіи; они не смѣютъ смотрѣть на злощаснаго, который дерзнулъ произнести такія безразсудныя слова, и ожидаютъ въ ужасѣ, что будетъ опвѣчать Калифъ. Абу - Гафаръ беретъ за руку Елаима и говоритъ ему: „Я не дамъ тебѣ десятиаго алмаза, ибо ты самъ сказалъ, что истины купишь нельзя. Но истину можно наградишь дружбою и доверенностію. Будь всегда при мнѣ; я нашель друга, въ которомъ сердце мое давно имѣло нужду.“ Опустивъ опъ себя изумленныхъ придворныхъ, Калифъ оспрается съ Елаимомъ, для котораго назначаетъ жилище въ своихъ чертогахъ.

На другой день, девятеро придворныхъ, по обыкновенію, приходятъ изъяс-

вишь почтеніе свое къ Калифу. У всѣхъ на рукѣ видны прекрасные алмазы, полученные на канунѣ опъ Алманзора. „Дозвольны ли вы моими подарками?“ — спрашиваетъ ихъ Калифъ. — Повелишель Правовѣрныхъ! — опвѣчаютъ придворные, не споль дорога для насъ жизнь наша, какъ эти алмазы, пошому что мы получили ихъ опъ тебя. Но позволь, Государь, опкрышь шебѣ, что купецъ, у котораго куплены алмазы, обманщикъ. — „Почему?“ — Они поддѣланные. — „Такъ чтожь? сказала Калифъ со смѣхомъ, неужели вы думаете, что я этого не зналъ? Вы говорили мнѣ несправедливья похвалы, а я наградилъ васъ поддѣланными алмазами. Вы не можете жаловаться: я опплашилъ вамъ шую же монешую.“

Черезъ нѣсколько времени послѣ сего, Калифъ, бывшій въ войнѣ съ Царемъ Персидскимъ, имѣлъ нужду въ храбромъ и честномъ человекѣ, которому бы можно было поручить одно важное и шайное дѣло. Весь успѣхъ войны зависѣлъ опъ сего дѣла, а малѣйшая измѣна могла все испорчить. Цѣлую недѣлю Калифъ былъ въ нерѣшимости, не зная кому поручить его. Въ это время привели въ Багдадъ

пяшь сошь человекъ, копорые за сдѣлан-
 ный ими въ одной обласпи буншъ, осуж-
 дены были на смершную казнъ. Извѣстно
 было, что изъ нихъ двѣспи человекъ убѣ-
 жали съ мѣспа сраженія, но будучи со
 всѣхъ споронъ окружены воинами Кали-
 фа, принуждены были сдаться; прочіе
 же приспа не хотѣли бѣжать и долге
 время защищались съ чрезвычайнымъ
 упорствомъ. — Случилось, что Калифъ
 проходилъ по тому самому мѣспу, гдѣ
 должно было казнишь мяшежниковъ. Онъ
 оспавовился, и, какъ будшо пронущый
 симъ зрѣлицемъ, сказалъ: „Я прощаю
 всѣхъ шѣхъ, копорые бѣжали: пустьъ
 подойдунъ они ко мнѣ.“ Услышавъ это,
 всѣ бросающя къ Калифу: только одинъ
 оспаецся на своемъ мѣспѣ. Почему ты
 не подражаешь своимъ поварищамъ? —
 говорить ему удивленный Абу-Гіафаръ. —
 Я раскаяваюсь въ своемъ поступкѣ, но
 не хочу подражать робкимъ, опвѣчаещу
 воинъ. — „Но я говорю, что прощаю всѣхъ,
 копорые бѣжали.“ — Я не бѣжалъ. — „Без-
 разумный, для чего опказываешься сдѣ-
 лать то, что можешь спасши твою
 жизнь?“ — Для того, что буду подлець и
 шрусь, ежели это сдѣлаю. — „Наконецъ я

нашелъ челоѡѡка, котораго искалъ, восклицаетъ Калифъ. Я прощаю тебя, и швое великодушіе не останеться безъ награды.“ Онъ уводитъ съ собою воина, и поручаетъ ему дѡло, для котораго нуженъ былъ челоѡѡкъ опважный и предпочитающій всему честь свою. Калифъ не ошибся въ своемъ выборѡ; воинъ удачно исполнилъ сдѡланное ему порученіе, Персіане были побѡждены, и Абу-Гіафаръ сдѡлалъ его напоследокъ предводителемъ своего войска.

„Государь! продолжалъ Морадъ, я могъ бы рассказать тебѡ множество происшествій, изъ которыхъ ты увидѡлъ бы, какъ хорошо умѡлъ Калифъ Абу Гіафаръ узнавать достоинства людей; но, опасаясь тебѡ наскучить, я упомяну еще только объ одномъ случаѡ.“

Умеръ Великій Иманъ. Никто не зналъ кого выберетъ Калифъ на его мѡсто. Всякой Иманъ добивался до сего почтеннаго сана; всякой просилъ чрезъ своихъ покровителей Калифа; но онъ опложилъ выборъ въ Великіе Иманы до тѡхъ поръ, пока время и обстановка не покажутъ ему челоѡѡка, который былъ бы достоинъ занять эту должность, пре-

бующую всѣхъ добродѣтелей.

Каждый день ходилъ онъ переодѣтый по Багдаду; бывалъ въ каравансераяхъ, и въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ; спрашивалъ всѣхъ, чѣмъ узнаешь кого желаешь народъ имѣть Великимъ Иманомъ, и одаренъ ли эшошь человекъ шѣми качествами, которыя необходимы для сего званія.

Прошло двѣ недѣли, но Калифъ ничего еще не узналъ. Напослѣдокъ, прогуливаясь ввечеру, онъ увидѣлъ прехъ Дервишей, которыя разговаривали другъ съ другомъ. Онъ подошелъ къ нимъ и услышалъ, что каждый изъ нихъ говорилъ чего бы пожелалъ онъ болѣе всего на свѣшѣ, есѣди бы зналъ, что желаніе его исполнился. Признаюсь, говорилъ одинъ, мнѣ бы ничего такъ не хотѣлось, какъ бытъ Великимъ Визиремъ: славное мѣсто! — А я многого не желаю, говорилъ другой: я бы хотѣлъ бытъ только Калифомъ. — Третій Дервишь не говорилъ ничего; но побуждаемый своими поварищами объявилъ что, чего онъ желаетъ: „Друзья мои, опшѣчалъ имъ, ваше честолюбіе не велико; мое желаніе столько превышаетъ ваше, сколько небо выше

земли. Есѣли бы я обладалъ цѣлымъ свѣпомъ, по и тогда пожелалъ бы еще одного сокровища, копорое всего драгоценнѣе.“ Сии слова возбуждаютъ любопытство въ двухъ Дервишахъ. — Какое же это сокровище, спрашиваютъ они, копорое можно предпочесть всѣмъ драгоценностямъ и всякому величію? — „Послѣ славы и вѣчнаго существованія святой нашей вѣры, сказалъ претій Дервишъ, я всего болѣе желаю владѣть хопя половиною тѣхъ добродѣтелей, шой премудрости и шого благочестія, копорыя украшаютъ свяаго, пустынника, почтеннаго Гуссейна.“ — Мы въ первый разъ еще слышимъ объ этомъ пустынникѣ, говорящъ Дервиши. — „Не удивительно, любезные братья, вы чужестранцы. Гуссейнъ удалился отъ міра; онъ на тридцатомъ году распался на всегда съ сущными удовольствіями свѣа, чтобъ посвятить себя Богу, и совершенно предаться изученію святой нашей вѣры. Каждой день посѣщаетъ его великое число людей въ шой пещерѣ, копорую онъ самъ сдѣлалъ въ оплогости горы, неподалеку отъ Багдада. Тамъ проповѣдуетъ онъ Алкоранъ съ величайшимъ краснорѣ-

чиѣмъ; уже слава о чудесахъ его распро-
страняется въ опдаленныхъ мѣстахъ:
ибо подобная добродѣшель не можешь
долго оставаться въ неизвѣстности. —
Намъ очень любопытно видѣшь сего свя-
шаго мужа, сказали два Дервиша. — Это
опъ васъ зависишь, отвѣчалъ прѣршій
Дервишь. Завтра мы посѣдимъ его, ешь-
ли желаете: при восхожденіи солнца при-
дите къ дверямъ большой мечети; я бу-
ду шамъ дожидаться васъ, и мы вмѣстѣ
осправимся въ пушь.

Дервиши расходятся. Калифъ, возвра-
щаясь во дворець, приказываетъ позвать
къ себѣ Великаго Визиря, и говоритъ ему:
завтра, до восхожденія солнца, спускай
къ дверямъ большой мечети; шамъ най-
дешъ пы Дервиша, и пошчасъ приведи
его ко мнѣ.

Приказаніе исполнено. На другой день
Визирь приводитъ къ Алманзору Дервиша,
копораго нашель у мечети ожидающаго
своихъ товарищей. „Дервишь, сказалъ
ему Абу-Тіафаръ, мнѣ очень хвалили пу-
сшынника Гуссейна, и я думаю, что онъ
одинъ можешь занять мѣсто Великаго
Имана. Поди къ нему, и скажи опъ мое-
го имени, что слава о его добродѣше-

ляхъ достигла и до меня, и что я хочу наградить его.“ Сказавъ сіе, Калифъ призываетъ Визиря и даетъ ему повелѣніе проводить Дервиша со многочисленною свитою.

Добрый Дервишъ былъ внѣ себя отъ радости, что можетъ объявить такую пріятную новость Гуссейну. Онъ желалъ бы имѣть въ семь случаевъ крылья, чтобъ скорѣе увидѣть почтеннаго спарца. Наконецъ онъ приближается къ сей пещерѣ, обителю мудрости и благочестія. Онъ видитъ луспынника окруженнаго полною слушателей, копорые съ восхищеніемъ внимають спасительнымъ его поученіямъ. Дервишъ бросается къ нему въ объятія, и указывая на Визиря идущаго съ своею свитою, объявляетъ ему волю Калифа. Святой мужъ, поднявъ руки къ небу, восклицаетъ: „да будетъ благословенъ Алла! пойдѣмъ, сынъ мой, пойдѣмъ. Я горю желаніемъ повергнуться къ стопамъ великаго Повелителя Правовѣрныхъ, копорый съ престола славы своей удостоиваетъ меня милоспивымъ своимъ взоромъ.“

Скоро новость сія распроспраняется въ шолѣ народа, окружавшей Гуссей-

на. Радостныя восклицанія раздаются въ воздухѣ, и со всѣхъ сторонъ слышны слова: да будетъ благословенъ Алла, святой Гуссейвъ сдѣланъ Великимъ Иманомъ Багдадскимъ.“

Между шѣмъ пуспынникъ, въ сопровожденіи Визиря и добраго Дервиша, вступаютъ въ Багдадъ и идетъ прямо къ черпагамъ Калифа, который ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Подошедъ къ Гуссейну: „я много слышалъ, говоришь онъ ему, о твоихъ добродѣтеляхъ и благочестіи; предспавляя въ лицѣ моемъ Пророка, я долженъ наградишь тебя. Скажи мнѣ, почтенный Гуссейвъ, что соспавляешь предметъ твоихъ желаній?“

Гуссейвъ бросается на колѣни передъ Калифомъ, и положивъ руки крестообразно на грудь, Великій Государь: солнце мудрости и добродѣтели! говоришь онъ Алманзору: — признаюсь тебѣ чистосердечно, что ничего болѣе не желаю какъ бытъ Великимъ Иманомъ. — „Какъ? только въ эпомъ соспоишь свое желаніе? спрашиваетъ Калифъ съ усмѣшкою.“ Повелишель Правовѣрныхъ! я почшу себя щаспливѣйшимъ чловѣкомъ, ежели получу это мѣсто.— „Хорошо! сказали

Калифъ съ кропоспїю. Эпа важная долж-
ность будещъ дана не тебѣ; но шому
кто болѣе всего желалъ, чшобы вѣра наша
вѣчно сохранила свою славу, и чшобы онъ
имѣлъ часпъ шѣхъ добродѣтелей, копорыя
въ тебѣ предполагалъ.“

Приспыженный Гуссейнъ возврапил-
ся въ пустыню, а добрый Дервинъ былъ
сдѣланъ Великимъ Иманомъ, и до конца
жизни своей служилъ примѣромъ добро-
дѣтели.

Изь сего повѣспованїя, продолжалъ
мудрый Морадъ, пы видишь, Государь,
чшо Калифъ Абу-Гїафаръ-Адманзоръ очень
хорошо зналъ человѣческое сердце. „Слова
наши, говорилъ онъ, часпо бывающъ
намъ внушаемы страхомъ, припвор-
спвомъ, легкомысліемъ и корысполюбі-
емъ. Мы не всегда можемъ владѣть свои-
ми поспупками. Не часпо ли увлекаемъ
мы, пропивъ воли нашей минушїю
спраспїю, необходимоспью, и пою
шаинспвенною силою, копорая, кажешъ
управляешъ подсолнечною, и копорую
мы, по невѣжешву своему, называемъ
случаслїв. И шакъ не по словамъ и по-
спупкамъ людей, должно судишь о ихъ
досшюинспвѣ, но по испишной цѣнѣ

пѣхъ вещей, которыя они почишаютъ.“
Слѣдую этому правилу, нельзя обмануться:
ибо оно не имѣетъ исключенія.

Съ фр. Н.

Воспитаніе Венеры.

(Изъ *Lettres à Emilie sur la Mythologie.*)

Извѣстно, что воспитаніе Венеры поручено было Часамъ на оспровѣ Кипрѣ; извѣстно также и то, что тогдашнее воспитаніе совсѣмъ не походило на нынѣшнее. Тогда пребовали опъ женщины, чтобъ она была прекрасна безъ гордоспи, любезна безъ кокешства, и умна безъ щеславія; чтобъ она была вѣрною любовницею, доброю супругою и нѣжною маперью. На сихъ-то правилахъ посипу-пали Часы воспитывая Венеру.

Лишь Аврора появлялась,
Прилеталъ Часъ первый къ ней,
И Венера пробуждалась
Вмѣстѣ съ утренней зарей.

Часъ второй цвѣтны душисты
Ей съ собою приносилъ,
И власы ея волнисты
Убирая говорилъ:
„Презирай искусствъ уборы,
„И оставь ихъ для дурныхъ:
„Кропосъ и спыдливы взоры
„Есть убранство лѣтъ твоихъ.
„Темный облакъ да скрываетъ

„Прелестей твоихъ соборъ,
 „Да ни чей не проникаетъ
 „Сквозь покровъ сей дерзкій взоръ;
 „Красота почтенна болѣ, —
 „Есть пакъ въ любви законъ —
 „Чѣмъ она желаньямъ, волѣ
 „Сшавишь болѣ препонъ.

Третій Часъ плодовъ кошницу
 И млеко ей предлагалъ;
 А четвертый Часъ Царицу
 Изъясняшь научалъ:
 „Оспрословьемъ не прельщайся,
 „Что бы умницей прослышь,
 „Лишь приятно ты спарайся,
 „А не много говоришь.
 „Разговоры шѣ прекрасны,
 „Та бесѣда хороша,
 „Съ чувствомъ гдѣ слова согласны,
 „И въ словахъ видна душа.

Часъ пятый сердце въ ней образовашъ желая,
 Училъ какъ съ нѣжностью она любишь должна;
 Жеманство, хитрости, притворство изгоняя,
 Чистосердечія въ немъ сѣялъ сѣмена.
 „Люби! твой долгъ любишь! онъ говорилъ
 прекрасной,
 „Люби! но берегись во зло употребишь
 „Опличну выгоду красавицею бышь;
 „И ежли возгоришь къ кому любовью спрасс-
 ной,

„Пребудь тому вѣрна;
 „Сшарайся никогда не бышь обольщена
 „Желаньемъ льстивымъ
 „Толпу любовниковъ имѣшь,
 „И щастье по цѣни превыше всѣхъ побѣдъ,
 „Что можешь одного содѣлать ты щаспли-
 вымъ.

Шестой Часъ говорилъ
 Кипридъ юной поже,
 „Что всѣхъ вздыхапелей дороже
 „Бышь долженъ другъ одинъ, копорый серд-
 цу милъ.
 „Любовь для юности щаспливой,
 „А дружба нѣжная всѣмъ возрасхамъ дана.
 „Хоть шрудно — женщиной бышь должно
 молчаливой.

„Будь осторожна и скромна.
 „Жесткоко измѣняешь тому, кто намъ ввѣряешь
 „Надежду, щастіе, иль горести одни,
 „И естли шайну кто съ тобою раздѣляешь,
 „Ты какъ священнѣйшій залогъ ее храни.
 „Сердечной шайны разглашенье
 „Есть въ дружбѣ пресшупленье.

Три послѣдующіе Часа говорили ей
 о сосшраданіи къ нещаспнымъ, о обя-
 занносшяхъ супруги и машери:

„Едва вселенна началась,
 „Ужь былъ нещаспныхъ слышенъ гласъ;
 „Брегися къ бѣдности оказываешь презрѣнье,
 „Не лучшеель изъ свойспвъ боговъ — благошво-
 ренье?

„Новыхъ радостей цѣной.
 „Чѣмъ кшо болѣе прудишься
 „И заботы понесешь,
 „Большимъ благомъ насладишься,
 „Больше радостей пожнешь.
 „Твой помощецъ те докажетъ,
 „Лежа у груди швоей;
 „Онъ одной тебѣ окажетъ
 „Знаки нѣжности своей.
 „Ахъ! сколь будешь восхищаться,
 „Первая увидѣвъ ты,
 „Какъ въ немъ спануть распускаешься
 „Дарованія цвѣты,
 „И взирая съ удивленьемъ
 „На красу его лица,
 „Ты замѣтишь съ умиленьемъ
 „Сходство съ нимъ его отца.
 „Тутъ - те радостно забьешься
 „Сердце нѣжное швое,
 „Что въ чертахъ его найдется
 „Кшо ему даль быше.

Такимъ образомъ сіи мудрые наставники занимались образованіемъ сердца и разума юной своей воспитанницы до того времени, въ которое Часъ молитвы водилъ ее во храмъ.

Съ пошукленными внизъ очами,
 Съ челомъ украшеннымъ цвѣтами,
 Киприда приходила въ храмъ
 Съ мольбой сердечною къ богамъ.

Межъ шѣмъ, какъ жертва приносилась
И дымъ всходилъ отъ олшарей,
Она душею возносилась
Къ безсмертному Царю царей.

Изъ храма послѣдующій Часъ вель ее
въ миршовую сѣнь.

Тамъ при шихомъ водъ печенъи,
Древъ подъ шѣнію густой,
На дерновомъ. возвышенъи,
Ей природою самой
Въ снѣдъ, шрапеза предлагалась.
Цѣпь цвѣшочна извивалась
По вѣшвямъ древесъ вокругъ.
Тутъ веселоспъ оживляла
Собесѣдующихъ кругъ,
А невинносшь предсѣдала
Съ нею искренносшь сама,
Скромносшь, простота свяшая,
И умѣренносшь злаяшая,
Машъ здоровья, дщеръ ума.

Вскорѣ Часы прогулки и шпруда, зани-
мали Венеру одинъ послѣ другаго.

То по лугамъ цвѣшы срывала,
Гуляя средъ младыхъ подругъ,
И шамъ, гдѣ полько пробѣгала
Цвѣшями испещрялся лугъ;
То возвращаясь она съ проворсшвомъ непоняш-
нымъ
Садилась за шипше съ Минервиной иглой,
Умѣя съединяшъ искусною рукой
Полезное съ пріяшнымъ.

Слѣдующіе Часы давали знакъ къ пляскамъ и пѣнію. — Между тѣмъ, какъ Киприда плясала, ей говорили:

„Не щись поддѣлывать прикрасами пущыми
 „Природныхъ прелестей своихъ,
 „Кто слишкомъ гонимся за ними,
 „Тотъ удалется отъ нихъ.

Когда богиня опдыхала, наславники ея иногда садились подлѣ нее, и давая замѣшпшь радость, оживляющую все собраніе, говорили ей:

„Средь небожителей, въ селеніяхъ эфирныхъ,
 „Киприда! нѣкогда ты вспомнишь, можешь
 бытъ,
 „О нашихъ праздникахъ и о забавахъ мирныхъ.
 „Ахъ! возвратись тогда къ намъ жишь,
 „Въ сіи лѣса уединенны,
 „Покоемъ огражденны.
 „Приди на брегъ сего ручья срывать цвѣшъ,
 „Приди почишь подъ щѣ кусты,
 „Которые тебя покоили въ младенствѣ,
 „Тутъ будешь ты мечашъ въ блаженствѣ,
 „Тутъ въ радостный воспоргъ придешь твоя
 душа;

„Свободиже дыша,
 „Тутъ взоръ найдетъ твой восхищенный
 „Луга нещешными цвѣшами испещренны,
 „Свѣшлже небеса, прозрачнѣй ручейки,
 „Тѣнистже лѣса и тише вѣшперки,
 „Тутъ вспомнивъ ты о прежней долѣ,
 „Прольешь источникъ слезъ,

„Которыхъ жишели небесъ
 „Не проливаютьъ болѣ;
 „Но сердцу своему та будеть грусть мила
 „И ты почувствуешь въ душевномъ умиленьи,
 „Что можно находить пріятность въ сожа-
 лѣнью
 „О дняхъ, въ которые ты щаслива была.

Часъ пѣнія прерываль сіи разговоры. Надобно думать, что искусство пѣнь было тогда еще далеко отъ своего совершенства, ибо Венера довольствовалась однимъ живымъ выраженіемъ любви, радости или печали, не сопровождая его ни быспрымъ обращеніемъ глазъ, ни кривляньемъ, и, что покажется безъ сомнѣнія спраннымъ, внятно произносила слова и пѣла для пѣхъ, которые ее слушали. Вы конечно догадаешесь, что при такихъ смѣшныхъ обычаяхъ, пѣсни ея были весьма прости, и не спойли послѣдняго сочиненія новыхъ нашихъ Анакреоновъ. Вошь опривокъ, который осмѣлился я перевести, чтобъ дать легкое о нихъ понятіе.

Нимфы! пусть въ глазахъ прелесныхъ
 Вашихъ огонь любви горитъ,
 Какъ царя свѣщилъ небесныхъ
 Въ лонѣ водъ кристальныхъ видъ.

Не давайте кляпъ напрасныхъ,
 Вы любовникамъ, для нихъ
 Слово вашихъ устъ прекрасныхъ
 Слаще меду пчелъ молодыхъ.

*

Но припворпо увѣренье,
 И обманчивы слова
 Для сердець ихъ есть мученье,
 Горче чѣмъ полынь права.

*

Принимайте вы ихъ слезы
 Въ жерпву вашей красоты, —
 Какъ приѣмлютъ нѣжны розы
 Перлы ушренней росы.

*

Уступайте имъ — но вѣль
 Знайте мѣру положите,
 И всего старайтесь болѣ
 Вашей цвѣтъ весны хранить.

За пѣніемъ слѣдоваль умѣренный
 сельскій ужинъ, по окончаніи копораго
 послѣдній Часъ дня велъ Венеру въ бесѣд-
 ку, украшенную цвѣтами, гдѣ Морфей
 закрываль ей глаза. Тогда Часы ночи

Сбирали вкругъ ея полпою
 Пріятны легки сны.
 Киприда юная, блестящая красою,
 Среди ночныя пишины

Въ невинности своей погда мечтала,
 Что будшобъ одного она
 Любезнаго себѣ сыскала
 И вѣкъ была ему вѣрна.

Сія наспавленія сдѣлали воспипанницу Часовъ споль совершенною, что боги захошѣли видѣшь ее, и увѣришься во всемъ помѣ, что рассказываета о ней Молва. Зависпники подчасъ спали увѣряшь, что Венеръ было много, и что предеспи и душевныя качества всѣхъ ихъ приписывали одной. Это заблужденіе сполько усилилось, что Цицеронъ, спуспя пяшь или шесшь шысячъ лѣшь передалъ его намъ. Его можно извинишь: ибо и въ наше время многіе не вѣряшь, чтобъ были на свѣшѣ совершенныя женщины.

II. Политковскій.

О личномъ достоинствѣ.

(Окончаніе.)

На лицѣ земномъ являющіяся время опъ времени опличныя, великіе люди, блиспающіе своею добродѣшпелію и знаменишыми свойспвами, подобно симъ звѣздамъ необыкновеннымъ, копорыхъ причины неизслѣдованы, и съ копорыми неизвѣсно что бываешъ, когда онѣ сокроющіяся. Не имѣющъ сіи люди ни предковъ, ни попомковъ, и сами соспавляющъ все свое поколѣніе.

Здравый смыслъ показываешъ намъ должностъ нашу и обязанностъ исполняшъ ее; онъ раждаешъ, въ опасностп, мужество или его замѣняешъ.

Кто опличаешся въ искусствѣ своемъ и доводишъ оное до возможнаго совершенспва, топъ выходишъ изъ посредспвеннаго соспоянія и равняешся съ людьми благороднѣйшими и знаменишыми. В * еспъ живописецъ; С * музыканшъ; сочинишпелъ Пирама спсихопворецъ; но Миньярь еспъ Миньярь, Люлли еспъ Люлли, Корнель еспъ Корнель.

Человѣкъ умной, свободной и неженашой можешъ возвысшпсь надъ своимъ

соспоянiемъ; можетъ обращаться въ свѣпѣ и идти на равнѣ съ знапнѣйшими людьми; женашому эшо пруднѣе. Супружесшео, кажешся, спавишъ всякаго на свое мѣсцо.

Надобно признашся, что по дошпоинспвѣ личномъ, высокія почести и великіе чины болѣе всего даюшъ знаменшоспѣ и блескъ людямъ, и кшо не можетъ бышъ Эразмомъ, долѣнъ старашся. попасшъ въ Епископы. Иные для распросстраненiя своей славы, навьючиваюшъ на себя чины, ордена, мишпропѣли, пурпуръ, самая піара нужна была бы для нихъ; но Бениню (*) надобно ли Кардинальсшво?

Золото, говоришъ ты, блеспишъ на Филемоновомъ плашѣ; блеспишъ оно и у купцовъ. Кафшанъ на немъ изъ самой лучшей маперiи; хуже ли она разложенная въ лавкахъ и въ кускахъ? Но украшенiе и шипье увеличиваюшъ великолѣпiе: похвалень прудъ художника. Спросяшъ ли у Филемона, кошорый часъ: онъ вынимаешъ прекраснѣйшіе часы; эфешъ шпаги его изъ оникса; на пальцѣ у него большой,

---

(*) Benigne Bossuet, Evêque de Meaux.

наспящій, ослѣпляющій глаза бриліантъ. У Филемона еспъ всѣ бездѣлки, копоря носящъ или изъ пщеславія или по обыкновенію, и онъ споль же много жалуется на украшенія всякаго рода, сколько молодой человекъ, женившійся на богатой спарухѣ. Наконецъ пы поселяешь во мнѣ любопытство; по крайней мѣрѣ драгоценныя вещи посмотришь надобно: прииди ко мнѣ Филемоновы плащье и вещи, а самъ онъ пусть у тебя оспанешся.

Если думаешь, Филемонъ, приобрѣсть большее уваженіе сею блестящею карешюю, сею шолною слѣдующихъ за шобою негодяевъ, сею шесперкою скоповъ везущихъ тебя—обманываешься. Несоставляющій тебя приборъ опбрасываютъ въ спшорону, хошящъ видѣть тебя—глупца.

Должно иногда прощашъ шого, кшо, окруженный многочисленною свшшою, одѣшый въ богатое плащье, сидя въ великолѣпной каретѣ, почиашъ себя знанше и умше другихъ: онъ чшашъ эшо на лицѣ и въ глазахъ людей съ нимъ говорящихъ.

Человекъ, копорой бываешь при дворѣ и часшо въ городѣ; у копорого

шелковая или Голландскаго сукна эпанча, широкой надъ брюхомъ поясъ, лучшаго сафьяну башмаки и скуфья, искусно сдѣланный и густо накрухмаленной крагень, щастельно причесанные волосы и румяныя щеки, копорый при помъ помнишь нѣсколько мешафизическихъ раздѣленій, изьясняешъ что естъ свѣпъ славы и почно знаешъ какъ можно созерцапъ Бога: вопъ докпоръ! Человѣкъ смиренный, погребенный въ кабинетъ, проведшій всю свою жизнь въ размышленіи, въ изысканіяхъ, въ чпеніи, за сочиненіями: вопъ ученый!

У насъ воинъ храбръ, а спашской человѣкъ ученъ: мы нейдёмъ далѣ. У Римлянъ спашской человѣкъ былъ храбръ, а воинъ ученъ: Римлянинъ былъ и воинъ и спашской человѣкъ.

Кажешся, что герой знаешъ одно искуссво, военное; человѣкъ великой знаешъ все: онъ судья, воинъ, миниспръ, придворный; но попъ и другой вмѣспъ не спюпъ добродѣпельнаго человѣка.

Въ войнѣ шрудно различипъ героя съ великимъ человѣкомъ: оба имѣюпъ всѣ воинскія добродѣпели. Однакожь перваго я воображаю молодымъ, предприимчивымъ,

храбрымъ, неуспрашиваемымъ, пвердымъ въ опасностяхъ; внораго мудрымъ, дальновиднымъ, опытнымъ, способнымъ на все. Моженъ быть Александръ былъ только герой, а Цесарь великій человекъ.

Эмилій родился такимъ, какими самыя великія люди дѣлаются съ помощію правилъ, размышленія и опытноснн. Въ дѣтствѣ ему нужно было пользоваться одними природными дарованіями и слѣдовать своему генію. Онъ поступалъ, дѣйствовалъ прежде нежели зналъ, или лучше онъ зналъ то, чему ни когда не учился: могутъ ли сказать, что дѣтскія его игры были побѣды? Чрезвычайно щасливая жизнь съ продолжительною опытноснню была бы славна только по пѣмъ дѣяніямъ, копорыя совершилъ Эмилій въ своей юности. Онъ воспользовался всеми къ побѣдѣ случаями, копорыя или сами собою представлялись или произведены были его искусствомъ и щасливою его звѣздою: Эмилій удивителенъ какъ по исполненнымъ дѣламъ, такъ и по пѣмъ, копорыя могъ бы исполнишь. Объ немъ думали, что онъ не можешъ уступитъ непріятелю, что онъ не успрашитъ ни числа, ни

препятствій; что одаренъ великою, сильною, просвѣщенною душою, копорая видѣла шамъ, гдѣ другія уже ничего не видали; что предшесствуюя легионамъ, былъ для нихъ предзнаменованіемъ побѣды; что онъ одинъ былъ важнѣе многихъ легионовъ; что онъ великъ въ щасіи, еще величественнѣе въ злополучіи: снятіе осады, опсшупление приносили ему еще болѣе чести, нежели побѣды. Онъ былъ славенъ и скромнъ; говорилъ съ одинакою пріятностію: *я побѣжалъ и мы побили*; былъ преданъ Государству, семейству, главѣ семейства своего; былъ искреннъ съ Богомъ и съ людьми; споль много удивлялся достоинствамъ, какъ будшо бы самъ имѣлъ весьма малыя. Будучи справедливъ, простъ, великодушнъ, не имѣлъ полько нѣкопорыхъ маловажныхъ добродѣтелей.

Чада Боговъ не подчинены, пакъ сказашъ, правиламъ природы и служашъ какъ бы исключеніемъ изъ нихъ. Не ожидають они почши ничего опъ времени и лѣшъ. Въ нихъ заслуги предшесствують возраспу. Они родяшся знающими и спановяшся совершенными людьми скорѣе, нежели выходяшъ изъ дѣшсства обыкно-

венные люди.

Близорукіе, я хочу сказаць, умы ограниченныя, сжапыя въ шѣсной сферѣ своей, не понимающыя какъ можно имѣть всѣ дарованія, копорыя бывающыя иногда въ одномъ человѣкѣ: гдѣ они видящыя пріятность, шамъ не предполагающыя основательности; гдѣ видящыя красоту шѣлесную, легкость, гибкость, ловкость, шамъ не предполагающыя душевныхъ дарованій, глубокомыслія, разсудка, мудрости. Они забывающыя, что Сократъ умѣлъ танцовать.

Нѣтъ споль совершеннаго, споль нужнаго для родныхъ своихъ человѣка, копорой не имѣлъ бы недоспашковъ уменьшающихъ объ немъ сожалѣніе.

Человѣкъ умный, съ опкровеннымъ и прямымъ характеромъ можетъ попасъ въ сѣши: онъ не думаетъ, что бы кто нибудь хопѣлъ для него распавлять ихъ и обманывать его; сія довѣренность дѣлаетъ его не весьма ошорожнымъ и глупые насмѣшники могутъ напасъ на него съ этой спороны. Но вшоричное на него нападеніе будетъ безуспѣшно: такого человѣка можно обмануть шолько одинъ разъ.

Если я справедливъ, по всѣми силами буду спарашься никого не обижашь и особенно умнаго человѣка, когда я сколько нибудь люблю свою пользу.

Нѣшь ничего споль тонкаго, споль просшато, споль малаго, изъ чего бы не были видны испинныя наши свойспва. Глупецъ входишь, выходишь, сядишь, встаеишь, молчишь, споишь, все дѣлаеишь не пакъ какъ умной человѣкъ.

Я узналъ Мопса съ шого времени, какъ онъ, не будучи знакомъ со мною, посѣшилъ меня. Мопсъ просишь людей, копорыхъ не знаеишь, сводишь его къ другимъ, копорые его со всѣмъ не знающъ; онъ пишеишь къ женщинамъ, съ копорыми лишь нѣсколько разъ повспрѣчался; вшираеишь въ кругъ почшенныхъ людей, копорымъ не извѣсно кто онъ шаковъ; и шамъ, хоия ни кто не спрашиваеишь его, хоия онъ перерываеишь другихъ, Мопсъ говоришь и много и смѣшно. Иногда приходишь онъ въ собраніе, сядишь шамъ гдѣ спояль, не имѣя вниманія ни къ другимъ, ни къ самому себѣ; его сгоняющъ съ мѣсша назначеннаго для Минисшра: онъ сядишь на Герцогское или Баронское; всѣ шочно надъ нимъ

смѣются: одинъ Мопсъ важенъ, не улыбаешся. Стонише собаку съ царскихъ кресель, она лѣзешъ на кафедру проповѣдника, смотришь на людей равнодушно, безъ замѣшательства, безъ стыда: она какъ и глупецъ ни ошъ чего не краснѣешъ.

Цельзь имѣешъ чинъ посредственный, но вельможи перпяшь его; онъ не ученъ, но съ учеными связи имѣешъ; въ немъ мало доспоинствъ, но онъ знакомъ съ людьми весьма доспойными; онъ незнающъ, но у него ешъ языкъ, копорый бы полмачу пригодился, и ноги, копорыя переносяшь его изъ одного мѣста въ другое. Онъ рожденъ для посылокъ, для выслушанія и донесенія предложеній, эшо его должностъ. Онъ исполняешъ болѣе, нежели сколько ему поручено и ни кшо не благодарить его; онъ мирить людей, побранившихся при первомъ своемъ свиданіи; онъ имѣешъ успѣхъ въ одномъ дѣлѣ, а въ пысячѣ не получаешъ его; онъ приписываешъ всю славу успѣха себѣ и складываешъ вину на другихъ, если въ чемъ не успѣваешъ. Ему извѣсны всѣ слухи, всѣ городскія новости; онъ ничего не дѣлаешъ, а говорить и слушаешъ

что другіе дѣлають, онъ вѣсповѣдникъ; онъ знаетъ даже семейственныя тайны; онъ проникаешь не въ проникаемыя дѣла; скажешь для чего эпопъ выгнанъ, а пошъ возвращень; ошъ чего побранились два брата и расорились два Министра: первымъ не предсказаль ли онъ печальныхъ слѣдствій ихъ ссоры? Не говорилъ ли послѣднимъ, что не продолжительна будешь связь ихъ? Не при немъ ли сказаны были нѣкопорыя слова? Не участвоваль ли онъ въ переговорахъ? Хопѣли ли вѣришь ему? Послушались его? Кому говоришь вы объ эшихъ дѣлахъ? Кшо болѣ Цельза участвоваль въ сихъ придворныхъ интригахъ? Спаль ли бы онъ увѣряшь васъ, если бы по не была правда, если бы онъ эшого не выдумаль, если бы, по крайней мѣрѣ, не бредиль ошомъ? Принималь ли бы Цельзь на себя важный и тайноспивенный видъ чловѣка въ послы назначеннаго?

Менипъ еспъ ворона въ павлинныхъ перьяхъ: онъ не говоришь, не чувспвуешь, а повшоряешь чувспвованія и слова чужія; онъ не мыслишь, а шакъ хорошо пользуется чужимъ умомъ, что самъ первый въ шомъ обманываешь; онъ

думаешь, что изъясняешь собственное свое сужденіе, собственную свою мысль, а въ самомъ дѣлѣ еси только опголо-сокъ челоѡка, съ копорымъ онъ за минушу передъ тѣмъ распался. Мениппъ можешь имѣшь цѣну на четверть часа: минушу долѣе, онъ опускается, упадаешь, перяешь небольшой блескъ, копорымъ обязанъ былъ памяши и являешься въ наспоющемъ видѣ. Только Мениппу неизвѣсно, сколь онъ низокъ предъ великими, предъ героями. Будучи неспособенъ знашь какъ много можно имѣшь ума, Мениппъ совершенно увѣренъ, что нѣшь его умнѣе: видъ, поступъ его показывающъ, что ему, опношительно ума, ничего желашъ не оспаешься, что онъ ни кому завидовашъ въ умѣ не долженъ. Онъ часшо разговариваешь самъ съ собою и не скриваешь шого: проходящіе смопряшъ на Мениппа; но онъ кажешься заняшь важнымъ дѣломъ, кажешься ему надобно дашь какое нибудь рѣшишельное опредѣленіе. Поклонившись ему, онъ придетъ въ недоумѣніе, оплашишь ли вамъ шѣмъ же или нѣшь, и пока онъ размышляешь, вы уходите уже изъ виду. Тщеславіе сдѣлало его чеспнымъ челоѡкомъ, возвысило надъ са-

Мимь собою, заставило бышь шѣмь, чѣмь онъ не былъ. Смопря на него всякъ думаешъ, что онъ занимается полько собою, что знаетъ какъ приспало къ нему платье, какъ къ лицу ему всѣ наряды, что онъ увѣренъ какъ глаза всѣхъ на него обращающся, какъ люди попеременно и непрестанно на него смощряшъ.

Кпо желая сохранишь спройность своего спана, не пьешъ вина и ѣшъ полько одинъ разъ въ день, щощъ ни шрезвъ, ни воздержень; кпо желая избавишь опъ скучныхъ просьбъ бѣднаго друга, помогаешъ ему, щощъ покупаешъ свой покой, а не можешъ назвашь щедрымъ. Побужденіе даешъ цѣну человѣческимъ дѣаніямъ, а безкорыстіе вѣнецъ.

Ложное величіе дико и неприступно: чувствуюя слабость свою, оно скриваешся; по крайней мѣрѣ нельзя видѣшь его совершенно, а щокмо сколько ему нужно, щощбы казашъ важнымъ и не шѣмъ что оно ешъ, совершеннымъ ничпожешвомъ. Величіе истинное непринужденно, любезно, обходительо, просто. Оно позволяешъ къ себѣ прикасашъ, позволяешъ управляшь собою и не щеряешъ

ничего, когда смотряшь на него въ близкѣ: чѣмъ болѣе познаюшь его, тѣмъ болѣе ему удивляюшься. Изъ добродушія оно склоняется къ низшимъ и безъ усилія принимаетъ прежній видъ. Оно иногда забывается, не радитъ о себѣ, не радитъ о собственннхъ своихъ выгодахъ, ибо знаетъ, что всегда можетъ войти въ права свои и возвратитъ имъ истинную цѣну. Оно смѣется, играетъ и шутитъ, не унижая себя. Къ нему подходитъ смѣло и съ оспорожностію. Оно благородно и снисходительно, внушаетъ почтеніе, довѣренность и производитъ то, что Цари будучи въ глазахъ нашихъ велики и весьма велики, не заславляютъ насъ чувствоватъ сколь мы передъ ними малы.

Чесплюбіе вылѣчиваетъ мудраго отъ чесплюбія. Онъ имѣетъ столь великую цѣль, что не можетъ ограничиться ни богатствомъ, ни чинами, ни щастіемъ, ни милостіями знатныхъ. Сіи малозначущія, щещныя, ненадежныя выгоды не могутъ наполнишь его сердца, не могутъ его соблазнитъ, ему даже трудно не презирашь ихъ. Единое благо, которое могло бы прельститъ его, есть слава, приобретаемая непорочною, чистою добродѣшею.

лію; но между людьми нельзя заслужить ее, и мудрый за нею не гоняется.

Тотъ добръ, кто дѣлаешь добро другимъ; если гоняшь его за добрыя дѣла, то онъ весьма добръ; если гоняшь его шъ, кошорымъ онъ сдѣлалъ сіе добро, то доброша его можешь увеличиться съ увеличеніемъ гоненій; если онъ умираешь опъ нихъ: добродѣшель его не могла проспираться далѣ: она героическая, совершенная.

Василій Перевощиковъ.

Выздоровленіе,

Ода, почерпнутая изъ молитвы Езекии.

Исаи Гл. 38.

Я зрѣлъ: мои печальны лѣта
 Сливались вѣчности съ рѣкой,
 И дней моихъ среди разсвѣта
 Клонился я на западъ мой;
 Мнѣ гробъ ужасный опверзался,
 Бѣжалъ ошь глазъ опрадный свѣтъ;
 Вошще въ глубокой тѣмѣ старался
 Я дней увядшихъ видѣть слѣдъ.

Твоя десница, Боже вѣчный,
 Опять къ себѣ свой даръ берешь,
 И дни сей жизни скороспечной
 Тобой сопканны мнѣ, съчешь;
 Последнее мое свѣшило
 Восходитъ въ горни высошы,
 Твое дыханье ошдѣлило
 Меня живущихъ ошь среды.

Твоимъ дыханьемъ восхищенный,
 Взношусь я, ошь спраны, земной,
 Какъ шебля своего лишенный
 Несетя вихремъ листъ сухой;
 Недугъ, какъ шигръ неумолимый,
 Во мнѣ всѣ кости сокрушилъ;
 Покой—ниже на мигъ единый,
 Меня въ спрананьи не живиль.

Надежды болѣ лучь не блещеть,
 Томлюсь я въ спрахѣ и слезахъ
 Какъ ласшовица, что шрепещеть
 У гладна яспреба въ когтяхъ;
 Я жду кончины какъ ограды,
 Какъ вождельнаго добра,
 И плачемъ упомленны взгляды
 Не обращаю вкругъ одра.

*

Обьяшь болѣзнію жестокой,
 Я насупавшей ночи рекъ:
 „О ночь! во шъмѣ своей глубокой
 „Меня поглотишь пы на вѣкъ!“
 Я къ восходящей рекъ денницѣ,
 Когда опъ ней бѣжала шѣнь:
 „Увы, на свѣшлой колесницѣ
 „Ты мой ведешь послѣдній день!“

*

Душа моя покрылась мракомъ
 И ужась сердце оковаль,
 Обьяшь опчалньемъ и спрахомъ,
 Въ послѣдни къ Богу я воззваль:
 Съ предѣла моя гробницы
 Услыши, Господи! мой гласъ;
 Ужасна месшь Твоей десницы,
 Пошли въ опраду смершный часъ!

*

Не презрѣлъ Онъ моленій слезныхъ,
 Ропшанье грѣшнаго внушилъ,
 Коснулся краемъ ризъ чудесныхъ,
 Опъ сердца муки удалилъ;

Онъ днямъ моимъ велѣлъ простерши
 Еще далеко свой предѣлъ,
 И въ ужасахъ грозящей смерти
 Мнѣ жизнь отрадну зрѣшь велѣлъ!

*

Твою, мой Богъ, пускай вселенна
 Во мнѣ чудесну благость зришь,
 Твоя десница, мнѣ враждебна,
 На мѣсто казни жизнь дарить!
 Твоей щедроты въ прославленье,
 Для памяти чудесъ Твоихъ,
 Ты пробавляешь дней печенье
 Минувшихъ спранныхъ земныхъ.

Нѣшь, нѣшь, мой Боже и Создатель,
 Премудрость, благость безъ границъ!
 Величья Твоего вѣщатель
 Не ужасъ плѣющихъ гробницъ!
 Не смерть, что ихъ съ улыбкой злобной
 Вокругъ разсѣянными зришь;
 Но персть, что подъ доскою гробной
 Къ Тебѣ надеждою горить.

*

Но шѣ, которые со мною,
 Теперь отъ ней искуплены:
 Изъ рода въ родъ своей хвалою
 Тебя прославяшъ ихъ сыны,
 Твое владычество всемѣсно!
 Я самъ пойду, всемогущий Царь,
 Возставленный Тобой чудесно,
 Обняшъ священный Твой ошарь!

Я чистымъ устѣ моихъ хваленьемъ,
Я пламенемъ души моей,
Сердца подвигну сокрушеньемъ
Забывшихъ о Тебѣ людей,
Тебя познашь я ихъ заставлю,
Исполню ихъ Твоей хвалою,
Открою, вознесу, прославлю
Надъ нами промысль Твой благой.

Н.

Филинъ и Чижъ,

Басня.

Въ лѣсу Соловушка зарей вечерней пѣлъ,
А Филинъ на соснѣ нахмурясь сидѣлъ

И укалъ что въ немъ было мочи,

Какъ часовой средь ночи. —

Пожалуй, дядюшка голубчикъ, перестань,

Сказаль Чижъ Филину, ты Соловью мѣшаешь. —

„Молчи, дуракъ, не знаешь,

Быль Филина ошвѣсть, какъ слушать эту
Дрянъ!

Ну такъ ли въ старину пѣвали?

И пакъ ли молодцы изъ насъ теперь поютъ?“ —

Да кто же? Соловья мы лучше не слышали,

Ему здѣсь первенство всѣ птицы отдають. —

„Не правда! онъ поетъ негодно, вяло, грубо;

А хвалилъ кто его, несетъ поплъ сущій бредъ.

Вошь воронъ мой сосѣдъ

Когда закаркаетъ, по праву сердцу любо!

Изрядентъ также чорный Грачъ,

Хоть малъ, а залетѣлъ въ храмъ славы!

Кукушкинъ на кладбищѣ плачъ

Намъ поже дѣлаешь забавы.

Но Сычъ! вошь изъ пѣвцовъ пѣвецъ!

Его брашь должно въ образецъ:

Кричитъ безъ умолку, прекрасно!

Скажу предъ всѣми безпристрастно,

Что нѣтъ здѣсь равнаго Сычу...

За то я самъ его учу.“

А. Измайловъ.

Э п и г р а м м ы.

1.

Друзья нынѣшняго вѣка.

Каршuzовъ другомъ просвѣщенья
 Въ лисшкахъ провозгласилъ себя:
 О времена! о превращенья!
 Вошъ каковы въ нашъ вѣкъ друзья!

2.

Брадобрѣю.

(Изъ Капулла.)

Памфилъ, бородобрѣй удалой
 Такъ брѣшеть медлѣнно всегда,
 Что подъ его рукою вялой
 Расшешъ другая борода.

3.

На болтуна.

Дамонъ, хопъ говоришь прелестно,
 Но все одно швердишь Дамонъ,
 И на канунѣ ужъ извѣстно
 Все шо, что завтра скажешъ онъ.

Смерть кривога.

Кривой нашъ Пепръ свой вѣкъ кончаетъ;
Не спрашенъ для него послѣдній жизни часъ.
Души въ немъ не было — шакъ что жъ онъ
поперяешъ?

Одинъ зажмурить глазъ.

М-нѣ.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ о рускомъ стихосложеніи.

(продолженіе.)

Часть вторая.

О народномъ Рускомъ стихосложеніи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Рускихъ стихахъ вообще; главною ихъ раздѣленіи и правилахъ.

Народное стихосложеніе Руское, по е. складъ пѣсень, въ новѣйшія времена начинаеть перемѣняшься. Пѣсни старинныя и пѣ, кои сочинены въ позднѣйшее время, разпознашь можно по разности стихосложенія. *Рускимъ стихомъ* по превосходству, называю я вообще размѣръ старинныхъ только народныхъ пѣсень.

Извѣстно, что мы не имѣемъ слишкомъ старинныхъ по сей часши памятниковъ. По крайней мѣрѣ они дошли до насъ не въ первоначальномъ ихъ видѣ, бывши сохраняемы чрезъ долгое время однимъ только изустнымъ преданіемъ,

которое поступает со ввѣренными ему сокровищами, такъ какъ обыватели съ древними зданіями: поновляютъ, переспроиваютъ, поправляютъ или порятъ ихъ на свой ладъ; — на досаду знапокамъ и Антикваріямъ, коихъ любопытный взоръ едва уже гдѣ можешь, сквозь новыя обмазки, починки и передѣлки, читаешь на памятникахъ слѣды почтенной древности (*). Памятники слова человеческого, ежели преданы не на письмѣ, а изустно, скорѣе еще измѣняющся и погибаютъ, нежели произведенія зодчества. Не пройдетъ еще нѣсколькихъ поколѣній, — и уже время унесетъ у изустнаго преданія сіи неисправно хранимые, изурзанные ослалки, въ пучину всепо-

---

(*) Таковыя слѣды древности въ русскихъ пѣсняхъ сущи имена Боговъ Славенскихъ, имена историческихъ лицъ и память нѣкоторыхъ историческихъ событій, перемѣшанныхъ конечно съ баснями и нерѣдко предсавленныхъ со всѣмъ въ превращномъ видѣ; почему и не могутъ сіи приурочки (data) имѣть большой важности для Историка. (+) Но каковы бы онѣ ни были, — для Поэта и для Антрополога онѣ всегда любопытны, по неложному изображенію мѣстной и обычаевъ, нравовъ и чувствъ народныхъ; древняго ли, новаго ли по времени. И съ сей-по стороны долженъ смотрѣть на рускія пѣсни умный собиратель оныхъ.

(+) Отсылаю читателя къ *разсужденію о древней русской словесности* Г-на Граматина (1809. Москва), въ которомъ находятся весьма справедливыя замѣчанія о древности, объ анахронизмахъ и о характерѣ сихъ преданій.

глощающаго забвенія. Оно унесло уже съ собою такимъ образомъ можешь бышь многія любопытныя произведенія Руской Музы, — пока наконецъ не вздумали у насъ, не прежде какъ лѣтъ за 40 передъ симъ — записывать и издавать въ печать то, что можно было еще слышать въ народѣ изъ старинныхъ пѣсень русскихъ. А пошому и неудишительно, что большая часть пѣхъ пѣсень, коцорыя удалось симъ образомъ спасти отъ забвенія, были уже не старѣе времянь ПЕТРА I го.

Вообще, по раздѣленію моему принадлежащъ къ стариннымъ не только сіи, лѣтъ за сто сочиненныя, но даже и пѣ просонародныя пѣсни, кои лѣтъ за 40 или за 50 передъ симъ сложены, ибо онѣ всѣ отъ новѣйшихъ просонародныхъ же пѣсень, отличающа своиимъ *рускииъ разлѣроиъ*, о коцоромъ мы говоримъ намѣрены.

Первое, что замѣшишь всякой въ списахъ сего размѣра, еспь то, что они изобилуютъ Пиррихіемъ [о о]. Можно насчитать до десяти и болѣе видовъ рускаго размѣра, между коими разность только въ количествѣ и порядкѣ спонъ; строеніе же оныхъ одинаковое — *пирри-*

хитское. Во всемъ стихѣ слышны только два либо три долгіе слога; прочіе всѣ, и въ томъ числѣ обыкновенно послѣдніе два (иногда при) слога, суть краткіе, такъ что стихъ оканчивается Дакпилемъ либо Трибрахіемъ. Сіи только стопы на концѣ оспаяются непремѣнными, и образуютъ, такъ сказать, риѣмическую основу стиха, котораго прочія части, т. е. начало и середина не имѣютъ опредѣленнаго спопосложенія. Но это не мѣшаетъ стихамъ быть равными, ибо мѣра ихъ состоитъ въ удареніяхъ, коихъ число не измѣняется.

Надобно однако, для удаленія всякихъ недоразумѣній, опредѣлить сперва значеніе слова *удареніе*, и войти въ нѣкоторыя другія предварительныя объясненія о правилахъ греческой прозодіи.

Удареніе или *сила* [l'accent, der Ton] есть повышеніе голоса въ каждомъ словѣ, на одномъ или на нѣсколькихъ слогахъ, раждающееся необходимо опъ переводимаго дыханія при произнесеніи слова, и способствующее между тѣмъ внятности или явственному раздѣленію словъ въ произношеніи.

Руской языкъ, какъ мы уже видѣли

въ 1 й части сего опыта, имѣеть въ каждомъ словѣ, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударенію, т. е. одинъ только слогъ повышается голосомъ, а прочіе всѣ произносятся съ равнымъ пониженіемъ. Также видѣли мы, что другіе языки напр. Богемскій и Нѣмецкій, имѣють и по два и по три ударенія въ словѣ; однакоже — прибавить надобно — въ неравной степени: ибо и у нихъ въ каждомъ словѣ одно которое нибудь удареніе сильнѣе или слышнѣе прочихъ, кои между симъ главнымъ повышеніемъ и между совершеннымъ пониженіемъ голоса соспавляютъ середину. Слѣдовательно слогуудареніе сихъ языковъ, приемлетъ проясній переходъ голоса по лѣспвицѣ звуковъ: *высокій, средний и низкій*; руское же слогуудареніе имѣеть только два перехода *высокій и низкій* (*). Слоги повышаемые называющіяся у насъ *долгими*, а понижаемые *краткими* — хотя и несвойственно бы пакъ называшъ ихъ; ибо повышение голоса со всѣмъ не то, что *протяженіе* онаго. Се-

(*) Разумѣется, въ отдѣльныхъ словахъ: ибо въ цѣлыхъ періодахъ или совокупленіяхъ словъ, способенъ и руской языкъ къ такому же проясному переводу голоса, какъ сіе усмотришь чиншатель далѣе.

го послѣдняго нѣпъ въ рускомъ языкѣ, а пошому и нѣпъ у насъ собшвенно долгихъ слоговъ, каковы напр. у Французовъ mānes, art, zēle, jaune, у Нѣмцовъ Aal, Feder, Lied, Sohn и пр. Сии-то *долгіе*, по времени просяженія своего, содержащя къ краткимъ какъ 2 къ 1 му. (См. въ 1й части гл. 1. о стопахъ.) Напрошивъ шого нижеслѣдующія, изъ пѣхъ же языковъ взяпья и подобозвучныя: mā|que, ar|me, sēl, jōnc, Ält, Vēt|ter, Litt, Sonn' не пропягивающя подобно прежнимъ, а нолько повышающя голосомъ, шакъ какъ и всѣ рускіе, шакъ называемые *долгіе* слогп. Они споль же коропко или скоро произносящя какъ прочіе слогп, на коихъ голосъ понижаешя, и копорые слывущъ *краткими*. Въ эшомъ всякой можешъ удосповѣришя, обративъ вниманіе свое къ мѣрѣ словъ въ *обыкновенноиъ разговорѣ*: ибо я здѣсь не говорю о мѣрномъ чпеніи стиховъ или о возглашеніи (декламациі) важной прозы, гдѣ слова произносящя уже нѣкопорымъ образомъ на распѣвъ, и гдѣ конечно русской языкъ, какъ и всякой другой, воленъ даващъ словамъ просяженіе для выразишельности или

живописности, напр.

Алмаз̄на сыплешся̄ гор̄а̄

Съ̄ высоц̄ь чешыре̄мя скаламӣ,

Жемчугӯ бездна̄ и сребра̄

Кипишь̄ внизӯ, бьешь̄ вверхӯ буграмӣ
и пр.

Здѣсь напропивъ пого идешь рѣчь о обыкновенномъ произношеніи, или слога-размѣреніи, которое въ русскомъ языкѣ есть поническое, а не количественное, какъ уже замѣчено въ 1 й части. Однако мы, послѣдую принятому обыкновенію, сохранимъ здѣсь сіи названія *долгихъ* и *краткихъ* слоговъ, разумѣя подъ шѣмъ слоги *повышаемые* или *понижаемые* голосомъ.

Сказанное доселѣ объ удареніяхъ относилось покомъ до опредѣльнаго произношенія словъ. Но когда слова занимають свое мѣсто въ періодѣ или въ стихѣ, иногда нерѣдко, по связи мыслей ими изображаемыхъ, сливаясь однѣ съ другими какъ бы въ одинъ составъ, перяють онѣ либо усиливають свое удареніе на цепь близстоящихъ. *Пойдешь ли ты со мною?* *со мною ли ты пойдешь?* *ты ли со мною пойдешь?* — Въ первомъ случаѣ усиливають-

ся удареніе надъ словомъ *пойдѣшь*, во второмъ надъ словомъ *мною*, въ третьемъ надъ словомъ *ты*; прочія же слова сего предложенія лишаются на ту пору своихъ удареній и произносятся всѣ съ равнымъ пониженіемъ голоса, на подобіе того какъ бываетъ въ сложныхъ словахъ съ соспавными часпями, изъ коихъ только одна сохраняетъ свое удареніе: чело-вѣколюбіе, благосѣнолиспвенный, вырабо-пашъ и пр. Такъ и цѣлое предложеніе или періодъ, когда изображаетъ одну нераз-дѣльную купу мыслей, прие́млетъ какъ бы за одно большое сложное слово, коего соспавныя часпи должны по законамъ единства прозодическаго, подчиниться одной главнѣйшей: а сіе не иначе произой-ти можетъ, какъ съ опняпіемъ у нихъ удареній — признака ихъ отдѣльности или независимости.

Но сія подчиняемость удареній въ извѣспномъ ряду словъ (мы назовемъ о-ный *прозодическимъ періодомъ*), имѣетъ свои еспественныя границы: при одномъ слогѣ повышается или съ удареніемъ, можно произнести не болѣе слоговъ по-нижаемыхъ или безъ ударенія, какъ сколько вынесетъ грудь человѣческая не пере-

вода дыханія. Въ приведенномъ выше реченіи: *пойдешь ли ты со мною*, слѣдующъ послѣ повышаемаго слога 5 слоговъ понижаемыхъ, а въ слѣдующемъ: *сдѣлаемся ли мы когда*, 7 шаковыхъ слоговъ; и этого числа (7^{ми} слоговъ, много чшо 8^{ми}), кажешся, довольно для объяпности прозодическаго періода. Но я не щипаль здѣсь предшешвующіе ударенію слоги, а полько тѣ, кои за онымъ слѣдующъ; пошому чшо въ высшавленныхъ здѣсь примѣрахъ удареніе стойтъ сначала на вшоромъ либо на первомъ слогѣ: когда же случается оно въ срединѣ, или даже въ концѣ фразы, на пр. *не убѣжитъ никто отъ смерти*, или: *коль скоро они вали знакъ дадутъ*—погда для соблюденія равновѣсія необходимо умалается число послѣдующихъ оному слоговъ, по мѣрѣ умноженія предыдущихъ, а періодъ изъ опредѣленнаго числа 7 или 8 слоговъ рѣдко выступаетъ. Больше сего число слоговъ надобно уже произносишь въ два приема, или съ двумя удареніями: на пр. *пой ли сомною пойдешь шуда?*—или: *погда-шо мы съ шобою сдѣлаемся!*— Въ обоихъ сихъ примѣрахъ слышно уже и

второе слабѣйшее удареніе на словахъ *туда* и *сдѣлаемся*. А поелику таковое слабѣйшее удареніе (которое мы будемъ означать симъ знакомъ $\underset{\cdot}{\rho}$) соспавляетъ средину между полнымъ повышеніемъ и совершеннымъ пониженіемъ голоса, по и слѣдуетъ изъ сего, что русской языкъ приемлетъ, по крайней мѣрѣ въ цѣлыхъ *реченіяхъ* или *періодахъ*, такой же проясній переходъ голоса, какой свойственъ нѣкоторымъ другимъ языкамъ въ *отдѣльныхъ словахъ* (*). Подобный періодъ прозодическій, въ которомъ кромѣ главнаго ударенія слышно еще другое слабѣйшее, назовемъ мы двойнымъ или сложнымъ періодомъ, для различія оныхъ простого или одинакаго періода, гдѣ одно только удареніе господствуетъ. Употребленіе сложнаго періода прозодическаго зависить оныхъ мѣста, на коемъ случится главное

(*) Есть еще въ русскомъ языкѣ и между сложными словами такія, въ коихъ болѣе 8ми слоговъ, и которыхъ по сему трудно произнести однимъ духомъ: на пр. *Высокопревосходительство* 9 слоговъ, *Киевозолототерехолихайловскій* (имя Монашья) 12 слоговъ. Такой излишній наборъ слоговъ надобно непременно въ произношеніи раздѣлять на два или на три приема, и слѣдовательно кромѣ главнаго ударенія давать слышать еще одно либо два слабѣйшія: |Высоко|превосходишельство|. |Киево|золототерехо|лихайловскій|.

удареніе: ежели оно слишкомъ далеко опшшоишь опъ начала или опъ конца рѣчи, тогда еспешвенно, что надобно на предыдущихъ либо на послѣдующихъ сему ударенію слогахъ еще слегка перевести духъ.

Почши во всѣхъ приведенныхъ мною примѣрахъ главное удареніе приходися на первыхъ слогахъ рѣчи, и это обыкновенное его мѣсто; попому что для груди человѣческой вообще удобнѣе сперва повысить, потомъ уже понизить голосъ, а особливо когда должно произнести множество звуковъ сряду. По сей-то причинѣ, хощя русской языкъ изобилуешь ямбами, анапестами и другими оканчивающимися долгимъ или повышаемымъ слогомъ мѣрами, могутъ однако сіи мѣры слышны быти въ опдѣльныхъ токмо словахъ, и еще развѣ въ самыхъ короткихъ фразахъ: совокупленіе же нѣсколькихъ словъ оканчивается обыкновенно хоремъ, дактилемъ, трибрахемъ, и шому подобными мѣрами. Прочпите даже стихи изъ чисщыхъ ямбовъ сложенные (обыкновеннымъ голосомъ, не на распѣвъ), и вы вмѣсто ямба на концѣ услышите нерѣдко дактиль или другую подобную

спону: „Воспоргъ внезапный у́мь плѣ-
 ниль.“ Въ прозаическомъ же или разго-
 ворномъ совокупленіи словъ главное уда-
 реніе по большой часпи опспоишь еще
 далѣе опъ конца: рѣдко случается оно
 къ концу на прешьемъ, еще рѣже на
 предпослѣднемъ слогѣ; на послѣднемъ же
 никогда. — По крайней мѣрѣ, это самое
 неестественное мѣсто для главнаго въ
 прозодическомъ періодѣ ударенія, копо-
 рое въ такомъ случаѣ покмо съ усилиемъ,
 п. е. съ крикомъ можетъ произнесено
 бышь. Слабѣйшее удареніе сложнаго про-
 зодическаго періода имѣетъ иногда мѣсто
 на послѣднемъ слогѣ; но и оно кажется
 опъ сего положенія своего еще болѣе
 ослабляется (см. вышеприведенные при-
 мѣры сложнаго прозодическаго періода,
 кои оканчиваются словами: *туда* и *сдѣ-
 лаемъ*). Короче сказать: прозодическій
 періодъ, прспой ли онъ или сложной,
 любитъ оканчиваться пониженіемъ или
 опдыхомъ голоса.

Объяснивъ такимъ образомъ все что
 нужно, касательно до свойства удареній
 и до дѣйствія ихъ въ опдѣльныхъ сло-
 вахъ и въ цѣлыхъ періодахъ, оснаетъ
 намъ примѣнишь къ предмету нашему

по, что мы сказали о *прозодическомъ периодѣ*.

Извѣстно, что шаковымъ нѣсколькихъ словъ соединеніемъ подъ одно прозодическое начало или подъ одну *силу*, способствуется выразишельностьъ рѣчи, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ, такъ и въ возглашеніи (декламациі). Это принадлежитъ до Орапоріи. Но вотъ что собственно принадлежитъ до русской Пѣишки, и слѣдовашельно до нашего предмета: что на семь же самомъ дѣйствіи прозодическомъ основана мѣра русскихъ стиховъ. Въ нихъ щипающся не стопы, не слоги, а *прозодическіе періоды*, ш. е. ударенія, по коимъ и должно размѣряшь стихи старинныхъ русскихъ пѣсень. Такимъ образомъ сказавъ, что въ семь размѣрѣ слышны только два либо при *долгіе* слога (ш. е. ударенія), разумѣемъ мы подъ симъ по, что стихъ русской состоишь изъ двухъ либо трехъ прозодическихъ періодовъ. Мы опредѣлили обяшность прозодическаго періода до 7^{ми} или до 8^{ми} слоговъ: однако же въ русскихъ стихахъ никогда онъ такъ великъ не бываешь; а по самой большой мѣрѣ имвешь до 6^{ми} слоговъ, обыкновенно же по 4, по 3, не-

рѣдко и по два только слога; такъ что самой большой стихъ русской о 3^{хъ} удареніяхъ имѣешь рѣдко болѣе 13^{ми} слоговъ, и слѣдовательно величиною будешь съ песнопольный ямбическій. Стихъ же о двухъ удареніяхъ соотвѣтствуетъ чепырекснопольному. Кромѣ сихъ есть еще крошкіе стихи объ *одномъ* удареніи, кои также довольно употребительны; а самыя длинныя, какіе мнѣ случилось читать, о *четырехъ* [однажды только и по не въ пѣснь, а въ сказкѣ употребленные (*).]

Разсмапривая всѣ сіи виды стиха рускаго, читатель согласился со мною, что ихъ употребляли не безъ разбора во всякомъ родѣ стихотвореній; но что каждый родъ, по крайней мѣрѣ два главные рода, лирической и эпической, имѣющъ также и урусикъ свой опредѣленный размѣръ. И я дѣйствительно осмѣлюсь раздѣлить стихи нашихъ старинныхъ пѣсень на *лирическіе* (пѣсенные) и на *эпическіе* (сказочные). Опличаю же одни отъ другихъ вопрь чѣмъ: главное свойство тѣхъ и другихъ есть *равно-*

(*) Въ сказкѣ *Мастрюкъ Телрюковитъ*, которая помѣщена въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ подъ № XXI. Мы будемъ говорить объ этомъ далѣе.

численность удареній; но пѣсенные стихи бывають припомъ по большой часпи *равносложны* и имѣють (по большой же часпи) порядокъ удареній *неизмѣняющійся*, подобно какъ у Грековъ лирическіе стихи имѣють неизмѣняющійся порядокъ *стопъ*: въ сказочныхъ же *измѣняется* какъ число слоговъ, такъ и порядокъ удареній, въ чемъ они также сходствуютъ съ Греческимъ *экзаметромъ*, коего *варіаціи* мы показывали въ 1 ой часпи.

Сіи утвержденія мои надѣюсь доказать примѣрами изъ народнаго нашего стихотворства почерпнутыми. Начнемъ съ пѣсенныхъ или лирическихъ стиховъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О лирическихъ или пѣсенныхъ стихахъ рускаго размѣра.

Пѣсенные стихи во всякомъ языкѣ бывають правильнѣе, или лучше сказать, *единомѣрнѣе повѣствовательныхъ*, будучи сочиняемы подъ ладъ къ музыкѣ. Такъ и въ рускомъ. Рускіе стихи сего рода имѣють по ровну въ себѣ слоговъ, а на оныхъ по ровну и въ одинаковомъ порядкѣ ударенія; и ежели бы эшо всегда наблюда-

лось, по въ нихъ было бы правильное *стопосложеніе*, и можно бы было размѣрять ихъ по *стопамъ*. Но какъ порядокъ сей въ нихъ не всегда оспашся неизмѣннымъ, а только одно число удареній не измѣняется, по и должно размѣрять ихъ по *удареніямъ* или по періодамъ прозодическимъ. Впрочемъ для большаго различенія можно, ежели угодно, раздѣлить ихъ еще по *мѣсту*, на которомъ стоишь въ нихъ послѣднее удареніе, п. е. по *окончаніямъ*. Большая часть русскихъ пѣсень оканчиваются дактилемъ, какъ выше замѣчено. Но нѣкоторыя виды пѣсенныхъ стиховъ хореємъ оканчиваются, имѣя удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; въ иныхъ же опять удареніе на 4мъ и на 5мъ отъ конца; но никогда на послѣднемъ слогѣ не бываетъ удареніе, п. е. стихъ никогда ямбомъ не оканчивается, ибо ежели долгій или съ удареніемъ слогъ и придется когда въ концѣ стиха, то онъ сокращается, по законамъ періода прозодическаго, о коихъ мы предъ симъ говорили, и которыми силу изъ примѣровъ лучше видѣть можно. Мы раздѣлимъ по сему рускіе пѣсенные стихи въ разсужденіи окончаній на стихи *дактили-*

тескаго, хорейтескаго и трибрахитескаго окончанія. Мѣрою бывающъ они отъ 4 хъ до 13 ши слоговъ, объ одномъ, о двухъ и о прехъ удареніяхъ. Всѣ сіи виды разсмотримъ мы по порядку, начиная съ крапчайшихъ.

I.

Спихи *объ одномъ удареніи* или въ одинъ прозодическій періодъ отъ 4 хъ до 6 ши слоговъ.

1. *Дактилитескаго окончанія* пяти и шестисложные.

Ты воспой воспой. 5 слоговъ.

Младъ жавороночикъ 6.

Сидючи весной 5.

На пропалинкѣ. 5.

Примѣчаніе. Обыкновенно въ пѣсенникахъ пишущся по два шаковыхъ спиха въ спрокъ, и почишающся за одинъ спихъ раздѣленный цезурою на двѣ половины $\circ\circ - \circ\circ, \circ\circ - \circ\circ$; но какъ сіи половины совершенно ровны и раздѣлены поспоянною цезурою, то и можно каждую изъ нихъ почишасть особымъ цѣлымъ спихомъ, и я въ этомъ размѣреніи (*scansio*)

слѣдоваль *карманному пѣсеннику* 1796 го
года въ Москвѣ изданному — изящнѣйше-
му и наиболѣе со вкусомъ сдѣланному
выбору пѣсень, какой мы доселѣ имѣемъ.

2. *Хореическаго окончанія* стихи объ
одномъ удареніи могущъ бытъ 4 хъ и 5 ши
сложные: $\circ\circ-\circ$
 $\circ\circ\circ-\circ$

Они по краткости своей употребляюш-
ся покомъ въ сочешаніи съ другими боль-
шими мѣрами (пакъ почти, какъ у Гре-
ковъ Адоническій стихъ съ Сафическими):

Примѣръ сочешанія таковаго чепы-
рехсложнаго Хореическаго съ двумя 5 ши
сложными Дакшилич. окончанія:

Мѣлки пшашечки	}	дакшилич.
Вонъ изъ садика		
Вылетали.	}	хореич.
Одна пшашечка		
Соловеюшко	}	дакшилич.
Оспавался.		
Жалобнешенько	}	дакшилич.
Соловеюшко		
Воспѣваетъ.		хореич.

и пр.

Другой примѣръ сочешанія 4 хъ слож-
ныхъ хореическаго съ 7 ми сложными
дакшилич. окончанія см. подь No III.

3. *Трибрахитескаго окончанія* спихи объ одномъ удареніи могутъ бысть 4хъ, 5ши и 6ши сложные: -^{ooo}

^{oo}-^{ooo}

^{oo}-^{ooo} и также по

крашкосши своей упопреляется полько въ сочешаніи съ большими мѣрами. [см. ниже подъ Но 11.]

II.

Спихи о *полтора удареніяхъ*, или въ одинъ прозод. періодъ сложный опъ 7ми до 9ши слоговъ.

Въ примѣръ таковыхъ спиховъ *дактилесакаго окончанія* послужишь извѣстная хороводная пѣсня:

А мы просо сѣяли: 7 слог.

Ой Дидъ и Ладъ сѣяли. 8 сл.

Здѣсь послѣднее удареніе надъ словомъ *сѣяли* по положенію своему болѣ слышно, и ешь главное, а первое надъ словами *просо*, *ладъ*, слабѣйшее. Но таковой сложный періодъ чаще случается въ спихахъ *трибрахитескаго* окончанія, копорымъ примѣръ можно видѣшь въ слѣдующемъ сочешаніи 7ми сложныхъ съ 6ши сложными:

oo - oooo
oo - ooo

Воспрепéнешся соколь 7.
 На дубу сидючи. 6.
 Какъ расплáчешся дѣвка 7.
 Въ перемú подь окномъ 6.
 Ахъ ты бáшюшко свѣшь мой 7:
 Умилíсь надо мной 6.
 Не давай меня замужъ 7.
 Ты за Вóлгу рѣку. 6.
 Госудáрыня маши 7.
 Ты за Вóлженина 6.
 и пр.

Чишпашель самъ замѣпишь, что здѣсь 7^{ми} сложные стихи имѣють по два ударенія, но одно сильнѣйшее на 3^{мъ} слогѣ, а другое слабѣйшее на предпоследнемъ; въ 6^{ши} сложныхъ же стихахъ только одно слышно удареніе: и слѣдовательно въ шѣхъ содержишся сложный, а въ сихъ простой прозодическій періодъ.

Вошь другое сочешаніе 7^{ми} и 8^{ми} сложныхъ прибражическихъ съ 5^{ши} сложными дактилическаго окончанія:

Научишь ли ты Ванюша 8.
 Какъ ко мнѣ ходишь 5.
 Ты не улицей ходи 7.
 Переулками 5.

или:

Еще съ вѣчера солдашамъ 8.

Приказъ ѡшданъ былъ 5.

Со полуночи солдашы 8.

Ружья чѣстили 5.

Здѣсь шакже въ 8^{ми} сложныхъ спихахъ еспь, кромѣ главнаго ударенія, еще другое слабѣйшее на предпоследнемъ слогѣ; а въ 7^{ми} сложномъ спихѣ: „Ты не улицей ходи“ одно только главное удареніе слышно; пошому чшо другое слабѣйшее пришло къ концу на последнемъ слогѣ; ходи, опь чего и скрадывается оно совершенно, по правиламъ прозодіи русской.

III.

Спихи о *двухъ удареніяхъ*, или въ два періода прозодическіе опь 5^{ши} до 11^{ши} слоговъ.

1. *Дактилитескаго окончанія*. а) семи-
сложные 0-00-00

Дишя мое дишяшко

Дишя мое мѣлое

Чшо ходишь нерадошно

Гуляешь невѣсело

Повѣся головушку

На праву спорѡнушку

Пошупя ясны очи

Во машь во сыру землю. и пр.

Сочепаніе шаковыхъ стиховъ съ 4^{хъ} сложными хорейческаго окончанія:

Цвѣли, цвѣли цвѣшники,
 Да поблѣкли.
 Любилъ меня милой другъ
 Да покѣнулъ.
 Покѣнулъ душá моя
 Не надóлго.
 Не надóлго вре́мячко
 На часóчикъ и пр.

б.) Осмисложные ∞ — ∞ — ∞

Изъ Кремля крѣпка гóрода,
 Ошъ дворца Госудáрева,
 До самой красной плóщади
 Ахъ! вели казнить мóлодца
 И большóва боярина
 Ашамáна спрѣлѣцкова и пр.

Приведу еще цѣлую небольшую пѣсню въ примѣръ шаковыхъ же перемѣшанныхъ съ другими неравносложными стихами дактилическаго окончанія о двухъ удареніяхъ:

Безъ вѣтру безъ вѣхору 7 сл.
 На дворѣ крупень дóждь идетъ. 8.
 Безъ огня и безъ по́лымя 8.
 Сырой бóръ загорáется. 8.
 Безъ вины мой сердѣшной другъ 8.
 На меня разкручинился. 8.
 О чѣмъ-то, мой милой другъ, 8.
 На меня разсердѣлся шы? 8.
 Часть II. 13

Да хошяжь бы милу́ другу 8.
 Негоднá была и ненáдобна , 10.
 И ту́шь бы, сердéшной другъ, 7.
 При бесѣдѣ пожáловаль. 8.
 Поднёсь бы, сердéшной другъ, 7.
 Ча́ру зеленá вина, 7.
 На запíвочку поднёсь бы мнѣ 9.
 Кубе́ць меду слáдкаго. 7.
 И сня́ль бы, сердéшной другъ, 7.
 Съ правóй руки золóшь персень. 8.
 Спусти́ль бы золóшь перспень 7.
 Въ кубе́ць меду слáдкаго, 7.
 Ябъ мѣдъ, вино вы́пила 7.
 И золóшь перспень вы́нула; 8.
 Надѣлабъ золóшь перспень 7.
 На себя́ на праву́ руку: 8.
 Хоро́шь мой золóшь перспень 7.
 На моёй на правóй рукѣ 8.
 Пригóжь мой сердéшной другъ 7.
 На своёмъ на добрómъ конѣ 8.

в.) Девятичисложные: oo-ooo-oo

Ахъ! ты по́ле, поле чы́спое,
 Ты раздóльице ширóкое и пр.

или:

Ахъ! палáнь ли мой, палáнь шакой
 Или учасъ моя гóрькая,
 На роду́ ли мнѣ написано,
 На дѣлу́ ли мнѣ достáлося и пр.

Прили́таніе. Симвъ-по размѣромъ, упо-
 пребишельнѣйшимъ въ пѣсенныхъ спи-

хахъ русскихъ, написалъ какъ извѣстно и Карамзинъ свой прекрасный шуточный ошривокъ сказки: *Илья Муромецъ*; а пѣмъ самымъ подалъ поводъ многимъ подражаателямъ упопреляпъ оный въ новѣйшей Поэзіи, подъ именемъ русскихъ стиховъ — кспаци и не кспаци. Но мы коснемся до эпого еще разъ въ главѣ III при разсужденіи о *сказошныхъ* стихахъ.

2. *Хорическаго окончанія* стихи о двухъ удареніяхъ.

а.) Сочепаніе 5ми и 7ми сложныхъ: $\circ - \circ - \circ$
 $\circ\circ - \circ\circ - \circ$

Во ржі́ берѣза
Зеленѣнька споя́ла.

Ой! Дидь и Лáдо,
Зеленá кудрева́ша.

*

Подъ шóй берѣзой
Соловѣйко щекóчешь.

Ой! Дидь и Лáдо,
Молодóе щекóчешь.

*

Соловѣйко мой ба́шько,
Ты скажи́ мнѣ всю пра́вду.

Ой! Дидь и Лáдо,
Ты скажи́ мнѣ всю пра́вду и пр.

*

б.) Одни семисложные: 00-00-0

Ты построй, милой, перемъ,
 Чпюбъ изъ шерема въ перемъ,
 Изъ окошка въ окошко и пр.

или:

Какъ у насъ во садочкѣ,
 Какъ у насъ въ прекрасномъ
 Хорошó пшашки пѣли и пр.

в.) Осмисложные: 0-0000-0

Ахъ! упушка луговая,
 Молодушка молодая,
 Ты гдѣ спала, ночевала? и пр.

Примѣтаніе. Девятисложный сего
 окончанія стихъ:

Ночевала я во лужочкѣ
 Подъ ракишовымъ подъ кусточкомъ.“

и можно раздѣлишь на два коропшіе стиха,
 изъ коихъ первый будетъ описанный
 уже мною подъ No I. дактилическій 5 ши
 сложный 00-00, а другой хорейческой 4 хъ
 сложный 00-0

3. *Трибрахитескаго окончанія* стихи о
 двухъ удареніяхъ.

а.) Осми и девятисложные: -00-0000
 -000-0000

Пить было пиво и вино,
 Съ пивушка голувушка болишь,

Съ вина́ просыпа́нье шяжело —
 Жйшь было съ мйлымъ хорошо:
 Да лйхъ на насъ нёдругъ супоспашъ,
 Нё даль намъ въ совѣпъ съ нимъ пожйшь,
 Нё даль намъ любóви поводишь. и пр.

б.) Десятисложные:

Какъ со вѣчера цѣпóчка горйшь,		oo - ooo - ooo
Со полуночи серѣбренная,		
Горйшь, горйшь, перегáриваетъ,		o - ooooo - ooo
Молóдушку перемáниваетъ.		

в.) Одиннадцатисложные: oo - ooo - oooo

Во всю нóченьку неспáла молода,
 Мнѣ комáрики мѣшáли молодой спать,
 Взволновáлося сердéчушко мое и пр.

Иногда спйхи шаковые перемѣшива-
 ются съ 8^{ми} и 9^{ми} сложными дакшиличе-
 скаго окончаня, на пр.

Ахъ! ты мáльчикъ ты, мáльчикъ мой,
 Кудревáшая голóвушка швся.
 Еще кто тебя породилъ молодца?
 Породила родная мамушка меня,
 Вспойлъ, вскормилъ сударь башюшка,
 Возлелѣяла чужая сторона и пр.

IV.

Спихи о *трехъ удареніяхъ*, или въ при-
періода прозодическіе опъ 6^{ши} до 13^{ши}
СЛОГОВЪ.

Примѣтаніе. Дактилическаго оконча-
нія спихи о *трехъ удареніяхъ* сущь *ска-*
зошныя, о коихъ см. въ главѣ прешей.
Пѣсенныя же о 3^{хъ} удареніяхъ спихи всѣ
имѣють прешье удареніе либо на пред-
послѣднемъ слогѣ, и сущь хорейческаго,
либо на 4^{мъ} и 5^{мъ} опъ конца слогѣ, и сущь
прибрахическаго окончанія. Но упопре-
бительнѣе изъ сихъ первые, ш. е.

1.) *Хорейческаго окончанія.*

а.) Осмисложныя: - 00 - 00 - 0

Вѣду на нѣвыя сѣни
Я на часшѣ переходы,
Я обопрусь о перѣлы,
Я обогнусь соболями,
Вся обольюся слезами и пр.

б.) Десятисложныя: 0 - 00 - 000 - 0

Молѣдка, молѣдка молодая,
Ахъ! полно поулицамъ ходиши и пр.

Но по большой часши спихи сего
окончанія о 3^{хъ} удареніяхъ бывають воль-
ныя, ш. е. неавносложныя. Въ слѣдую-

щей пѣснѣ перемѣшаны 10^{ши} сложные съ 9^{ми}, 8^{ми} и даже 6^{ми} сложными:

Во полѣ берѣза спояла, 9 слог.
 Во полѣ кудрявая спояла. 10.
 Нѣкому берѣзу заломаша 10.
 Я пойду заломаяю. 7.
 Сдѣлаю шри гудочка. 7.
 Старой спишь съ похмѣлья. 6.
 Выду на новыя сѣни, 8.
 Стану я старова будиши. 9. и пр.

в.) 11^{ши} 12^{ши}, и 13^{ши} сложные перемѣшиваются также одни съ другими, а нерѣдко и съ 10^{ши} сложными и пр.

Какъ во городѣ было во Казани. 11.
 Молодой чернецъ поспригся. 8.
 Захотѣлось чернецу погуляши 11.
 Что за шѣли за свяшыя за вороба 12.
 и пр.

У дѣшечки у красной у дѣвицы 11.
 Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило, 12.
 Смочило бѣло личико слезами. 11.
 и пр.

Ахъ! какъ на дворѣ день вечеряешь, 10.
 А подь молодцомъ конь приспаваетъ, 10.
 Молодѣць на конѣ разнемогаешь, 11.
 А товарищи у молодца уѣзжаютъ 13.
 и пр.

Не ясень соколъ по поднебесью лешаетъ, 13.
 То бояринъ по полкамъ нашимъ гуляешь. 12.

Не золотая прѣбушка вострубѣла, 12.
 То возговоришь Царевъ большой бояринъ 12.
 Графъ Борись сударь Пешрѣвичъ Шеремѣ-
 шевъ 12.

 Тутъ возговоряшь драгѣны и солдаты: 12.
 Мы ради Государю послужимъ 11.
 И одинъ за друга умеремъ. 11.
 Тутъ скоро бояринъ подымался 10. и пр.

Приливаніе. Сей размѣръ о прехъ удареніяхъ опъ 6^{ши} до 13 слоговъ, весьма уже сходень со *сказошныиѣв*, выключая только окончанія, которое у того дактилическое, а у этого хорейческое; да еще порядка удареній, который у этого не такъ перемѣчивъ какъ у того. Ежели только можно сравнивать рускіе стихи съ греческими, то я бы сказалъ, что сей размѣръ въ такомъ же отношеніи сошпимъ къ сказошному, въ какомъ у Грековъ элегическій размѣръ къ эпическому. Онъ, можетъ быть, и употребляешся у Рускихъ опчаспи по тѣмъ же родамъ стихотворенія, по коимъ у Грековъ употреблялся элегическій. Извѣсно, что онимъ сочинялись не только собспвенно такъ называемыя *Элегіи*, п. е. унывыя стихи, но также и разные другіе лирико-эпическіе стихи, однако по боль-

шой части важнаго содержанія: Тиршей упопробиль оный въ своихъ военныхъ пѣсняхъ, Каллимахъ въ гимнахъ богослужебныхъ, и ш. д. Руской же размѣръ, копорый мы осмѣлились сравнить съ *элегическимъ*, въ какихъ предметахъ упопробляешся, видно изъ примѣровъ: первые два подъ липерами а) и б) а попомъ пяшый и шестый подъ лип. в) суть наспояція элегіи. Третій и четвертый хошя и повеселѣе, однако не совсѣмъ чисную изображаюшь веселость, но шакую, къ копорой примѣшана сапирическая желчь людей недовольныхъ своимъ состояніемъ, а именно: молодой жены, копорая пробужаеш спараго своего мужа, — и молодого чернеца, вышедшаго гулять за монастырскія ворота. А послѣдній подъ лип. в) примѣръ естъ военная пѣсня на Тиршееву спашь. И вообще, сколько мнѣ извѣстно, упопробляешся размѣръ сей наиболѣе въ предметахъ унывныхъ, либо важныхъ, чему можешъ бытъ причиною его хореическое окончаніе, копорое будучи само по себѣ смиренѣе игривыхъ дактилей и прибрахіевъ, ошъ того лучше выражаешъ печальную или важную думу. И въ самомъ дѣлѣ

весьма опличны ошь сихъ элегическихъ русскихъ стиховъ суть:

2. Стихи *Трибрахитескаго окончанія* о прехъ, удареніяхъ особливо, когда послѣднее удареніе на пятомъ ошь конца слогъ, каковое окончаніе можно бы собственнo назвасть *Тетрабрахитескимъ* (чешверокрапкимъ). Размѣръ сихъ стиховъ естъ чисшый лирический и припомъ свойственный наиболѣ шумному, веселому или живому выраженію спрастей, словомъ сказасть, диѳирамбамъ рускую спашъ. Но когда удареніе на чешверпомъ ошь конца слогъ, тогда конечно бывающъ стихи сіи нѣсколько посмирнѣе, и шакже весьма уже сходны съ повѣсповашельными стихами рускими дакшилическаго окончанія, почему и упопреляющъ вмѣспъ съ оными, какъ увидимъ далѣ въ главѣ III.

Здѣсь слѣдующъ примѣры пѣсенныхъ стиховъ трибрахитескихъ, ошь 10^{ши} до 12^{ши} слоговъ.

Вѣсель я, вѣсель сегѳднешній день. 10 слог.
Рáдошень, рáдошень шепѣрешній часъ. 11.

Мáшь Дарью Дáрю кликала домой 10.
Пѳдь Дарья Дáрья Дáрюшка домой 10.
Хѳчетъ шебя мáшь за спарá за мужъ
ошдашь 12.

Ивушка, йвушка зелѣная моя,
 Чшѡже ты, йвушка, не зелена споишь. | 12 слог.

Лучина, лучинушка берѣзовая
 Чшѡже ты лучинушка не ясно горишь | 12 —
 Не ясно горѣшь не вспыхиваешь. 10 —

Ахъ! чшѡжъ ты, голубчикъ, не вѣселя
 сидишь. 11 —

Впрочемъ послѣднія сіи при мѣри можно раздѣлить на два коропкіе спиха, изъ коихъ вѣпорой будешь прибражическій объ одномъ удареніи *о-ооо* или *о-оооо*, о коемъ было уже говорено въ своемъ мѣспѣ.

Въ заключеніе примѣровъ пѣсеннымъ спихамъ рускимъ, скажемъ нѣчто о *строфахъ* или *куплетахъ*: ибо и рускіе также имѣють свои куплешы. Таковыя на пр. видѣль чипапель подъ No III. 2) а) въ пѣснѣ: *Во ржи береза* и пр. Куплешы рускіе имѣють въ себѣ рѣдко болѣе 4^{хъ} спиховъ коропкихъ или 2^{хъ} длинныхъ, изъ коихъ послѣдній спихъ естъ неиное чпо какъ повпореніе первато, предшествуемое обыкновенно какимъ нибудь общимъ припѣвомъ, каковы на пр. *ой Дидъ и Ладъ*, *ой люли люли*, *ой жги* и пр. а пошому и можно всѣ пѣ пѣсни, въ коихъ естъ такіе припѣвы, почищать состоя-

щими изъ куплетовъ. Въ число шаковыхъ принадлежишь хороводная: *а мы просо съяли* и многія другія извѣстные пѣсни. Однако же припѣвы иногда только служащъ признакомъ спрофообразнаго расположенія, когда послѣ ихъ слѣдуетъ повтореніе или дополненіе сказаннаго въ предыдущемъ стихѣ: а сіе весьма часто и безъ припѣва бываетъ; каковое расположеніе также можно принять за спрофу или куплетъ, на пр.

Ахъ! чшожь ты, лучинушка, неясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?

*

Али, ты лучинушка, въ печи не была,
Въ пети не была, не высушена?

*

Подружки голубушки, ложитесь спать,
Дождитесь спать, вамъ неково ждашь.
и пр.

*

Въ пѣснѣ: *ахъ стожь ты голубкижъ*
не веселъ сидишь, куплеты въ при стиха,
на пр.

Вечоръ у меня голубка была,
Голубка была, со мной сидѣла,
Со мной сидѣла, пшено клевала.

*

По утру голубка убиша лежишь,
Убиша лежишь, застрѣленная,
Застрѣленная, потерянная.

*

Потерялъ голубку боярскій слуга,
Боярскій слуга, съ боярска двора,
Съ боярска двора, убилъ изъ ружья.
и пр.

*

Русская народная Поэзія любитъ сіи повпоренія и сію *тетность* стиховъ, да и упошребляетъ нѣкоторыя виды пѣсенныхъ стиховъ не иначе какъ куплепами; а именно дактилическіе 5^ш сложные: ∞-∞. Въ двухъ шаковыхъ коропкихъ стихахъ всегда полный смыслъ заключается, а чепырё или шесшь стиховъ образуютъ спрофу, на пр.

Ты рябинушка,
Ты кудрявая,
Ты когда взшла
Когда вызрѣла и пр.

Нельзя конечно ожидать отъ простыхъ нашихъ русскихъ стихослагашелей какихъ либо непремѣнныхъ правилъ какъ въ разсужденіи порядочнаго расположенія куплеповъ, такъ и по всѣмъ другимъ принадлежностямъ стихосложенія. Часто

разныя формы у нихъ перемѣнены. Но сіе случайное ненаблюдение правилъ, доказываешь только то, что правила еще не утверждены и не приведены въ извѣстность, а не то чтобы оныхъ со всѣмъ не было.

Сихъ приведенныхъ мною примѣровъ и объясненій кажется для чипашеля довольно, чтобы ему обозрѣть главныя и употребительнѣйшія формы пѣсенныхъ стиховъ русскихъ, судить о гармоніи оныхъ и вызнать уже вообще строение рускаго размѣра, коего дальнѣйшія опмѣны показаны будутъ въ главѣ III.

Повторимъ здѣсь, что поелику размѣръ сей основанъ не на равносложности и не на порядкѣ стопъ, то и не составляешь въ немъ *разночисленность* слоговъ и *разномѣстность* удареній существенной негладкости или разноголосицы. Вольность сія нерѣдко еще благопріятствуетъ нецпнужденному выраженію и языку чувствъ. Но тамъ гдѣ она кажется неумѣстной и нарушающею гладкость стиха, должно винить въ томъ конечно не пѣснопворца, а изустное преданіе, по произволу своему опымающее или прибавляющее слова въ пѣсняхъ, не могущее

однако при всѣхъ своевольствахъ своихъ нарушишь *гисла ударений*, сей неопъемлемой основы, на коей учреждаешся гармонія стиховъ русскихъ. Гармонія же сія наиболѣе слышна въ старинныхъ пѣсняхъ: и даже безошибочно можно утвердись, что чѣмъ стариннѣе пѣсня, тѣмъ чище и правильнѣе въ ней соблюлась сія форма *ударительнаго* или рускаго *стихосложенія* (*) Новѣйшія просопоародныя пѣсни начинаютъ удаляться отъ онаго, приближаясь за то опчасу болѣе къ *стопосложенію* и замѣняя, уже складношью риемъ или созвучныхъ окончаній прежнюю, складношь состоявшую покмо въ удареніяхъ. Напрошивъ того стариннымъ пѣснопворцамъ рускимъ риемы были незнакомы; ибо ежели у нихъ и попадающся иногда созвучныя слова, въ концѣ ли, въ срединѣ ли или въ началѣ стиха, то оныя не съ намѣреніемъ приисканы,

(*) Многіе издатели русскихъ пѣсенъ, и между прочими первый у насъ крипическій или полковый собиратель оныхъ, извѣстный Мих. Поповъ (въ своемъ выборѣ новыхъ и старыхъ пѣсенъ подъ названіемъ *Россійская Брата*), не вошедъ въ шаковое различіе размѣровъ *тоническаго* и *стопосложнаго*, или же соображаясь со вкусомъ публики, привыкшей къ стопосложенію, думали, что надобно въ русскихъ стихахъ поправлять сію мнимую негладкость, и позволяли себѣ вездѣ, гдѣ только можно, шаковыя поправки. — Но дѣльно ли? ошдаю на разсужденіе читателю.

а случайно и непринужденно, такъ ска-
запъ, слились съ языка ихъ, — и конечно
игривоспью своею украшающъ спихъ,
но все еще не могутъ названы бытъ
риѳмою въ помя смислѣ, въ какомъ мы
нынѣ принимаемъ сіе слово.

Мы сказали, что новѣйшія проспо-
народныя пѣсни приближаются къ спо-
посложенію: и дѣйствительно начинаешъ
въ нихъ господствовать по большой ча-
сти чистая *хореическая* мѣра, и даже
неуполнреспубликельныя прежде *ямбическія*
окончанія, которымъ наиболѣе помогла
риѳма войши въ чеспъ. Не то, чтобы
пѣсни сіи сочинены были совершенно
опличнымъ опъ прежнихъ размѣромъ:
онѣ удержали въ себѣ нѣкоторыя изъ
прежнихъ формъ, особливо же пѣ, въ ко-
ихъ хореическое окончаніе; но только
дающъ уже въ нихъ слышатъ не *ударенія*,
а *стопы*, прибрахическое же окончаніе
превращающъ въ ямбы, усиливая оныя
риѳмою.

Вошъ нѣкоторыя примѣры шаковыхъ
проспонародныхъ пѣсень новаго складу:

Анапестоямбическіе двустопные:

Ахъ! шы, сельской пѣшухъ,
Деревенской щепешунъ,

Зачѣмъ рано вспаешь
Голосисто поешь; и пр.

Алифбрахитескіе двустишныя:

Недчаспнымъ дѣшпинка
На свѣшъ сей родился,
На свѣшъ сей родился,
Въ дѣвушку влюбился;
Съ кошорой любился
И пой онъ лишился,
Съ кошорой цѣловался
И пой миновался; и пр.

Хоритескіе тетърехъ и трехстишныя:

Бѣлолица круглолица
Красная дѣвица
При долинушкѣ спояла
Калину ломала; и пр.
Въ Государевой канцорѣ
Сидитъ молодець въ уборѣ; и пр.
Какъ у нашихъ у ворошъ
Стоялъ дѣвокъ хороводъ; и пр.

Пятистишныя:

Получилъ письмо отъ дѣвушки сей часъ,
Спаль чашашъ, да полились слезы изъ глазъ;
и пр.

Надѣюсь, что сими опять примѣрами
довольно объяснилъ я чашашелю разность
спихосложенія рускаго, *старого и нова-*

го. Первое есть оригинальное русское, довольствующееся одними ударениями, незнающее употребленія слога и рима. Сии новыя прикрасы спали извѣсны просонароднымъ стихотворцамъ нашимъ со времени введенія и распросраненія въ Россіи *книжной* словесности; когда и въ ихъ успахъ уже пвердился спали пѣсни Сумарокова, Попова, Нелединскаго, Дмипріева, и пр. съ коихъ они и начали перенимать не только размѣръ, но и слогъ и выраженія свои, какъ кшо умѣль. Такимъ образомъ соспавился сей *новый складъ* просонародныхъ пѣсень. Заслуживаетъ ли онъ предпочпеніе предъ *старымъ*, оставляю судить читателю. Мы разсуждали здѣсь только о *пѣсенныхъ* стихахъ. Въ слѣдующей главѣ говорено будетъ о *сказочныхъ* (эпическихъ) стихахъ русскихъ.

(Оконч. въ слѣд. нум.)

Ш. К Р И Т И К А .

Характеры или свойства разлнчнаго состояння людей нынбшняго времени. Сочиненне Г. Лабрюйера. Переводб сб послбдняго Французскаго изданнн. Вб двухб частяхб. Москва. Вб Типографн Селивановскаго. 1812.

Лабрюйеръ издалъ книгу свою подь названнемъ: *Les Caractères ou les moeurs de ce siècle* въ 1687 году. При самомь появленнн ея въ свѣсть она надѣлала весьма много шума, и вооружила прошивь сочинителя сильныхъ враговъ, копорые или въ самомь дѣлѣ были, или полько почитали себя описанными въ оной. Сему-по наиболѣе приписываютъ многне споль скорый и споль блнспательный успѣхъ ея. Но если эшо положило начало славы сочинителя, шо время и истинныя достоинства его швореннн утвердили сню славу и возвели до высочайшей степени. Книга сн произвела шму подражателей, была безпрешанно перепечатываема и переведена на всѣ Европейскне языки.

На русскомъ она явилась нынѣ еще въ первый разъ (*).

Твореніе Лабрюйера славно не столько глубокими, сколько остроумными мыслями. Въ немъ видѣнь уми болѣе проницательный, нежели обширный, сужденія справедливыя, замѣчанія тонкія, но не всегда важныя. Главнѣйшее достоинство его составляетъ слогъ неподражаемый, копорому всегда удивлялись и будуще удивляться. Лабрюйеръ заслуживаетъ наше вниманіе какъ Гений, но еще болѣе, какъ великій писатель.

Въ сочиненіи такого рода, гдѣ мысли и характеры представляются опидѣльно, безо всякой связи, надлежало болѣе всего опасаться единообразія въ слогѣ, ибо мысли, и описанія самыя справедливыя, самыя остроумныя, самыя глубокія, будучи выражены холодно и единообразно скоро упомляются наше вниманіе. Лабрюйеръ зналъ это, старался избѣгать сей погрѣшности, и блистательный успѣхъ увѣнчалъ его усилія. Но не одни новыя, разнообразныя обороты достойны въ Лабрюйерѣ замѣчанія. Выборъ смѣ-

(*) Кромѣ нѣкопрыхъ опривковъ, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ.

лыхъ, красивыхъ, живописныхъ выражений, удивительное искусство представлять мысли въ приличнѣйшемъ имъ видѣ, въ такомъ видѣ, который даетъ имъ большую силу и дѣйствіе, привлекающъ наше вниманіе и плѣняяющъ воображеніе. Можеть бытъ не найдемъ мы ни одного сочинителя, у котораго бы мысли были изображены съ такою живостию и съ такою силою, какъ у Лабрюйера (*).

И такъ рускому переводчику, приступая къ преложенію сего пворенія на нашъ языкъ, надлежало обратишь вниманіе свое на два предмѣта: *первое*, чпобъ изображашъ мысли сочинителя сколь возможно почтнѣе, и *второе*, чпобы изображашъ ихъ также остроумно, съ такою же силою, съ такимъ же краснорѣчіемъ, какъ онѣ написаны, и выбирашъ для каждой особливый, приличнѣйшій ей по свойству языка нашего оборотъ. — Теперь поємопримъ, вездѣ ли переводчикъ выразилъ мысли авшора, и вездѣ ли хорошъ слогъ его?

(*) Я не скажу здѣсь ничего о немногихъ недоспашкахъ и ошибкахъ въ словосочиненіи, которыми упрекають его: эпо не принадлежишь къ моей цѣли. Кшо хочешъ болѣе увѣришься въ справедливости словъ моихъ, пошъ пущъ прочешъ прекрасный разборъ Характеровъ, сдѣланный Сюаромъ.

Лабрюйеръ начинаешъ первую главу своей книги сею мыслию:

„Tout est dit, et l'on vient trop tard depuis plus de sept mille ans qu'il y a des hommes, et qui pensent. Sur ce qui concerne les moeurs, le plus beau et le meilleur est enlevé: l'on ne fait que glaner après les anciens et les habiles d'entre les modernes.“

Въ переводѣ она выражена такимъ образомъ:

„Все уже сказано, и мы слишкомъ поздно спали *выдумывать*, тогда, какъ больше семи тысячъ лѣтъ человѣческой родъ сущесвуешъ и *выдумываетъ*. Что же касается до нравовъ, то лучшіе уже *изгезли*; мы только *пресмыкаемся* за древними и искуснѣйшими изъ новыхъ писателей.“ (ч. I. стр. 9.)

Такъ начинаешся переводъ Лабрюйера (*): Совершенно не поняшь первой мысли автора, обезобразить ее, написать нѣсколько спрочекъ безъ смыслу, не знашь Французскаго слова: *glaner* (ко-

(*) Въ самомъ заглавіи переводчикъ сдѣлалъ немаловажную погрѣшность. Почему Французское слово *les moeurs* переведено *свойства*, а не *нравы*? Онъ долженъ согласиться, что послѣднее слово гораздо лучше выражаешъ по, что разумѣется подъ словомъ *les moeurs*, пѣмъ болѣе, что въ продолженіи перевода онъ самъ употребляетъ его.

порое совсѣмъ не значить *пресмыкаться*, а *подбирать колосья*), неспросишельно пому; кто берется за переводъ такой книги, какова *Характеры*.

Чрезъ нѣсколько спрокъ находимъ:

„Сапирическое или Испорическое сочиненіе, *отданное въ печать со всею отдѣлкою и условіемъ, тобѣ таково же было возвращено*, еспыли оно посредственно, пойдешь за рѣдкое; писненіе подобно подводному камню.“ (ч. I. спр. 10.)

Что это такое? Еспыли шупъ хопя нѣчто похожее на мысль Лабрюйера, который говоритъ:

„Если сочиненіе Сапирическое или содержащее въ себѣ, описаніе какихъ нибудь происшествій, ходишь въ рукописи, и съ условіемъ хранишь оное въ тайнѣ; по будучи и весьма посредственно, щитається за превосходное: печатаніе еспъ камень прешкновенія.“ (*) Лучше бы и нашему переводчику выпустишь свои *характеры или свойства людей нынѣшняго времени*, въ рукописи. Можешь бышь, они тогда почишались бы хорошимъ пе-

(*) Un ouvrage satirique ou qui contient des faits; qui est donné en feuilles sous le manteau aux conditions d'être rendu de même, s'il est mediocre, passe pour merveilleux: l'impression est l'écueil.

реводомъ , а теперь видно, что они отданы въ печать съ *весьма худою отдѣлкою*.

„Естьли опъ многихъ нравственныхъ сочиненій опнятъ предувѣдомленіе къ чинашелямъ, посланіе, предисловіе, изъясненія, одобренія, тогда останешся такъ мало любопытнаго, что книга не будетъ заслуживать своего названія.“ (тамъ же.)

Epitre dédicatoire значить не посланіе, но посвященіе; la table, не изъясненія, но оглавленіе, и выраженіе автора: il reste à peine assez de pages pour meriter le nom de livre не по, что тогда останется такъ мало любопытнаго, что книга не будетъ заслуживать своего названія, но тогда останешся споль мало, что сочиненіе едва будетъ заслуживать имя книги.

„Прежде превосходныя сочиненія бывали писаны однимъ сочинителемъ. Гомеръ написалъ Иліаду, Виргилій Энеиду, Тишь - Ливій свои Декады, а Римской Орапоръ свои рѣчи.“ (ч. I. спр. 11.)

Здѣсь переводчикъ, давши другой оборотъ мысли сочинителя, совершенно зашмилъ ее. Лабрюйеръ говоритъ: до сихъ поръ мы не видали еще ни одного

превосходнаго сочиненія, написаннаго многими (*).

„Въ друзьяхъ нашихъ мы должны видѣшь однѣ только добродѣтели, копорыя насъ привязываютъ къ нимъ, ни мало не думая объ ихъ щастіи или нещастіи; и когда мы чувствуемъ себя способными раздѣлять ихъ участь, то должны смѣло и съ довѣренностію поддерживать дружество свое до тѣхъ поръ, когда они сдѣлаются опять щастливы.“
(ч. I. стр. 69.)

Переводчикъ сказалъ здѣсь совсѣмъ не то, что сказано авторомъ. Вотъ его слова:

„Должно смотрѣть на добродѣтели друзей, а не на щастіе или нещастіе ихъ; если чувствуешь въ себѣ силу не оставлять ихъ въ злополучіи, то смѣло и съ довѣренностію обращай съ ними, когда споятъ они на вершинѣ благополучія.“ (**)

(*) L'on n'a guère vu jusqu'à présent un chef d'oeuvre d'esprit qui soit l'ouvrage de plusieurs: Homère a fait l'Iliade, Virgile l'Enéide, Tite-Live ses Décades, et l'Orateur romain ses Oraisons.

(**) Il ne faut regarder dans ses amis que la seule vertu qui nous attache à eux, sans aucun examen de leur bonne ou de leur mauvaise fortune; et quand on se sent capable de les suivre dans leur disgrâce, il faut les cultiver hardiment et avec confiance jusques dans leur plus grande prospérité.

„Простѣ всего, легге и непостижи-
 „мѣ узнашь челоуѣка по его поспупкамъ.
 „Дуракъ входипшь, уходишь, сядишься,
 „вспаешь, молчишь, споишь совсѣмъ
 „различно отъ умнаго. Плутъ также раз-
 „суждаетъ, кажется, думаетъ и чувст-
 „вуетъ равно, какъ тестной теловѣкъ.“
 (ч. I. сгр. 79.)

Прочитавъ сіе мѣсто, не подумаешь ли всякой, что Лабрюйеръ былъ глупецъ? Не заключается ли явное проповорѣніе въ словахъ: *простѣ всего, легге и — непостижимѣ*? Но таковымъ сдѣлашь автора угодно было переводчику, попому что въ подлинникѣ нѣтъ ничего и подобнаго сему (*). Сравненіе плуша съ чеспнымъ челоуѣкомъ переводчикъ прибавилъ опъ себя, по крайней мѣрѣ его нѣтъ во Французскомъ изданіи *характеровъ* 1802 года, которое, кажется, есть послѣднее.

„Должно судишь о женщинахъ съ го-
 „ловнаго убора до башмаковъ, пакъ какъ
 „взвѣшиваютъ рыбу опъ головы до хво-
 „спа.“ (ч. I. сгр. 89.)

(*) Сочинитель говоритъ:

Il n'y a rien de si délié, de si simple et de si imperceptible, où il n'entre des manières qui nous décèlent. Un sot n'entre, ni ne sort, ni ne s'assied, ni ne se lève, ni ne se tait, ni n'est sur ses jambes, comme un homme d'esprit.

Переводчикъ не справился ни съ Французскимъ словаремъ, ни съ здоровою Логикою. Первый показалъ бы ему, что *on mesure* значить не *взвѣшиваютъ*, но *мѣряютъ*; а въпоря, что *взвѣшивать* рыбу опъ головы до хвоста нельзя.

„Ученую женщину почипають какъ „хорошее оружіе, копорое искусно *вырѣ-* „зано, хорошо и чисто опрабопано; оно „служишь украшеніемъ кабинета, его „показываютъ любопытнымъ, имъ хва- „лянся, но никогда не употребляютъ „его ни на войнѣ, ни на охотѣ, какъ „золотыя шпоры, которыя хороши толь- „ко для виду.“ (*) (ч. I. стр. 108.)

Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія переводчикъ пославиль здѣсь вмѣсто *un cheval de manége quoique le mieux instruit du monde*, золотыя шпоры, копорыя хороши только для виду? Если безъ намѣренія, то это непроспипельно; если жъ съ намѣреніемъ, то его сравненіе несправедливо, ибо золотыя шпоры могутъ

(*) On regarde une femme savante comme on fait une belle arme: elle est ciselée artistement, d'une polissure admirable et d'un travail fort recherché; c'est une pièce de cabinet, que l'on montre aux curieux, qui n'est pas d'usage, qui ne sert ni à la guerre, ni à la chasse, non plus qu'un cheval de manége quoique le mieux instruit du monde.

бышь употребляемы и на войнѣ и на охотѣ.

„Иногда хорошій домъ, шапная ло-
 „шадь, прекрасная собака, полученныя въ
 „наслѣдство, дорогія обои или часы мо-
 „гутъ усладишь величайшую горестъ и
 „вознаградитъ важную потерю.“ (*) (ч. II.
 стр. 72.)

Въ подлинникѣ слова: *dont on hérite*
 (полученный въ наслѣдство) относящя
 къ одному только дому, а не къ собакамъ
 и не къ лошади. *Faire moins sentir* зна-
 чить не вознаграждать, но заславишь ме-
 нѣе чувствовашъ. Это совсѣмъ перемѣ-
 няешъ смыслъ.

„Приспращіе къ модѣ, когда мы
 „покоряемъ ей въ вещахъ, относящихся
 „до вкуса, къ жизни, къ здоровью и до
 „совѣси, ясно доказываешъ нашу глу-
 „пость и малодушіе. Грубая, но здоровая
 „пища вышла изъ употребленія, и мы
 „повинуемъ модѣ, вѣдимъ вредное, хощя
 „и распроиваемъ шѣмъ свой желудокъ,
 „а иногда и ускоряемъ смерть свою; не-

(*) Il ne faut quelquefois qu'une jolie maison dont on hérite, qu'un beau cheval, ou un joli chien dont on se trouve le maître, qu'une tapisserie, qu'une pendule, pour adoucir une grande douleur et pour faire moins sentir une grande perte.

„проспешельно вылѣчивающься опъ горяч-
 „ки кровопусканьемъ, и мы охотно со-
 „глашаемъ спрадашь ею, лишь бы слѣдо-
 „вашь предписаніямъ моды: также не-
 „прилично умирашь хриспіаниномъ. Теа-
 „шимовы увѣщанія вышли изъ моды; они
 „уже не успокоиваюшь расперзанной
 „души; мы спараемъ заглушишь вопли
 „совѣспи, умираемъ въ сладкихъ заблуж-
 „деніяхъ, не забошясь о будущемъ, для
 „шого шолько, что В..... и его послѣдо-
 „вашели ругались надъ вѣрою и законами,
 „что и безбожіе вошло въ моду.“ (*)
 (ч. II. спр. 226.)

Не спану замѣчають здѣсь ни ошибокъ
 прошивъ языка, ни шого, что перевод-
 чикъ безъ нужды распроспранилъ мысль
 авшора, которая выражена весьма крап-
 ко: скажу шолько, что онъ, вздумавши
 поправляють сочиншеля, сдѣлалъ непро-
 спешельную ошибку. Подъ буквою В.....
 онъ не можеть разумѣють здѣсь никого

(*) Une chose folle et qui découvre bien notre petitesse, c'est l'assujettissement aux modes quand on l'étend à ce qui concerne le goût, le vivre, la santé et la conscience. La viande noire est hors de mode, et, par cette raison, insipide; ce serait pécher contre la mode que de guérir de la fièvre par la saignée: de même on ne mouroit plus depuis long-temps par Théotime; ses tendres exhortations ne savoient plus que le peuple; et Théotime a vu son successeur.

другаго, кромѣ Вольшера, на котораго вѣрояшно переводчикъ былъ сердитъ и хотѣлъ поругать его, выдавъ свое мнѣніе за мнѣніе Лабрюйера. Но къ несчастію онъ позабылъ справиться съ Историческимъ Словаремъ. Тамъ увидѣлъ бы онъ, что Лабрюйеръ умеръ въ 1696 году, а Вольшеръ родился въ 1694. И пакъ могли Лабрюйеръ говорить что нибудь о Вольшерѣ, не имѣя дара предвѣденія, а сего-то послѣдняго переводчику никакъ не должно было допускать въ авторѣ, пошому что ешлы бы онъ зналъ прежде, что книга его будетъ нѣкогда переведена пакъ дурно, то можеть бышь скорѣе рѣшился бы сжечь ее, нежели позволишь такимъ образомъ обезобразишь.

„Я заранѣе сказываю и предупреждаю моихъ соотечественниковъ, что въ
 „впредь никшо не удивлялся, *то* ешлы
 „мнѣ случишься когда нибудь соспавишь
 „себѣ *огромное состояніе* и бышь въ ува-
 „женіи у знашныхъ: *то* во Франціи былъ
 „одинъ *Геофруа де-ла-Брюеръ*, котораго
 „всѣ древнія лѣтописи помѣщаютъ въ
 „числѣ знаменишыхъ людей, сопровождав-
 „шихъ *Годефруа Буліона* въ покореніи
 „обѣшванной земли; *то* я выведу его

„предкомъ своимъ.“ (ч. II. спр. 276.)

Какой слогъ! И эпо говоришь Ла-брюйеръ, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ Французскихъ писателей!... Но время уже прекрапишь мнѣ ушомипельныя выписки: чипашели могушь судишь о переводѣ (*); могушь видѣшь, что переводчикъ не только не предспавиль намъ мыслей авшора съ надлежащею поч-носнїю, но во многихъ мѣспахъ обезо-бразиль ихъ; не понималь подлинника; прибавляль собспвенныя свои мысли (**); посшупаль прошивъ здраваго смысла; не зналь многихъ Французскихъ словъ; не зналь хорошо рускаго языка, и након-ецъ не зналь даже Граммапики (***)).

Сверхъ того онъ перепоршилъ почти всѣ собспвенныя имена. Бугуръ у него *Бугурсѣ* (ч. I. спр. 27.), Рабюпень — *Рабу-тинѣ* (шамъ же), Малербъ — *Малгебрѣ* (спр. 31.), Теренцій — *Тарансѣ* (шамъ же), Рабеле — *Рабельясѣ* (спр. 33.), Депрео — *Дес-*

(*) Впрочемъ я увѣряю чипашелей, что не выбираль приведенныхъ мною примѣровъ, но браль ихъ на удачу, гдѣ ни попадалось. Убѣдишья въ эпомъ весьма не спрудно всякому, кшо только раскроешъ книгу.

(**) А многія мѣспа пропускаль: сравнише главу *о женщинахѣ*, въ копорой безъ всякой нужды выпущены цѣлыя спраницы.

(***) Онъ вездѣ пишешъ: *согнени*, *ненависти* (во множ.) *досадывать*, *поидравитъся* и проч.

прео (сшр. 57.), Д'Ешпре, d'Estrées, — *Етрей*
 (ч. II. сшр. 155.), Сегье — *Сегюръ* (шамъ же),
 Декаршь — *Декартъ* (сшр. 178.) Депоршь —
Деспортъ (сшр. 312.), Ле Менпръ — *Местръ*
 (сшр. 313.), Фуркруа — *Фуркрой* (шамъ же.)
 и проч. и проч.

К.

*Русская Лукреція, драма въ трехъ
дѣйствіяхъ. Россійское сочиненіе. Съ
Эпиграфомъ изъ Державина:*

Почувствовашь добра пріятство —
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не ощущалъ (*).

Москва, въ Типографіи Н. С. Всеволожска-
го. 1812.

Въ 1806^{мъ} году напечатана была книж-
ка: *И моя Лира*, въ которой помѣщена
весьма худая повѣсть: *Русская Лукре-
ція въ шестнадцатомъ столѣтіи*; изъ
этой повѣсти сдѣлалъ шеперь кпо-шо
драму. Вошь начало (**):

„Все развѣдалъ“ — говоришь Князю
Холмскому Иванъ, слуга его: — „Анюша
„дочь одного Изборскаго жишеля, кпо-
„рый живеть не далѣ десяти сажень
„ошсюда — шамь — подь спѣною.“

„Холмскій. Но кпо онь шаковъ?“

„Иванъ. Прозваніе ему Прокофьевъ.
„Чистая совѣсть, шрудолубіе, гостепрі-
„имство спранникамъ—вошь при вѣшь-

(*) Въмѣсто: не собиралъ.

(**) Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Изборскѣ, во вре-
мя Царя Іоанна Васильевича Грознаго, кпо который самъ
показывается въ концѣ піэсы.

„ви добродѣтели, украшающія дни его; —
 „уже давно смерть похишила у него су-
 „пругу; два сына пали подъ знаменами,
 „защищая ошечество. Въ ушѣшеніе его
 „дряхлой староспи, оспалась дочь един-
 „ственная — ангель красоты и добродѣ-
 „тели — ша, копорую вы здѣсь видѣли.“ (*)

„Холмскій. Такъ, я ее видѣлъ и сдѣ-
 „лался ея плѣнникомъ. (Ивану) Спупай
 „на судно и будь гошовымъ. (Уходитъ.)“
 „Иванъ. Слушаю.“

(Явл. III.)

Вошь и конецъ :

„Анюта. Вы, бапюшка, всегда говбри-
 „ли мнѣ: люби добрыхъ и храбрыхъ вои-
 „новъ, ибо они жертвуютъ за насъ жизнью.“

„Пермскій. Любезная Анюша! ты со-
 „глашаешься!“

„Прокофьевъ. (беретъ ихъ за руки и
 „подводитъ къ Іоанну.) Государь! благо-
 „слови ихъ, шакъ какъ ты впорой ихъ
 „ошець. (Пермской и Анюта падаютъ
 „предъ Іоанномъ на колѣни.)

„Іоаннъ. Вспаньше, дѣши, я васъ бла-
 „гословляю.“

(*) Все это украдено самымъ безспыднымъ образомъ
 изъ повѣспи.

„Пермской и Анюта (влиѣсть.) Ты
„моя! пы мой!“

„*Иоаннѣ*. Пермскій! однакожь я дол-
„жень наградишь шебя за ревность (*).
„(*Снимаетъ съ себя кавалерію и надѣ-
„ваетъ на Пермскаго.*) Носи ее и люби
„меня.“

„*Градоначальникѣ*. Все плѣнно въ мі-
„рѣ семь и величіе людей суешно. Еди-
„ная добродѣшель удерживаешь полешь
„свой, и до опдаленныхъ временъ доспи-
„гаешь. Теперь узнаешь Европа, что не
„полько Лукреціи были въ Римѣ, но онѣ
„существуюшь и въ Россіи.“

Руская Лукреція посвящена Графу
С. М. Каменскому при слѣдующихъ спи-
сахъ:

„Къ шопамъ Каменскаго, кой мощною
рукою
„Разишь прошивниковъ Опечестиву, покою,
„Кой върою гошовъ Монарху въкъ слу-
жипь,
„И храбростью своей ему защитой бышь,
„Сей слабый плодъ шрудовъ своихъ я
повергаю,
„Въ знакъ почишанія, кошорое пишаю

(*) Хотя вся ревность Пермскаго сосшоипць въ шомъ,
что онъ любипць Анюпу.

„Въ душѣ своей всегда. Сынъ Марса за-
служилъ,
„Чтобъ сердцемъ и душой себя свѣтъ
цѣлый чпилъ!
„Сіяшельнѣйшій Графъ! Примите при-
ношенье
„Незрѣлому уму въ награду — въ ушѣ-
шенье.

Прочитавъ такое посвященіе, уви-
дишь только незрѣлый умъ, а прочитавъ
всю книжку, увидишь, что онъ никогда
созрѣшь не можешь.

Н.

Избраніе на царство Михаила Теодоровита Романова. Сочиненіе Павла Львова, члена Императорской Россійской Академіи и Бесѣды Любителей рускаго слова. С. П. Б. ВЪ Типографіи О. Дрехслера, 1812.

Книжка сія, состоящая изъ 37 страницъ, естъ, пакъ сказаць *Историческо-Драматической*, или лучше *Быто—Лицедейный* опривокъ. Здѣсь и сочинилель повѣспивуесть и дѣйспвующія лица разговариваюшь: Царь Михаилъ Теодоровичъ, Совокупитель и устроитель отечества (спр. 36.), Матерь Царя, великая инокиня Марфа Иоанновна, первостатейный бояринъ Шереметевъ, и Теодоритъ, Архіепископъ Рязанскій, а бывшіе съ нимъ многіе Архимандриты и Игумены, вѣтислѣ коихъ притекъ и знаменитый Келарь Троицкія Лавры Палицынъ (спр. 12 и 13.) безъ рѣчей. Послушаемъ первыхъ.

„Шереметевъ вѣщаесть инокинь Мар-
„фѣ Иоанновнѣ, у коей
„слезы прервали голосъ:

„Мы даемъ шебѣ вѣ поруки Бога и
„жизнь нашу, что престолъ Царя Ми-

„хайла ушвердишся на головахъ нашихъ,
 „что грудь наша будешь его щитомъ.“ (*)
 (спр. 20.) Ни краснорѣчіе Шереметева,
 двукратно взывавшаго къ Машери Царя
 Михаила Теодоровича: *умилися Государыня!*
 (спр. 20.) ни заклинанія Теодориша,
*сѣ въздѣтыми къ небесамъ руками и сѣ
 пролитіемъ обильныхъ слезъ молившагося
 сердцеподвизателю Богу* (спр. 21.) не
 могли убѣдишь великую инокиню Марфу
 Іоанновну опустити сына своего на царство.
 Сначала она безмолвствовала на таковыя вѣщанія,
имѣя потупленные въ землю очи (спр. 22.),
 а послѣ рѣшишельно объявила, что не
*хочетъ видѣть его покрыта безславіемъ
 Шуйскаго и боится увидѣть его подъ
 игомъ проклятія Годунову издаваемого.*
 (**) (спр. 24.) Сбылись бы слова Марфы
 Іоанновны: „нѣтъ, не бышь сыну моему
 на пресполѣ,“ — (спр. 16.) естли бы на
 помощь къ Теодоришу и Шереметеву
 не пришли „спарцы, душевною скорбію

(*) Желашельно, что бы искусной живописецъ воспользовался сею мыслію. Какая прекрасная картина! На головахъ народа, стоишь пресполѣ, на пресполѣ сидишь царь, а подъ пресполомъ щипишь, который сидящаго царя защишишь не можешь!

(**) Теперь уже надобно говорить, что вору *воздаютъ проклятіе*, а добраго чловѣка *предаютъ гести*.

„паче, нежели бременемъ лѣшъ опягчен-
 „ные, и жены съ грудными младенцами,
 „влекомы будучи неизрѣченною гореспію,“
 и ешъли бы не „пробились они сквозь
 „пѣснопу народа до царя и мапери его.
 „Жены опъявъ опъ персей своихъ мла-
 „денцевъ, положили ихъ къ ногамъ вели-
 „кой инокини и сына ея; а спарцы и
 „весь народъ поверглись предъ ними на
 „колѣни и съ рыданіемъ взывали: да бу-
 „дешъ Михайль опщемъ дѣшямъ ихъ; да
 „будешъ покровъ спарцевъ; да пріимешъ
 „вѣнецъ царскій; да благоволишь его
 „маперь взыши на пресполь!“

„*Теодоритъ*, дабы воспользовашься по-
 „лико шрогашельнымъ про-
 „исшешвиемъ, входилъ въ
 „святителище храма и взявъ
 „шамъ крестъ Искупителя
 „человѣкъ, Евангеліе, образъ
 „Приснодѣвы и мощи угод-
 „никовъ, грядешъ опшуда
 „съ архимандришы и пре-
 „свиперы прямо къ Ми-
 „хаилу. Ополченный силою
 „Вышняго онъ воскликнулъ
 „дрожащимъ опъ душев-
 „ныя скорби голосомъ:

„Государь! самъ Богъ, въ лицѣ свя-
 „пыни своей, повелѣваетъ тебѣ пріять

„вѣнецъ“ и проч. и проч. (спр. 25 и 26.)

Михаилъ, обращаясь къ народу.

„Когда ешь на шо воля Божія, шо
„буди шако.“ (спр. 28.)

„Михаилъ Теодоровичъ немедленно
„опбьль изъ Коспромы въ Москву, вмѣс-
„шѣ съ родипельницею своею..... Не-
„шерпѣливо ожидающая Царя Москва,
„алчущая насладиться его лицезрѣніемъ,
„бѣжала съ разпроспершыми объашіями
„къ нему во срѣшеніе, увидѣвъ же его,
„въ радости не нашла словъ и на рукахъ
„своихъ внесла его въ нѣдра Кремлев-
„скихъ стѣнъ.“ (спр. 30) Положимъ,
что Москва бѣжала и подняла Царя на
свои руки, но какъ могла она внести
его въ Кремль, который находишься по-
среди ея?...

И.

*Введеніе въ науку стихотворства, или
разсужденіе о началѣ поэзіи вооб-
ще, и краткое повѣствованіе Вос-
точного, Еврейскаго, Греческаго,
Римскаго, древняго и средняго Рос-
сійскаго стихотворства. С. П. Б.
въ Медицинской Типографіи. 1811.*

Можешь бышь многіе чашапели, на-
шедши въ заглавіи уже грамматическую
ошибку (повѣствованіе *того* вмѣсто : *о
гелѣ*), возымѣюшь по эпому одному не-
выгодное понятіе обо всей книгѣ, и бро-
сяшь ее не читавши. Но я не привязы-
ваясь къ такой малости, имѣлъ шерпѣ-
ніе прочесть ее всю, и нашель — между
худымъ и хорошее: между множествомъ
неправильныхъ, несвязныхъ, шемныхъ
мыслей и выраженій нѣкопорыя вѣрныя
мысли, нѣкопорыя удачныя выраженія,
и даже цѣлыя мѣста изрядно написан-
ныя, копорыя подаюшь надежду, что
авшоръ можешь со временемъ произве-
сти что нибудь хорошее. Это и побу-
дило меня разобрать книгу сію подроб-
нѣе: она достойна кришки.

Введеніе въ науку стихотворства раз-

дѣляется на пять спашей или опдѣлений, которыя разсмотрю я по порядку.

1. *О произхожденіи и успѣхахъ стихотворства вообще.* Начинается опредѣленіемъ: что есть спихотворство? ~~что~~ опличаешся оно опъ прозы и другихъ искусствъ? „Вошь — присовокупляешъ „авпоръ—два вопроса, о которыхъ спорили и не рѣшили еще доселѣ.“ Не уже ли онъ не доволенъ опредѣленіемъ Жокура, Лагарпа и всѣхъ новѣйшихъ эспешиковъ, которые давно уже согласились въ помъ, что спихотворство есть *подражаніе изящному въ природѣ, выражаемое рѣчью (размѣрною), — а проза, или вишійспво, изображеніе природы, какова она есть, (вольною, безразмѣрною) рѣчью (*)?* Или не чипаль онъ никакой новѣй-

(*) L'imitation de la belle nature, exprimée par le discours mesuré; la Prose ou l'Eloquence est la nature elle-même exprimée par le discours libre. (Dict. de grammaire et de Litterature, Article: *Poésie* par Jaucourt.) Прилагательныя: *размѣрною* (mesuré) и *вольною, безразмѣрною* (libre) включилъ я въ скобки попому, что *стихосложение* есть токмо условная принадлежность поэзіи, а не главная и непремѣнная. — Впрочемъ дефиниція сія опредѣляетъ сущность одной только *эпической и драматической* поэзіи, которая одна и заслуживаетъ названя бышь въ собственномъ смыслѣ *поэтею* (т. е. творчествомъ). *Лирическая* же поэзія принадлежитъ къ вишійспву, ибо выражаетъ только чувство рѣснопѣвца, возбуждаемое въ немъ предметами. Она есть вишійспво, которое для сильнѣйшаго, пріятнѣйшаго выраженія, сочешается съ музыкою, и размѣраетъ по ней свою рѣчь.

шей учебной книги о томъ предметѣ, о которомъ взялся разсуждать. Невѣроятно! а почти такъ думать должно, ибо онъ въ сочиненіи своемъ ссылается только на одного — Тредіаковскаго! . . .

„Нѣкоторыя — продолжаетъ онъ — „ушверждали, что сущность стихотворства состоишь въ *вымыслахъ* . . . другіе „*подражаніе природѣ*“ почитали оплечивельнымъ свойствомъ стихотворства.“

Определение первыхъ почитается авторъ недостаточнымъ, пошому что „стихотворцы описываютъ не всегда вымышленные, но иногда и такіе предметы, кои имѣють дѣйствительное бытіе; „они часто изображаютъ собственные свои чувствованія.“

Определение послѣднихъ „очень неопределеннымъ, пошому „что подражаніе природѣ можетъ не одно только стихотворство, но и другія искусства (какъ то: музыка, живопись), „даже въ прозѣ можно изображать нравы „и свойства людей, и при томъ весьма „естественно.“

Въ этомъ и я согласенъ: но кто же говоритъ, что стихотворство есть — просто *подражаніе* природѣ? . . . Оно подражаетъ только изящному, — или, употребимъ

иную равнозначущую дефиницію: оно вымышляетъ и описываетъ только то, что можешь плѣнить воображеніе и пронуть сердце (*), для описанія чего имѣешь оно особенный, плѣнительный образъ выраженія, ш. е. *стихи* (**). Но авторъ разсматриваемой здѣсь книги на мѣсто обѣихъ приведенныхъ имъ выше, и справедливо опровергаемыхъ дефиницій, высказываетъ свою собственную. Ему кажется, что „можно справедливѣе опредѣлить стихотворство: *языкомъ страстей, языкомъ сильно растроганной души, или воспламенѣннаго воображенія.*“ — Слѣдовательно, языкомъ энтузіазма, (воспора)? Но воспоргъ свойственъ не только Поэту; онъ свойственъ и Орактору. Краснорѣчіе вообще и орасль ея лирическую поэзію можно назвать *языкомъ страстей* и пр. а поэзіи эпической надобно другое, точнѣйшее опредѣленіе. Но послушаемъ далѣе: „въ обширнѣйшемъ же значеніи — продолжаетъ авторъ — стихот-

(*) *Основанія Рос. Словесности*, А. С. Никольскаго. Частіи II. § 94. — Сіе опредѣленіе имѣешь по доспойнство, что оно объемлетъ и эпическую и лирическую поэзію.

(**) Тамъ же. — Непроспешельно нашему автору, ежели онъ не чиналь и сей проспой, крашкой, но превосходной учебной книги.

„творство можно назвать *искусством*
 „внутреннихъ чувствованій, кои почти
 „всегда выражающа *мѣрно и по прави-*
 „*ламъ*, но весьма часто и *безъ правилъ*,
 „и въ семь-то смыслѣ можно назвать
 „его *творствомъ*.“ Въсподлинно де-
 финиція ясная и опредѣлительная!! по
 крайней мѣрѣ я ничего не понялъ подъ
 словами: искусство внутреннихъ чув-
 ствованій; и что бы такое значило:
выражаться по правиламъ и безъ пра-
вилъ? Изъ послѣдующихъ объясненій ока-
 зывается, что *по правиламъ* значить у
 него *стихами*, а *безъ правилъ* — *прозою*.
 Стихосложение конечно не составляетъ
 существенной принадлежности поэзіи
 или *творства* (ежели шакъ угодно наз-
 вать); но въ чемъ собственно состоитъ
 сущность поэзіи, того авторъ не умѣлъ
 еще объяснить намъ въ своемъ опредѣ-
 леніи. Наконецъ однако кажется, что
 онъ попадаетъ на полкъ: „Повѣствован-
 „шель, Вишія, Мудролюбъ — всѣ обраща-
 „юща къ разсудку. Главная цѣль ихъ
 „*увѣрить или научить*. Но стихотворецъ
 „желаетъ понравиться, плѣнить, рас-
 „прогать, следовательно онъ говоритъ
 „воображенію и страстямъ, онъ тво-

„ритѣ.“ И шупь еще сколько пребуется объясненій и поправокъ! ибо: говориль воображенію и спрастямъ должны шакже и вилія и повѣспвовапель; нравилься, плѣняиль должны и они, когда хопяиль увѣрииль или научиль. Цѣль у нихъ общаа съ поэмомъ, а разниль шолько средства. Вилія достигаетъ цѣли сей, живописуя явленія, кои дѣйствительнйо случались; онъ нравилься искуснымъ представленіемъ истины. А поэмъ, для увѣренія же или наученія, вымышляетъ, твориль, ш. е. собираетъ нѣсколькo каршинъ плѣнительныхъ или поразительныхъ, порознь существующихъ въ природѣ, и соспавляетъ изъ нихъ одну какую нибудъ плѣнительнѣйшую или поразительнѣйшую (*); онъ нравилься искуснымъ вымысломъ, ш. е. подборомъ шаковыхъ каршинъ. —

Послѣ своихъ не очень удовлетворительныхъ объясненій о сущности спихотворства, приступаетъ авипоръ къ повѣспвованію о происхожденію спихотворства вообще. Хошя и эшо не бойко писано; однако оно можетъ почшено бышь

(*) Основанія Рос. Словесности. Часть II. § 94.

едва ли не лучшимъ мѣспомъ во всей книгѣ По крайней мѣрѣ путь нѣтъ ложныхъ или темныхъ мыслей; повторяется то, что сказано другими, и выводятся вообще соображенія довольно справедливыя. Замѣшимъ мимоходомъ нѣкопоря нецсправности въ слогѣ и въ выраженіяхъ.

На 12 стран. Сочинитель употребляетъ вмѣсто *фигуры: словоизвитія*. На сей разъ мы можемъ это просиить ему, надѣясь, что онъ впередъ не будетъ въ шакомъ значеніи употреблять сіе слово, написанное имъ конечно прежде, нежели онъ прочелъ въ *Вѣстникѣ Европы* кришику на *разговоры о словесности*.

Встрѣчаются у него и другіе подобныя, у нѣкоторыхъ писателей въ моду вошедшіе, переводы общепринятыхъ уже иностранныхъ словъ, на пр: *Философовъ* переводитъ онъ вездѣ *Мудролюбали*, *Липшерапоровъ* *Словесниками*: *Исторія* у него *дѣяпись!*...

„Да и лъзя ли думатьъ, чшобы сердце, „сей испочникъ всѣхъ наслажденій, въ „коемъ живущъ всѣ радости и печали, „могло не *изнуряться* послѣдними, и не „восхищашся при ощущеніи первыхъ.“

(спр. 13.) *Изнуряться* значить: *испо- щаться*, и не можеть упопрелено быть въ противоположность глаголу *восхи- щаться*. Тутъ надобно другое выраже- ніе.

„Сии — по гимны и пѣсни даровали „смертному по, чего никакія власпи „земныя даровашь были не въ соспояніи, „они даровали ему *Бога*, *упованіе* и *на- „дежду*.“ (спр. 14.) Эпо пребуешь объяс- ненія. Гласъ пѣснопѣвцовъ могъ только ошкрыть, пробудить въ сердцахъ слуша- шелей дремлюція еще чувствованія вѣры, надежды и проч. но не могъ никому даро- вашь сихъ драгоценныхъ чувствованій, влагаемыхъ каждому въ сердце самою природою. Впрочемъ здѣсь должно *упова- ніе* или *надежду* выкинуть, чпобы не было шавшологіи.

„Свирѣвый шигрь и змій усемиряющ- ся при сладкопѣніи дикаго Американца. „Гордый конь своею посшупью соопвѣп- „спвуешь гремящей музыкѣ.“ (спр. 14.) Последнее правда; но первое, не знаю какъ понимаешь: ежели авпоръ выдаешь эпо за правду, то онъ смѣшся надъ чи- шапелемъ; если же хочѣль здѣсь только помѣшпшь рпшорическій шропъ, то

онъ помѣстилъ вмѣсто того нелѣпицу, перенесши баснословнаго Орфея въ Америку.

„Спихошворство раздѣлившись съ „музыкою, весьма много поперяло.“ (спр. 27.) Надобно бы: опдѣлившись опъ музыки. —

Второе опдѣленіе, подъ заглавіемъ: *краткое повѣствованіе древняго восточнаго, Еврейскаго стихотворства, съ приведеніемъ лучшихъ прилѣговъ*, содержишь въ себѣ астетическій разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книгъ Моисеевыхъ, изъ Псалмовъ, Пророковъ и проч. гдѣ авторъ, увлеченный красою священнаго писанія, водить насъ съ собою по сему божественному верхограду, указывая намъ по на шу, по на другую высокую мысль, и заславляя насъ восхищаться оными. Мы рады дѣлать воспоргъ его, и охотно припомъ забываемъ, что въ учебной книгѣ, какова напр. *Введеніе въ науку стихотворства*, требовалось бы поболѣ хладнокровнаго, спокойнаго сужденія; охотно прощаемъ ему недоспашокъ основательной учености, какая бы нужна была при разборѣ Еврейской поэзіи. Но шѣже самые недоспашки менѣе проспи-

пельны ему при слѣдующемъ прешьемъ
опдѣленіи, которое имѣеть заглавіемъ:
*краткое повѣствованіе о Грегескихъ и
Римскихъ пѣснопѣвцахъ*. Здѣсь говоря о
Гомерѣ, Виргиліи и проч. повторяеть
онъ, кажеться, только чипанныя или
слышанныя имъ общія о нихъ рассу-
жденія, воздерживаясь благоразумно отъ вся-
каго разсмаприванія ихъ сочиненій, не
приводя никакихъ примѣровъ, кромѣ
только изъ Виргиліевой Энеиды начала
четвертой пѣсни собственнаго своего
перевода стихами: какъ будто бы изъ
сихъ сорока стиховъ, и то не въ под-
линникѣ, а въ дурномъ переводѣ—можно
было узнать духъ Виргиліевой поэзіи!...
Но я не буду упомлять вниманіе чипа-
телей разсмаприваніемъ всего этого, а
перейду къ любопытнѣйшимъ для насъ
опдѣленіямъ, къ четвертому и пятому,
гдѣ повѣщвается о Россійской словес-
ности. Напередъ однако замѣчу еще
нѣкоторыя неисправности въ слогѣ и
другія несообразности.

„Можесть бысть ни одинъ народъ не
„принесъ столько даней, (даней — *тего* и
кому?) ни одна спрана не награждена
„столь многими превосходными и без-

„смертными памятниками какъ благо-
 „словенная Греція.“ (спр. 64.) Памятниками
 ками *тего*?

„Всеобщее изступленіе народа.“ (спр.
 64.) Чшо это значить? Сочинишь разумъ
 конечно подъ симъ enthousiasme или
 exaltation; но изступленіе: extase!

„Въ семь мрачномъ періодъ доспо-
 „примѣчательны пѣвцы или Барды древ-
 „нихъ, сѣверныхъ народовъ, Германцевъ,
 „Бришанцевъ, Галловъ, Ирландцевъ, Даш-
 „чанъ, Аравиянъ и Шотландцевъ.“ (спр.
 75.) Какъ Аравияне попали между Даш-
 чанъ и Шотландцевъ?...

В.

(Оконч. въ слѣд. нум.)

О П Е Ч А Т К И:

Напечатано: Чипай:

Слран. 132, Спр. 6:	виѣ себѣ	виѣ себя
— 162, — 5:	ограды	ошрады
— 165, — 16:	бредѣ	бредѣ.
— 186, — 7:	подѣ Но II	подѣ Но II
— 198, — 4:	о шреѣ, ударе- ніяхъ особливо,	о шреѣ ударе- ніяхъ, особливо

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ В Ъ С Т Н И К Ъ.

І Ю Н Ъ 1812. № 6.

І. С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

О Римскомъ Краснорѣчїи.

Любовь къ отечеству царствуетъ наиболѣе въ такомъ правленїи, гдѣ не только частная польза не отдѣляется отъ общаго блага, но соединенїе сихъ двухъ важныхъ предметовъ есть вмѣстѣ произведенїе и подпора мудраго и поспояннаго равенства. Нѣтъ ничего высокаго, чего бы не могло внушить сіе сильное и благородное чувство, когда Орашоръ, будучи господиномъ своихъ мыслей и спрасней, будучи равенъ всѣмъ прочимъ гражданамъ и покоенъ подъ пѣнію правительства, не чувствуетъ надъ собою никакой власти, кромѣ собственннй ревности ко благу отечества.

Таковы были права, коими наслаждались Римские граждане въ продолженіи извѣснаго времени. Будучи вмѣстѣ подданные и верховные правители, они повиновались начальникамъ и судили ихъ; или лучше, они были природные судьи правителей и повиновались только законамъ. Конечно и у нихъ были мѣста почешныя, съ копорыми давались преимущесва и власпъ; но мѣста сіи ни для кого не были неприступны, и всякъ, кто вспупалъ на оныя, возводимъ былъ, такъ сказать, рукою всѣхъ своихъ согражданъ. Хотя Сенаторъ отличался отъ всадника, воинъ отъ ремесленника, Патрицій отъ Плебея; но всѣ сіи званія сливались въ одно, первое и священнѣйшее шшло гражданина; и вельможи и народъ равно были увѣрены, что общественное благо зависѣло единственнo отъ равновѣсія силъ ихъ.

Все возбуждало и укрѣпляло сіи великія правила въ душѣ Оратора. Воспитаніе имѣло шу только цѣль, чтобы дать Государству истинныхъ гражданъ. Съ сею цѣлію воспитывался воинъ, Полицикъ, Философъ и Ораторъ. Безъ любви къ отечеству таланты и достоинсва

не значили ничего и шило великаго давалось только тому, кто оплчался великими дѣлами или перплъ великія нещасія для опечесства. Имя опечесства, которое было пріятнѣе, священнѣе и произносилось чаще имени опца, сына и супруга, владычешствовало въ сраженіяхъ, дѣлахъ и играхъ; оно плѣняло народъ въ собраніяхъ публичныхъ; соспавляло ушѣшеніе и щаспіе семействъ; было первымъ словомъ начинающаго лепешать младенца и послѣднимъ умирающаго старца.

Къ силѣ, какую поселяла въ душѣ Римскаго Орашора любовь къ опечесству, присоединялась еще другая, раждаемая любовью къ славѣ. Римъ предоспавлялъ своимъ Орашорамъ все, что только можешь льспитѣ самому неограниченному чесполобію. Уваженіе, любовь и признательность народа, облеченнаго верховною властію, народа независимаго и просвѣщеннаго; всеобщая довѣренность; неограниченная власть въ свободномъ городѣ; самыя высокія достоинства; самыя священные памяшники; наконецъ даже бразды правленія, ввѣряемыя рукамъ Орашора, - вотъ что было всегда почти наградою

краснорѣчія. Неоднократно случалось, что простой гражданинъ переходилъ съ кафедры на первую степень достоинства въ свѣтѣ; а Цицеронъ къ украшавшему его высокому шишло главы Республики присоединилъ другое блистательнѣйшее и славнѣйшее шишло опца опечесшва.

Взглянемъ на предметы, о коихъ говорилъ Римской Орапоръ; можно ли найши что важнѣе и выше ихъ? Сдѣлавшись верховнымъ исполковашелемъ воли опечесшва и цѣнишелемъ истинныхъ выгодъ его, онъ долженъ былъ изьяснять его жалобы; нужды и желанія; онъ разбиралъ дѣла Государспвенныя; права его прощирались на всѣ часпи правленія; священное хранилище законовъ, пракпашы, союзы, война, миръ, все было въ его власти; словомъ — онъ держалъ въ рукахъ вѣсы, на коихъ взвѣшивалась судьба Всемирной Имперіи.

Наконецъ, каковъ былъ теапръ Римскаго Орапора и предъ какими людьми говорилъ онъ свои рѣчи? Предъ Сенатомъ, копорый Цинею показался собраніемъ Государей; предъ народомъ, копорый владычешшвовалъ надъ большею часпью все-

ленной и коего одно присушствіе превращало въ героевъ низкихъ гладіашоровъ.

Замѣтимъ здѣсь, что Орапоръ только въ собраніи великаго народа можешь раскрыть всѣ свои силы и изъяснишь тѣ чувствованія, копорыя хочешь внушишь и копорыми самъ исполненъ. Краснорѣчію приличны однѣ сильныя и общія спрасши; а сіи спрасши находимъ мы только въ такомъ народѣ, копорый, избавясь узъ и предразсудковъ искусственнаго воспитанія, чѣмъ проспѣе и неоспояннѣе, тѣмъ болѣе бываетъ покоренъ и удобопреклоненъ.

Искусство убѣдишь какого нибудь Государя, или Министра, пребуешь почти только хитросщи и шонкосщи; здѣсь надобно спарашся убѣдишь болѣе умъ, нежели пронуть сердце: но для убѣжденія народа, нужно краснорѣчіе природы и спрасшей.

Когда Цицеронъ говоритъ въ защиту невиннаго, когда гремишь прошивъ злодѣевъ въ присушствіи всего Сенаша и окруженный всѣмъ народомъ; тогда слово его важно, смѣло, сильно и побѣда несомнѣнна: но еспшли защищаешь онъ

особенно Дейопара, еспѣли обращается къ одному Цесарю; по перьяешь смѣлость и силы; погда онъ дрожишь, забываешь, возбуждаешь жалоспѣ. Какое различіе въ слогѣ, духѣ и правилахъ между словами Цицерона за Лигарія и Маркелла, и шѣми, копорыя произносишь онъ прошивъ Верреса, Капилины и Марка Антонія! Тамъ все спараніе его обращено полько къ тому, чшобы польстишь пришѣснишелю Республики; а здѣсь, подкрѣпляемый несомнѣнною надеждою на похвалы и рукоплесканія народа, онъ дышешъ полько любовію къ свободѣ.

Вошь чшо соспавляло пищу и подпору краснорѣчія у Римлянъ, поѣа сущеспвовала Республика. Но когда верховная власпѣ перешла въ руки одного, шѣгда краснорѣчіе погигло вмѣспѣ съ свободою.

Съ фр. фр.

Разговоръ живаго съ мерт-
выми. (*)

Ὠμὸν βεβρώδοις πριάμου πριάμοιο τε
παῖδας. II. 4. V. 35.

Crudum manduces Priamum Priamique pisin-
nos. Acc: Labeo.

Цѣлый вчерашній день такъ передъ дождемъ было душно, что я не могъ ни гдѣ найти мѣста. Опобѣдавъ хотѣлъ было заснуть, но глаза мои не смыкались; хотѣлъ было чихать, и въ голову ничего не лѣзло! Оставалось одно средство: сѣсть къ письменному столу, обложивъ себя вокругъ книгами, коихъ наркомическое дѣйствіе мнѣ давно извѣстно: облокотиться на нихъ, упереть голову на кулаки и ... думать.

Когда я былъ въ такомъ положеніи, то нѣкоторыя переводы подъ локтями случившіеся, возбудили въ понятіи моемъ мысли о словѣ *переводить*. Я началъ о немъ разсуждать, и вошь какимъ образомъ бормоталъ про себя:

„Глаголь: *перевожу* имѣеть на нашемъ языкѣ весьма обширное значеніе. — Не

(*) Прислано отъ неизвѣстнаго.

входя въ подробное изслѣдованіе разныхъ его знаменованій, я желаю опъ искренняго сердца, чшобы Академія наша попочнѣ опредѣлила смыслъ его опноспительно къ дѣйствію *преложенія* или *перевода* книги съ языка на другой. Я нахожу, чшо переводишь (особливо съ недавнихъ поръ) не только чшо употребляешься неправильно, но часпо въ поспорномъ, а иногда и совсѣмъ въ прошивномъ смыслѣ. Напримѣръ я скажу: Коспровъ и Гнѣдичъ перевели нѣсколько пѣсней *Иліады*. Это значить, чшо Коспровъ и Гнѣдичъ заставили Омира говорить по Руски: Но если говоря объ *Акціѣ* Лабіонѣ, я скажу, чшо и онъ *перевелъ* Омира, тогда я буду объясняпсья неправильно; поелику мнѣ слѣдовало бы сказать: *Акціѣ* *извелъ* *Омира*; ибо такимъ образомъ *переводить*, заключаешь пошъ же самый смыслъ, въ копоромъ говоришься... *перевести* клоповъ, мышей, крысъ и проч. ш. е. испребишь ихъ. Симъ довольно яснымъ примѣромъ, я надѣюсь всякой здравомыслящій человекъ убѣдился въ основательности моего заключенія и вмѣспѣ со мною пожелаешь, какъ можно скорѣе, видѣшь шочное опредѣленіе глагола *пере-*

водитъ; и между нѣмъ для пресѣченія зла (что бѣ и въ самомъ дѣлѣ не поступали съ Виргиліемъ, Гораціемъ, Тацитомъ и бѣднымъ Тассомъ, какъ съ клопами), дабы цензура опредѣлила всѣмъ переводамъ во вкусъ Акціева, непремѣнный и непреложный Эпиграфъ: „*Отче! отпусти илиб* и проч.“

Окончивъ монологъ мой, я почувствовалъ себя въ помѣ состояніи, копорому нѣтъ названія ни на какомъ языкѣ, и копорого опредѣлишь иначе нельзя какъ отрицательно: это то, что называется, ни во снѣ, ни на яву. Мнѣ казалось въ самомъ дѣлѣ шакъ было — что я раскрылъ XI книгу Тацитовыхъ лѣтописей; но вмѣсто того что бы читать ихъ, мнѣ почудилось, что сама книга заговорила въ слухъ, и хотя по Руски, но шакимъ страннымъ языкомъ, что я не могъ понять ни слова. Слушаю я пять и десять минушь, шевелю пальцами въ ухахъ, шарящу глаза, шру себѣ лобъ — ничто не дѣйствуешь! Наконецъ меня взяло опѣяніе. Какъ это можетъ спаться, вскричалъ я, что бы Тацитъ, умный человекъ, забывъ природный свой языкъ и не учившись по Руски, вздумалъ гово-

ришь ни по каковски!... Едва вымолвилъ я слова сіи, какъ пѣнь почтеннаго Испорика-Философа явилась передо мною. Не могу объяснить шого, что происходило со мной въ эту минушу, а помню только, что я не въ силахъ былъ привспашь со спула; казалось гора лежала на плечахъ моихъ. Я мучился, хопѣлъ по крайней мѣрѣ выговорить приспойное привѣспшвіе и вмѣсто шого сорвалось съ языка моего неприспойное восклицаніе: *Quantum mutatus ab illo!* Не смотря на эшо, зяпъ Агриколы былъ снисходительнѣ Гектора; ибо не ждалъ, что бы я первый подобно Энею, прервалъ молчаніе, самъ началъ со мною слѣдующій весьма примѣчательный разговоръ:

Тацитъ. Скажи мнѣ, за что ты на меня нападаешь, и что шакое невразумительное находишь въ повѣствованіяхъ моихъ на Рускомъ языкѣ?

Я. Не я, Тацитъ, на тебя нападаю, а шопъ кто уговорилъ тебя объясняться на шакомъ языкѣ, кошорый не похожъ ни на Лапинской, ни на Руской, а Богъ знаетъ какой! Виноватъ ли я, что тебя не понимаю? — *Davus sum, non Oedipus.* Уваженіе мое къ тебѣ столь велико, что

зано. Какъ бышь! я тогда только начиналъ лепешать по Руски и плохо зналъ языкъ (*). Присшупимъ къ чему нибудь другому.

Я. Все равно, Тацитъ; все похоже на *тяжелую мать* (Gravis mater....) Кого хочешь Рускаго спроси, всякой тебѣ скажешь, что нѣтъ ни смысла, ни связи въ своихъ Рускихъ рѣчахъ; совсѣмъ не своей мысли, а какъ будто стихи Кумейской Сивиллы, въпрямь по пещерѣ разсѣянные, и такъ перемѣшанные, что полку въ нихъ не доберешься. Хоть кого такъ досада возьметъ!..

Inconsulti abeunt sedemque odere Sibyllae!

Тацитъ. Оставимъ теперь въ покоѣ Виргилія и Сивиллу; продолжай по что началъ. Я вижу шупъ передъ собою XI книгу моихъ лѣтописей.

Я. На удачу раскрылъ ее. Взгляни самъ: говоря о Азіатикѣ, ты называешь его *особенною* виною Цесарева убійства. Такъ ли ты сказалъ по Лапинѣ? Praecipuus Auctor не *особенная* вина, а главный виновникъ. Потомъ продолжаешь ты: „Криспинъ нашель его въ Вѣнѣ... (**).“

(*) Это въ началѣ перевода.

(**) A quo receptus est apud Baias.

Тацитъ. Бышь не можешь!

Я. Какъ бышь не можешь? посмотри: въ Вѣнѣ! Я и самъ было думалъ, что это опечашка, и что въ погрѣшностяхъ найду: вмѣсто въ Вѣнѣ, читай: въ Байяхъ; но ни шунь-то было!

Тацитъ. Помомъ! по порядку!

Я. Воля швоя, Тацитъ! а нельзя по порядку! ни моего, ни швоего терпѣнія не спанешь. О двухъ спраницахъ придетъ два дни толковать. Посмотри самъ, вспомни что ты писалъ и сличи съ шѣмъ, что ты говоришь. Азіатику осужденному на смерть, Клавдій изъясляетъ особливую Монаршую милость въ позволеніи избрать родъ смерти. Услужливыя придворныя совѣшуютъ ему умерить себя голодомъ, какъ легчайшее средство отправишься на пощъ свѣшь: но Азіатикъ благодаритъ ихъ за доброжелательство, и на сей случай предпочитая скорѣйшій способъ медленному, открываетъ себѣ жилы. А предъ шѣмъ: „онъ „принялся за обыкновенныя свои упражненія, предавшись роскошному прованію и разглагольствуя“...!!! Это слова швоя по Руски, а вопъ швоя же слова по Лашинѣ: — „et usurpatis, quibus insve-

verat, lauto corpore, hilare epulatus, quum se &c. dixisset . . . venas exsolvit.“ — Гдѣ же шупь *роскошное пированіе*? гдѣ *разглагольство*? Я изъ Латинскихъ швоихъ словъ вижу: чшо онъ въ самый день смерши упражнялся въ обычныхъ своихъ шѣлдвиженіяхъ, ш. е. въ верховой ѳздѣ, или въ бѣганіи, или въ игрѣ мячемъ, или въ плаваніи въ Тибрѣ, и чшо попомъ, омывъ шѣло въ банѣ и весело, hilare, а не *роскошно*, поужинавъ, сказалъ весьма корошко свое мнѣніе о Клавдіѣ, (а не разглагольспвоавъ) и ошкрылъ себѣ жилы.

Тацитъ. Ты правъ; я хошѣлъ описашъ смершъ Валерія, dospойною Споика, а не Эпикурейца.

Я. Такъ зачѣмъ же шы изъ него сдѣлалъ палача?

Тацитъ. Какъ палача?

Я. Точно такъ. Послушай самъ, чшо шы говоришь: „однако онъ осмошрѣлъ прежде *шафотъ*.“ — Чшо же эшо значить?

Тацитъ. Я по Латинѣ сказалъ: „Viso tamen rogo, jussoque transferri partem in aliam, ne opacitas arborum vapore ignis minueretur.“

Я. О! эшо дѣло другое! онъ сперва

осмотрѣль не эшафотъ, а костеръ, сооруженный для сожженія пѣла его по смерти, и примѣпивъ, что онъ слишкомъ близко поставленъ къ деревьямъ, копорыми Римляне усаживали дворы свои для прохлады, велѣлъ перенести его въ другое мѣсто, опасаясь чтобы жаръ пылающаго костра не повредилъ густоты вѣтвей, *oracitati arborum* — а не тѣни (*). Я и не понимаю какъ можешь что нибудь повредишь тѣни!

Тацитъ. Хорошо, продолжай.

Я. Не уже ли я тебѣ не наскучилъ? Показашь ли тебѣ, что причиною смерти братьевъ *Петра* было по: „что они допустили видѣться въ дому своемъ *Валерію* съ *Поппе*.“ Допустили кого? *Валерію!* — Я ни слова не слыхалъ объ ней.

Тацитъ. И я въ первый разъ слышу. Какъ *Валерія!* Тупъ не можешь бышь рѣчи о *Консулѣ Валеріѣ Азіатикѣ*. . . Посшой! теперь воспоминаю; я сказалъ по *Лапинѣ*: *et causa necis, quod domum suam Mnesteri et Porraeae praebuissent.*“ —

Я. О! вотъ уже опять со всѣмъ иное дѣло! Теперь я вижу, что рѣчь о *Пантомимѣ Мнесперѣ*, объ общемъ предметѣ

(*) „дабы пламя не повредило тѣнь деревьев.“ стр. 12.

любви и соперничества Мессалины и Поппеи.... ба! Тацитъ! да ты уже и звать начинаешь! поспой. Я тебя еще позабавлю ошибкою, которую ты сдѣлалъ прошивъ первыхъ правилъ Ариеменики. Сколько по словамъ твоимъ получили денежнаго награжденія донощики Криспинъ и Сосибій; а не Сосией, ибо Лапинское В у насъ Буки, а не Вѣди?

Тацитъ. Я скажу тебѣ по Латинѣ: Sesterциum quindecies — Crispino; sesterциum decies — Sosibio.

Я. Очень хорошо! Мы знаемъ, что сокращеніе: Н. S. значить сто тысячъ сестерціевъ; следовательно decies Н. S. десять разъ сто тысячъ или миллионъ сестерціевъ. Теперь сдѣлаемъ самую простую посылку: когда полученные Сосибіемъ 10. Н. S. составляютъ миллионъ сестерціевъ, то что составляютъ 15. Н. S. данные Криспину?

Тацитъ. Очевидно! полтора миллиона.

Я. А какъ же тебѣ не стыдно, Тацитъ, что по Русски ты сказалъ вмѣсто полутора миллиона, полшары тысячи! „Криспину опредѣлены полшары тысячи сестерціевъ.“ Эдакъ подумаюшь, что ты и щепу не знаешь. Но полно мнѣ и себѣ и

тебѣ скучать. Лучше бы было, если бы ты поспурился располковать мнѣ шѣ мѣспа въ своихъ сочиненіяхъ, которыя ошъ перепишиковъ поспрадали, а особливо если бы ты продикшоваля мнѣ начало эшой самой книги, которе до насъ не дошло.

Тацитъ. Съ охопою бы исполниль швое желаніе, но шеперь недосугъ. Меня ждуть Оукидидъ, Ксенофонъ, Поливій и Макиавель. Тѣни упрости насъ соспавишь Комишешъ для изданія Элисейскихъ вѣдомосшей. Пора приниматься за работу, за вѣстями дѣло не спанешъ. Мы ждемъ нынѣшній годъ большаго у себя съѣзда. Прощай. Нѣшь ли какихъ приказаній въ наше царство?

Я. Приказаній, Тацитъ? покорная просьба поклонишь ошъ меня Виргилію, Горацію и Тассу, и попросишь ихъ, что бы они, Бога ради! переспали говоришь по Руски, или шакъ говорили, что бы всякой могъ разумѣшь ихъ.

* * *

Гилнѣ Негодованію. (*)

(Съ Греческаго.)

Крылашее Негодованье!
 Спрогоочиша Правды дщерь,
 Жизнь смерсныхъ на вѣсы кладуща!
 Ты адаманшовой своей уздою
 Ихъ бѣгъ порывиспый умѣрь!
 Не терпишь шы гордыни вредной,
 И зависшь черную женешь;
 А счасію — опцу гордыни,
 Таиншвеннымъ швоимъ, вѣчнобѣгущимъ,
 Преврашность колесомъ даешь!
 Невидимо слѣдя за нами,
 Смиришельница гордыхъ вый:
 Склонивъ свои зѣницы къ персямъ,
 Не прешаешь неложнымъ мѣряльлакшемъ
 Удѣлъ комуждо роковый.
 Но и смягчись къ проспукамъ смерш-
 ныхъ,
 Судяще жизнь ихъ правой,
 Крылашее Негодованье!
 Тебя поемъ, шебя мы ублажаемъ,
 Съ подругою швоей свяшой,

(*) У Грековъ обоготворяема была *Немесисъ*, ш. е. *Негодование*, возбуждаемое въ насъ всякимъ неправеднымъ, гордымъ, обиднымъ для челошества посшупкомъ. Богиня сія изображаема была иногда съ крыльями, приподнимающею покровъ на груди своей, съ опущеннымъ на овую взоромъ; или пригнувшю локошь

Со Правосудьемъ грозномспящимъ!
 Его же приближенъ къ намъ,
 На крыльяхъ, шумно разпротерпыхъ—
 Смиришь и гордоспъ, и негодованье:
 Ему послушенъ Таршаръ самъ!

А. Востоковъ.

свой ко груди, какъ бы для вымѣрнiя чего оявмъ;
 или имѣющею у ногъ своихъ колесо, а въ шуйцѣ узду;
 или же держащею въ рукѣ колесо, пращу, узду и вѣшвъ
 древесную. Почши всѣ сiя различныя изображенiя Не-
 мезы соединены въ семь Гимнѣ, сохранившемся до насъ
 съ другими мѣлкими спихошворенiями Греческими,
 въ Анпологии помѣщенными. Сочинишелемъ онаго
 почишаешся нѣкпо *Мезодилъ* см. Brunk: *analecta*
veterum poetarum graecorum, Том. II.

К ъ К о р а б л ю.

Горація I книги XII ода: *o Navis &c.*

Не вновь ли, о корабль! добыча непогоды,
 Ты мчишься по волнамъ и пѣнишь бурны воды?
 Зачѣмъ не въ пристани ты держишься своей?
 Иль мало испыталъ свирѣпости морей?
 Ужъ веслы прочь лепяшь! ужъ спонуть
 крѣпки снаши,
 И щогла, защецавъ, распалася на часши!

*

Куда безъ вѣтриль ты направишь свой по-
 лезъ?

Спасителей-боговъ съ побою болѣ нѣтъ!
 Смолистая корма гопова сокрушилась
 И вихремъ вздуный валъ къ ней съ смер-
 тию стремишься!
 Ни имя славное родной швоей страны;
 Ни ребра, что изъ соснъ Понсійскихъ спле-
 тены,

*

Изпуганнымъ пловцамъ ничто ужъ не защита!
 Коля милуешь еще судьба шебя сокрыта —
 Не будь въ бездѣйствіи! Ахъ, сколько горькихъ
 слезъ
 И страха мнѣ, корабль, недавно ты нанесь!
 Брегись опасныхъ скаль!—Брегись Цикладской
 мѣли! —
 Могущи корабли опъ нихъ не уцѣлѣли!—

M.

Неразрѣшимый узелъ.

(подражаніе *)

Славнѣ побѣдишь

Не осприемъ меча, но силою душевной.
 Что смершнаго рука могла соорудить,
 То смершнаго жъ ркою бышь можешь сокру-
 шенно.

Гдѣ полща Вавилонскихъ стѣнъ?
 Гдѣ Троя, Мемфисъ, грады славны?
 Распались, обратились въ плѣнъ.—
 Помпеевъ, Брушовъ Римъ державный
 Подъ новымъ Римомъ погребенъ.

Что строятъ смершныя, подобно имъ все
 смершно.

Падешъ—иль случаемъ слѣпымъ,
 Иль честолюбія рукой желѣзной смершо,
 Или подкопано коварствомъ злымъ.

Вошщежъ и шы со многимъ щаньемъ,
 Фриגיעць, ободренъ оракула вѣщаньемъ,
 Трудился узелъ сплестъ, неразрѣшимый вѣкъ!

Се—дерзкій юноша пришекъ;
 Недолго думалъ онъ какъ разрѣшишь зарочный
 Сей узелъ: онъ его мечемъ своимъ разсѣкъ!

(*) Изъ сочиненій *Иакова Балде* Лапшинскаго стихопворца 17го столѣтія, копорого прѣложилъ Гердеръ на Нѣмецкій языкъ.

Но могъ ли бѣ онъ и сей разпоргнущъ узелъ
прочный;

Кошорый, граждане! я предлагаю вамъ:

Ударьте по рукамъ!

Сплешешся рука съ рукою;

И вѣрой, правдою святою

Клянишесь другъ за друга спашь!

Пусть Македонянинъ прїидешъ разпоргашъ

Сей узелъ нашъ неразрѣшимый!

Единодушїемъ связуемый, держимый,

И въ мирѣ и въ войнѣ пребудешъ крѣпокъ онъ.

Не изъ ремней, ниже изъ вервїа сурова ,

Изъ нѣжныхъ прядей соплешень;

Онъ, сущъ совѣснь, чещь, храненье данна
слова

Для благородныхъ душъ священнѣйшїй законъ.

А. Востоковъ.

*Подражаніе Горацию.**Musis amicus. Кн. I. Од. 26.*

А. Н. О.

Пишомецъ Піеридъ—и суефы и горе
 Я въпрамъ опдаю, да ихъ погловишь море!
 И чуждъ мірскихъ цѣпей,
 Въ моеѣ свободной долѣ
 Я не страшусь Царей,
 Дрожащихъ на престолѣ;
 Но Діа чпу и Музь и Фебовыхъ жрецовъ.
 О веселящаясь на высотѣ холмовъ,
 Или въ шѣни долинь проспранныхъ,
 Гдѣ сребренный шумишь попокъ,
 Нарви цвѣшовъ благоуханныхъ
 И свей, Піерида, достойному вѣнокъ.
 Не звучень пѣсней гласъ тобой не вдохно-
 венныхъ;
 Коснисяжь спрунъ моихъ волшебной пы рукой
 И мужа возвеличь безмершною хвалою,
 Достойнаго шебя и сеспръ швоихъ священ-
 ныхъ.

Г—тъ.

Весна Тибулла.

Ужъ паюшъ на поляхъ снѣга,
 Дожди спадаюшъ благодащны,
 И снова вѣюшъ на луга
 Весенни вѣпры аромашны;
 Одѣлись холмы красотой,
 Бѣжипъ ручей сверкая въ полѣ,
 Все разцвѣшаетъ вновь съ весной:
 Тибуллъ не разцвѣшетъ ужъ болѣ.

*

Зазелѣнѣлъ высокій лѣсъ,
 И пробужденна Филомела
 Въ весенней ясности небесъ
 Порхая пѣснь любви запѣла,
 Вновь съ другомъ сердца своего
 Дѣлишь воспоргъ въ щасливой долѣ:
 Но ты, Тибуллъ, но ты ужъ болѣ
 Не вспрѣшишь друга своего.

*

Поюшъ любовь пернатыхъ лики,
 Пора наспала ихъ забавъ;
 Пуспынныхъ дебрей звѣри дики
 Смягчаюшъ свой свирѣпый нравъ;
 Краса сокрылась дръвь подъ шѣнью,
 Воспоргъ и нѣга дышущъ съ ней;
 Но въ горесшной душѣ швоей,
 Тибуллъ, нѣшъ мѣспа восхищенью!

*

Ты зрѣлъ ли преклоненный вязъ
 Лишенный лисшьевь, опаленный,

Котораго перунъ попрясь
Низнавъ со пверди воспаленной?
Всего лишася онъ гошовъ
Чрезъ мигъ печально пасшь въ долиняъ:
Тибулль, попребноль болъ словъ
Чшо бъ о пвоей вѣщашь судьбинъ?

М.

Отрывокъ изъ Деллиевой Поэмы:
Сады.

Но мало для садовъ веселыхъ пойдѣ спмѣны,
 Чшобъ шолько распилать сіи ковры зелены;
 Со вкусомъ разный имъ ты образъ назначай.
 Во одинакихъ ихъ предѣлахъ не спѣснѣй.
 Я съ жалоспью смопру, когда они всѣ сжашы
 Въ несносные круги, иль въ скучные квадрашы:
 Ихъ прелесшь главную составишь вольный
 видѣ.
 То въ роцѣ иль въ лѣсу, кошорый ихъ шѣ-
 нишѣ,
 Пусшь шайнымъ образомъ они себя скры-
 ваюшѣ,
 То пусшь опяшь лѣса ихъ ищущѣ и срѣ-
 шаюшѣ.
 Вошѣ лучшій, чистый дернѣ, проспой; имъ
 украшай.
 Чшобъ онѣ красивѣй былѣ, природѣ подражай.
 Она цвѣшущими роскошшвуешѣ лугами:
 Спѣши и ты свой садѣ обогатишь цвѣшами.
 Цвѣшы, прелесшное сокровище очей!
 Ошѣ васѣ прекраснѣе природа и милѣй.
 Искусство для своихъ отличныхъ начертаній
 Васѣ образцемъ беретѣ; проспя сердца дани,
 Васѣ приношеніемъ доспойнымъ дружба чпишѣ,
 Васѣ пылкая любовь на счастье даришѣ.
 Вы честь убранствомъ бышѣ красавицѣ за-
 служили;
 Васѣ лавры украшашѣ побѣду допустили;

Вы милой скромности награда въ дерев-
няхъ;

На самыхъ Божіа величья олшаряхъ
Пріятнѣйшій вашъ даръ весной благоухаетъ,
И благочестье васъ съ улыбкой созерцаетъ.
Но въ нашихъ вамъ садахъ жизнь, радость
и покой.

Украстье же сіи поля, луга собой,
Росы и дневнаго свѣшила плодъ прекрасный.

Не ждите между шѣмъ, чшобъ вашъ лю-
битель спрасшный,
На мѣсто складки васъ въ кусточки и пучки,
Я спаль обхаживать всѣ грядки, цвѣшники,
Чшобъ каждого цвѣшка дождашь прозябенья,
Ихъ краски замѣчатъ, отличіе смѣшенья.
Такихъ охощниковъ въ Гарлемѣ я найду:
Тамъ заключасъ иной съ ранункулемъ въ саду,
Проснешся до зари, что бы увидѣшь оный,
За рѣдкость чшипшь свои, за чудо анемоны;
Иль въ знаніи цвѣшовъ завидуя другимъ,
За пяшна золопомъ гвоздичны платишь имъ.
Оспавъ при немъ шу спрасшь и спранную
охошу,
Сей зависши удѣлъ и скупосши заботу.

Искусства прихошей въ законахъ не дер-
жась,
Цвѣшы, краса полей и услажденье глазъ,
Своими красками вы землю оживише;
Но вашихъ прелестей опъ насъ не заключите
Въ изгнаньи жадосшномъ по шѣснымъ цвѣш-
никамъ.

Пускай онъ по всѣмъ размножатся мѣстамъ:
 Тамъ зелень чистую нолянокъ испещряйте,
 А здѣсь края собой пропинокъ украшайте;
 Извейшесь въ вѣнки, цвѣщите вокругъ аллей,
 Текише къ берегу водъ излучистой спезей,
 Развѣсшесь по стѣнамъ, иль запахъ вашъ
 пріятной

Пусшь пчелку привлечешъ къ корзинѣ аро-
 машной.

Пусшь знающій Рапенъ всѣ ваши времена
 Означить ваши всѣ примѣшы, имена,
 Не шерпимъ вкусъ такихъ подробностей
 невмѣстныхъ.

Но кто бы не почпилъ розъ нѣжныхъ и пре-
 лестныхъ?

Изъ розъ соспавила Весна свои вѣнки,
 Венера рощицы, любовь свои пучки;
 Ихъ пѣлъ Анакреонъ, изъ нихъ вѣнокъ спле-
 шенный

Въ дни пиршества носилъ Горацій несрав-
 ненный;

Ихъ превосходный сокъ, Азійскихъ рѣдкость
 схранъ,

Скупою бывъ рукой по каплѣ изліянь,
 Всѣ дома полнишь шамъ своимъ благоуханьемъ.
 Какъ сладкимъ жизнь полна бываетъ вспо-
 минаньемъ!

П. Карабановъ.

Лизанька и Чижъ.

(Басня.)

„Что это за жишье? шерпѣнья право нѣшь!“ —
 Такъ Лиза дѣвушка чешырнадцати лѣтъ

Сама съ собою говорила. —

„Все хочеть маменька, чшобъ я училась, шила,
 „Не дастъ почти и погулять.

„Едваль при раза въ годъ бываю я на балѣ;
 „А по вершись себѣ безъ кавалера въ залѣ,
 „Куда какъ весело одной вальсировать!...“ —

Тутъ Лиза шяжело вздохнула,

Ошерла слезку и взглянула

Нечаянно на верхъ окна,

И чшожъ увидѣла она?

Любимый чижъ ея въ рѣшетчатой шемницѣ,
 Конечно вспомнивъ про лѣсокъ,

Сидѣлъ на жордочкѣ, повѣсивши носокъ.

„Ахъ! вольность дорога и шицѣ!“ —

Сказала Лизанька, — „я по себѣ сужу.

„О бѣдной Пипинька! ужъ болѣ

„Тебя не удержу;

„Сшупай, лепи, мой другъ, и веселись на волѣ.“

Съ симъ словомъ опшерла она у клѣшки дверь.

Всшряхнулся Пипинька, лешить въ окно,
 кружился,

На крышку ближнюю садился,

Запѣлъ... какъ шчастливъ онъ теперь!

Мечшаетъ Лизанька, и видишь изъ окошка,

Что къ чижичку подкралась кошка,

Прыгнула на него и при ея глазахъ
Бѣдняжку разшерзала.

Въ раскаяньи, въ слезахъ
Вопъ Лиза чшо сказала:

„Какъ смѣла я на маменьку ропшашь!
„Теперь я вижу очень ясно,
„Чшо волю шѣмъ имѣшь опасно,
„Кшо слабъ и самъ себя не можешъ сохраняшь.“

А. Измайловъ.

Э п и г р а м м а.

О ужасъ! о досада!
Гомера перевелъ безграмошный Глупонъ!
Ошъ лошади погибъ несчастный Иліонъ,
А ошъ осла погибла Иліада.

И.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ о Рускомъ стихосложеніи.

(окончаніе.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О сказотныхъ или повѣствовательныхъ стихахъ Рускихъ.

Спихи о трехъ удареніяхъ дактилигескаго окончанія упошребляющія въ Рускихъ народныхъ сказкахъ или повѣспвовашельныхъ пѣсняхъ, каковыхъ мы имѣемъ печашное собраніе подь именемъ *древнихъ Рускихъ стихотвореній*. Изъ 26 ши піесь помѣщенныхъ въ ономъ собраніи, всѣ кромѣ двухъ сочинены симъ размѣромъ. Также и въ пѣсенникахъ печашныхъ находящіяся между прочими повѣспвовашельныя пѣсни или романсы Рускіе имѣють сей же размѣръ. Мы выпишемъ здѣсь шаковой корошенькой романсъ.

Отець на сына прогнѣвался,
 Приказаль сослать со очей долой:
 Велѣль спознать чужую спѣрону,
 Чужую спѣрону незнакомую.
 Большая сеспра коня вывела,

Серѣдняя сестра сѣдло вынесла,
 Меньшая сестра плѣшку подала.
 Какъ подавши плѣшку заплакала,
 Чпо заплакавши слово мѳлвила:
 Ахъ брашець, пы брашець родимой мой!
 Когда' же ты, брашець, домой будешь?
 Сестрица, сестрица родимая!
 Какъ ёсть у бапюшки зеленой садъ,
 Въ зеленомъ саду сухая яблонька:
 Какъ разцвѣшешъ па сухая яблонька,
 Попусшишь она цвѣшы бѣлые;
 Тогда я сестрица домой буду.
 Чпо прогнѣвавши опца родимаго,
 Одины-по я оспался доброй мѳлодецъ!
 Еще нѣшу со мной поварища,
 Еще нѣшу со мной друга милова,
 Еще нѣшу со мной слуги вѣрнова.
 Товарищъ мой, по вѣдь доброй конь;
 А милой другъ, по мой крѣпкой лукъ,
 Слуги вѣрныя мои калены спрѣлы:
 Куда ихъ пошлю, шуда самъ нейду.

Чишашель видишь, чпо здѣсь сказочные или о прехъ удареніяхъ спихи не до конца выдержаны; но чпо послѣдніе 7 спиховъ сплошь о двухъ удареніяхъ, и слѣдовашельно пѣсенные. Я нарочно выбралъ таковой неровный и сомнишельный примѣръ, чпобъ предупредишь при семь возраженія, какія мнѣ могутъ бышь сдѣланы. Таковое смѣшеніе размѣровъ, ко-

порое — сказать правду довольно часто случается, умышленное ли есть нарушение правил, или нерадѣніе объ оныхъ — не доказываетъ ничего пропивъ моего раздѣленія *пѣсенныхъ* и *сказочныхъ* стиховъ. Повторяю еще, что неосновательно было бы ожидать оупъ несовершенной Руской Поэзіи, такой же чистоты и образованности въ формахъ, какія предспавляетъ намъ Поэзія Греческая. Но размѣръ, о которомъ здѣсь говорится, вообще присвоенъ Эпическому роду: оупъ у Рускихъ поже самое что у Грековъ экзаметръ — только въ меньшей и въ скуднѣйшей пропорціи, сколько могла удѣлила природа Гиперборейцу пропивъ Эллина.

Сравненіе обоихъ размѣровъ очевиднѣе покажетъ сходство ихъ и различіе.

Греческій стихъ имѣетъ оупъ 12^{сти} до 18^{сти} слоговъ; Руской оупъ 7^{ми} до 13^{ти}.

Въ Греческомъ *шесть* составныхъ частей или *шестъ*; въ Рускомъ только *три* части (по числу удареній).

Въ Греческомъ 6ая стопа всегда спондей, а 5ая дактиль, (рѣдко спондей); въ Рускомъ 3^{ье} удареніе всегда на 3^{мъ} (рѣдко на 4^{мъ}) оупъ конца слога.

Первыя два ударенія въ Рускомъ стихѣ, такъ какъ первыя чешыре спопы въ Греческомъ не имѣюшь постояннаго мѣста, но переспаваются по произволу; и слѣдовашельно Руской стихъ, равно какъ и Греческій не подлежащъ опредѣленной цезурѣ или пресѣченію, которе только лирическимъ (пѣсеннымъ) стихамъ свойственно.

Но вопшь въ чемъ состоишь разность, и въ шоже время преимущество Греческаго стиха передъ Рускимъ: что онъ превосходя Рускій почти вдвое количествомъ слоговъ и составныхъ частей своихъ, имѣеть однако прошивъ Рускаго гораздо менѣе по онѣмъ вариаций, — ошь того что части его (спондеи и дактили) сами по себѣ малосложнѣе и неизмѣннѣе частей Рускаго стиха, которыя мы здѣсь изложимъ:

Первое удареніе сказочнаго стиха Рускаго можеть переходить съ 1го слога на 2ой и такъ далѣе, даже на 5ой слогъ. Второе или среднее удареніе опдѣлено ошь перваго по крайнѣй мѣрѣ однимъ крапкимъ слогомъ (*), но можеть опдѣ-

(*) Иногда однако бываюшь между сказочными стихами такіе, въ коихъ одно удареніе непосредственно слѣдуешь пос лѣ другаго:

ляпсья ошъ онаго 4^{мя}, 5^ю и даже 6^ю крапками, смолря по величинъ спиха. Трешье или послѣднее удареніе имѣешъ непремѣнное свое мѣсто на шрепьемъ ошъ ~~конца~~ слогъ: — °° (рѣдко на 4^{мя} — °°°; подобно какъ въ Греческомъ экзамерѣ 5ая стопа бываешъ изрѣдка спондей вмѣсто дакшиля).

Такимъ образомъ съ премо часнями своими, Руской спихъ принимаешъ болѣе ста вариаций (*), между пѣмъ какъ Греческой экзамеръ съ шестью часнями

— — ° — ° ° ° °
Чѣмъ свѣпа жаловапи.

° ° — — ° ° ° — ° °
И меда сладкіе хорошіе,

° — ° ° ° — — ° ° ° °
Меньшая сеспра плешку подала.

Сія спихи ~~не~~ иначе произносишь можно какъ съ *остановкою голоса* (pause), которая замѣнишь недо-спашокъ крайкаго слога между двумя удареніями.

(*) Въ 7ми сложномъ спихѣ ударенія сохраняющъ *одно* положеніе — ° — ° — ° °, но при 8ми слогахъ могушь уже бышь чешыре перемѣны въ положеніи ихъ:

— °	— ° °	— ° °
— °	° — °	— ° °
° —	° — °	— ° °
— °	— °	— ° ° °

При 9пй слогахъ 9пй перемѣнъ, при 10пй слогахъ 14пй перемѣнъ; и шакъ далѣе, по мѣрѣ умноженія слоговъ: наконецъ въ принадлецашисложномъ спихѣ болѣе 30пй перемѣнъ. Не было ли чего нибудь подобнаго сему и въ Скандинавской Поэзии, въ которой по сказанію Олая Вормія употреблялось 136 различныхъ мѣръ? — См. *Разсужденіе о древн. Руск. словесности* Г-на Граматина стран. 29.

полько 32 вариации имѣеть (См. начертаніе его въ 1ой часпи).

Всякой легко поймешь, что такое изобиліе перемѣнъ не доставляетъ Рускому стиху никакой существенной выгоды передъ Греческимъ; потому что разнообразіе Рускаго стиха состоитъ не въ иномъ чемъ какъ въ различной перестановкѣ 3^{хъ} только *долгихъ* слоговъ: Греческой же стихъ имѣя отъ 7^{ми} до 12^{ми} *долгихъ*, пользуется гораздо пріятнѣйшимъ разнообразіемъ, состоящимъ въ *многозвучности*, не выходя между тѣмъ и изъ границъ *единства* гармоническаго, т. е. симметріи или соразмѣрности часпей.

Каковъ ни есть Руской сказочный стихъ, но Руское ухо искони довольствовалось простотою его гармоніею, копорую любитъ оно еще и теперь, когда уже познакомило со стихами и съ римами. По сей-то причинѣ заслуживаетъ сей народный размѣръ, сія собственность Руской Музы внимательнаго нашего разсмотрѣнія.

Возвратимся къ изложенію онаго.

Сказочный стихъ имѣя всегда дактилическое либо прибрахическое оконча-

ніе, вообще не шерпишь у себя въ концѣ ни *ялба*, ни *хорья*, и превращаешь оныя въ *пиррихievъ*. Вопшь, напримѣръ сряду восемь стиховъ, которые по обыкновенному произношенію должны бы оканчиваться ямбомъ; но по законамъ Рускаго размѣра или прозодическаго періода, читающіяся они:

По прозванью былъ Дюкъ боярской сынъ,
 А и конь подъ нимъ какъ бы люпой звѣрь,
 Люпой звѣрь конь, онъ и буръ космашъ.
 У коня грива до сырой земли,
 Онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ.
 Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
 Не много съ Дюкомъ живота пошло,
 Чю куюкъ и панцырь чиста серебра.

а слѣдующіе стихи, по обыкновенному произношенію хореемъ оканчивающіеся, произносятся по Рускому размѣру:

Гой еси въ Князи бояра.
 На небѣ солнце въ шерему солнце.
 Подхватилъ дѣвицу за бѣлы руки.
 Взвыли рога у пуга лука.
 То спарина, по и дѣянье.
 Синему морю на ушѣшенье.

Такимъ образомъ, единственно для мѣры стихопворной, произошли у Рускихъ свои *стихотворскія вольности и фигуры*, свой *стихотворный языкъ*, почти какъ у Грековъ (*). Таковыя суть:

1.) Разное слогуудареніе на однѣхъ и пѣхъ же словахъ: *дѣвица, сѣребро* вмѣсто *дѣви́ца, серебро́*.

2.) Частицы наполнительныя (expletivae) напр.

А и конь подъ нимъ какъ бы лютой звѣрь.
Что куюкъ и панцырь числа серебра.
А и божье крѣпко, вражье лѣпко - то.

Сюда же принадлежишь употребленіе предъ именами указательнаго мѣстоименія *тотъ, тотъ-ли*, и повшореніе предлога при каждомъ имени:

Что за тѣ ли за свяшыя за ворота.
Безъ той раны *безъ* кровавыя.

3.) Вспавка въ самыя слова наполнительныхъ слоговъ для мѣры. (Греческая *парагоге*), напр. въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ вмѣсто

(*) Очень вѣроятно что отцы стихопворства. Греческаго: Гомеръ, Гезіодъ и другіе, для пѣхъ же причинъ и такимъ же точно образомъ переиначивалъ въ стихахъ обыкновенный прозаическій языкъ, сосставили себѣ свои *licentiae poëticae*, свой *dialectus poëticus*, приняшыя послѣдователями ихъ за законъ.

спѣвенныя Греческой и Римской Поэзіи, а съ нихъ и въ новѣйшую нашу Поэзію вошедшія разноски словъ (inversions) и переносы изъ одного стиха въ другой (enjambements) въ Рускихъ стихахъ совсѣмъ непозволительны: у Рускаго пѣснопворца или сказочника въ каждомъ стихѣ полный смыслъ рѣчи заключаея, и расположеніе словъ ничѣмъ не опличаея отъ просаго разговорнаго.

Теперь предспоимъ вопрѣсь, заслуживаешь ли Руской размѣръ употреблень бышь въ новѣйшей Поэзіи? Утвердительно уже опвѣшомъ на сей вопрѣсь можно почешъ благосклонный приѣмъ разныхъ произведеній новѣйшей Литературы, писанныхъ Рускими стихами. Сія и дальнѣйшіе опыты всего лучше покажутъ достоинство Рускаго размѣра, и къ какому роду стихопвореній можешъ онъ бышь пригодень. Но всѣ доселѣ дѣланные новѣйшими авторами опыты Рускаго стихосложенія, касались только до пѣсенныхъ размѣровъ, ближайшихъ къ стопосложенію. Сказочный же размѣръ никѣмъ еще у насъ не былъ испыыванъ въ новѣйшихъ стихахъ; отъ того можешъ бышь, что онъ не

пакъ былъ извѣстенъ, и что не находя въ немъ *стопъ*, считали его уже всякой правильности лишеннымъ? Но изъ всего вышепредложеннаго мною, чипапель, надѣюсь довольно видѣль, въ чемъ со-споишь правильность сего размѣра; и получилъ ежели не выгоднѣйшія мысли, пакъ по крайней мѣрѣ яснѣйшее понятіе о его спроеніи.

Остается еще сказать о его собственно *эпическомъ* употребленіи въ народномъ стихословствѣ, и о примѣрахъ тому. Извѣстнѣйшія изъ оныхъ суть упомянутыя уже мною *древнія Рускія стихотворенія*. — драгоценное собраніе стихословныхъ Рускихъ сказокъ, коихъ подлинность въ разсужденіи слога, размѣра и преданій никакому кажется сомнѣнію не подвержена, — къмъ бы онѣ впрочемъ и когда бы ни были сочинены: разными ли людьми и въ разныя ли времена, или всѣ онѣ суть произведенія одного сочинителя, какъ думаешь Г-нь *Грамадинъ* въ своемъ *Разсужденіи о древ. Руск. словесности*.

Въ началѣ сей главы упомянулъ я, что въ этомъ собраніи 24 сказки сложены на одинъ размѣръ. Въ двухъ только

сказкахъ размѣры особенные, а именно: въ сказкѣ XVIII подъ названіемъ: *Гость Терентьище*, стихи дактилическаго же окончанія, но объ двухъ полько удареніяхъ, слѣдовательно пѣсенные, а не сказочные; однако перемѣшанные и съ обыкновенными сказочными стихами о прехъ удареніяхъ:

Во спольномъ во Новѣгородѣ,
 Было во улицѣ во юрьевской,
 Въ слободѣ было Тереншьевской,
 А и жилъ былъ богашой гость,
 А по имени Тереншьище, и ш. далѣ.

Въ сказкѣ же XXI. подъ названіемъ: *Мастрюкѣ Телрюковиѣ* упопреблены необычайно длинные стихи о *четырехъ удареніяхъ*, ошъ 15^ш до 20^ш слоговъ:

При вольномъ славномъ Царѣ при Иванѣ
 Васильевичѣ,
 Когда холосшъ былъ Царь осударь Иванъ
 Васильевичъ, и пр.

Но поелику шаковой длинной стихъ соспоишъ всегда изъ двухъ равныхъ полустишиѣй дактилическаго окончанія, шо и приличнѣе бы можешъ бышъ было дѣ-

лишь его на два спиха, такъ какъ мы дѣлили нѣкоторыя пѣсенныя размѣры:

При вольномъ славномъ Царѣ

При Иванѣ Васильевичѣ, и пр.

И въ такомъ случаѣ совсѣмъ бы не надобно было счислять въ Рускомъ спихосложеніи спиховъ о *четырехъ удареніяхъ*? означенные же здѣсь спихи были бы такіе же почно о двухъ удареніяхъ дакшилическаго либо прибрахическаго окончанія, какіе упошреблены въ сказкѣ *Гость Терентьище*, и слѣдовашельно эшопъ одинъ шолько размѣръ сосшавлялъ бы уклоненіе опъ общаго правила, по коему спихи о *трехъ удареніяхъ* сушь *эпигескіе*? а однимъ какимъ нибудь исключеніемъ непреложность правила не опровергаешся.

Однако въ древнѣйшемъ, какое до насъ дошло, эпическомъ произведеніи Руской Музы, въ *Словѣ о плѣку Игоревѣ* не слышашъ никакого подобнаго размѣра: въ немъ съ начала до конца, какъ кажешся, голая проза? — Но во первыхъ, неизвѣстно, для пѣнья ли сочинено сіе, въ подлинникѣ такъ называемое *Слово*; или шолько для чшенія, такъ какъ лѣшописи и другіе пѣхъ времянь письменныя памяшники,

отъ которыхъ отличается оно только своею вѣнчавашосью? Есшьли же для пѣнья оно сочинено, то въ стихахъ ли или въ прозѣ?... ибо и прозу можно пѣшь, пакъ какъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другіе церковные *стихи* никакого опредѣленнаго размѣру неимѣющіе. Наконецъ, почему мы можемъ знать что въ *Словѣ о плѣку Игоревѣ*, не было какого нибудь опредѣленнаго размѣра, который, ежели бы и сохранился до насъ чрезъ столько вѣковъ въ нашомящемъ своемъ видѣ (что уже весьма сомнительно) подъ перомъ безполковыхъ переписчиковъ: то мы при всемъ томъ не только судить объ немъ, ни даже примѣпить его шеперь не могли бы за его древностью; ибо чрезъ 600 лѣтъ вѣрно сколько нибудь перемѣнилась и прозодія языка Рускаго? И пошому *Слово о плѣку Игоревѣ* не можетъ имѣшь никакого отношенія къ позднѣйшему Рускому стихотворству и размѣру, о коемъ одномъ только здѣсь идетъ рѣчь (*).

(*) Замѣчу однако мимоходомъ, что не мѣшало бы хотя для типографической исправности, чтобы облегчить читателю приискиваніе мѣстъ, — при новомъ изданіи Слова о плѣку Игоревѣ раздѣлить сію древнюю Поэму Рускую на *стихи* подобные библейскимъ и означить оныя, какъ водится, числами.

Цѣль моя была показашь настоящее свойство Рускаго размѣра, доселѣ еще ни кѣмъ непримѣченное. Новѣйшіе авторы упошребляли нѣкопорые виды сего размѣра въ качествѣ стиховъ *стопосложныхъ*, чему первый подалъ примѣръ Н. М. Карамзинъ своимъ *Ильей Муромцолѣ*: Прекрасная сія піеса, какъ и всѣ произведенія того же автора, по справедливости обратила на себя общее вниманіе, сколько заманчивостью слога, сколько и новостью размѣра, коему скоро явились многіе подражатели. Сіи по большой части упошребляли оный въ повѣствовательныхъ же стихотвореніяхъ. Но мы видѣли въ предыдущей главѣ, что сей размѣръ есть *пѣсенный*, который

1. Не лѣпо ли ны бѣшеть, брѣшѣ,
2. Начаша старыми словесы прудныхъ повѣстий
3. О плѣку Игоревѣ, Игоря Святшславлича.
4. Начаше же ся шѣй пѣсни
5. По былинамъ сего времени,
6. А не по замышленію Бояню,
7. Боянъ бо вѣщій
8. Аще кому хощаше пѣснь шворити,
9. То распекашешся мыслию по древу
10. Сѣрымъ вѣлкомъ по земли
11. Шизымъ орломъ подѣ облакъ, и пр.

Можетъ быть такимъ образомъ яснѣе окажется, былъ ли въ ней какой нибудь размѣръ. — Признаюсь, что я испытывалъ сію операцію надъ всей Поэмой; и она у меня раздѣлилась безъ всякой принужденной разпѣжки и безъ всякой переспановки словъ, съ начала до конца на шакіе довольно ровные и мѣрные періоды или стихи.

пошому самому слишкомъ коропокъ и единосвучень для большихъ повѣспивапельныхъ сочиненій. Г. Карамзинъ написалъ онымъ шолько небольшой опривокъ, въ коемъ и могъ, особливо съ помощью своего пріяшнаго разсказа, щасливо выдержавъ сей размѣръ: но я не думаю чпобъ онъ или другой кто со всѣмъ искусствомъ своимъ могъ у насъ симъ однимъ размѣромъ написавъ большую Поэму, не наскучивши чипапелю безпреспаннымъ и ушомишельнымъ повпореніемъ двухъ шолько удареній въ каждомъ стихѣ — — — — —! Скажущъ мнѣ, чпо можно придавать сей мѣрѣ большее разнообразіе, перемежая и умножая иногда ударенія, на пр. къ краснымъ берегамъ Италіи, и даже превращая стихъ въ чистые хорей, какъ по Херасковъ въ Бахаріанѣ весьма часто дѣлаешь:

Я Руксилъ извѣстной богатырь,
Чудныхъ приключеніевъ ищу,
Съ кѣмъ бы въ полѣ перевѣдашься,
Съ кѣмъ бы силами помѣришься и пр.

Но такая смѣсь Рускаго размѣра со стопосложеніемъ, по мнѣнію моему, совсѣмъ не клеится въ поэмѣ. Стихи такимъ об-

разомъ превращенные, съ ямбическимъ ихъ окончаніемъ кажутся вялыми и негладкими прошивъ чистыхъ Рускихъ стиховъ дактилическаго окончанія.

Размѣръ сей — повпоряю — соспавленъ не для повѣствованій, а для пѣсенъ; подобно какъ и всѣ, пакъ называемые *Рускіе стихи* упопреленные новѣйшими стихопворцами нашими.

Сказочный же Руской стихъ будучи самъ по себѣ разнообразнѣе, былъ бы можешъ бышь гораздо удобнѣе для Поэмы — не для Героической конечно, а для *Романтической*, во вкусъ Аріоспа либо Виланда. Такъ и пѣсенные размѣры не для всякаго Лирическаго стихопворенія пригодны: никто конечно не вздумаешъ написать ими Оду или Кантапу. Главная се-му причина можешъ бышь та, что Рускіе размѣры вообще по своему дактилическому и прибрахическому спроеію слишкомъ игривы для важныхъ предметовъ; или же, что они, доселѣ бывъ предоспавлены шокмо проспонародной Поэзіи, слѣдовашельно предметамъ низкимъ и ограниченнымъ, — чрезъ то самое лишены спали въ глазахъ нашихъ и благо-родспва и возвышенія.

Желашельно , чшобы люди съ паланшомъ попышались испребить въ насъ сей предразсудокъ , еспьли только можно , облагородшвовавъ и возвысивъ Руской размъръ стихами своими: или бы доказали чшо стихосложеніе *Руское*, по не совершенству своему не заслуживаетъ извлечено бышь изъ праха, въ какомъ оно доселъ пресмыкалось.

А. Востоковъ.

О С к а з к ѣ.

(Изъ Словаря древней и новой Поэзіи Н. Осполопова.)

Сказка (Fabula; ficta, commentitia, par-ratio) есть повѣствованіе вымышленнаго происшествія. Она можетъ быть въ стихахъ и въ прозѣ. — Подобно Эпоеѣ она пребудетъ вымысловъ; но пользуясь большею вольностію, переходитъ по желанію своему границы правдоподобія и даже возможности.

Существенная разность Сказки съ Поэмою Эпическою состоитъ въ томъ, что послѣдняя описываетъ дѣянія знаменитыя, а сказка имѣетъ предметомъ дѣла меньшей важности, и еще въ томъ, что дѣйствіе Поэмы Эпической есть истинное, а въ сказкѣ оно не должно быть истинное, ниже принимаемо за оное, ибо тогда произвело бы оно не сказку, а исторію. Въ сказкахъ позволено только *подражать* дѣйствительному случившимся происшествіямъ, и то съ переменною именъ.

Не должно также смѣшивать сказки съ романомъ и припчею: романъ есть

связь нѣсколькихъ происшествій, а сказка заключаетъ одно происшествіе; припѣча изображаетъ одинъ только разительный случай изъ цѣлаго происшествія, и сохраняетъ единство мѣста и времени, а сказка не всегда ихъ соблюдаетъ. Припомъ же въ сказкѣ не должны показываться живошныя; она пребуетъ лицъ заслуживающихъ болѣе вниманія: людей, духовъ, волшебниковъ, и даже самихъ боговъ, и ежели иногда вводятся въ нее живошныя, по не иначе какъ по превращенію, какъ на примѣръ въ извѣстной всѣмъ изъ *Дѣтскаго Училища* сказкѣ: *Красавица и звѣрь*; или въ лицахъ постороннихъ, какъ напр. въ сказкѣ Г. Дмипріева: *Модная жена* помѣщены по пугай и собачка, неимѣющіе съ главнымъ дѣйствіемъ никакой связи. Спихопворецъ могъ бы просто сказаць о внезапномъ возвращеніи мужа, и происшествіе ничего бы не потеряло; но единственнo для украшенія онаго, говоритъ:

Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,
 Которая лежала
 Свернувшись клубкомъ
 На солнышкѣ передъ окномъ,
 Вдругъ встрепенулася, вскочила, побѣжала

Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
 Приспавила ушко, попомъ полкъ лапой въ
 дверь,

Ушла, и возвратилась съ лаемъ.

Тогда жъ другой Пенашъ, зовомый попугаемъ,
 Три раза въстовой изъ клѣшки подалъ знакъ,
 Вскричавши: *кто пришелъ? ... дуракъ!*
 и проч.

Когда все достоинство сказки, какъ въ прищѣ, состоить въ разительной развязкѣ, копорю она оканчивается, тогда надлежитъ идти къ сей цѣли сколько возможно поспѣшнѣ; а ежели сіе достоинство заключается во всемъ происшествіи, тогда сказка имѣетъ болѣе или менѣе обширности сообразно съ подробностями, какихъ она пребудетъ.

Какъ авторъ сказки представляешь лице зрителя, по можешь примѣнивать свои разсужденія и чувствованія; но все собственно ему принадлежащее должно быть естественнo и замысловапо; и при всемъ эпомъ повѣствованіе сдѣлается скучнымъ, ежели разсужденія будутъ очень долги и часты.

Въ сказкѣ не пребудетъ такой простоты, какъ въ баснѣ; она болѣе можешь имѣть шутокъ и острыхъ словъ и даже колкости.

Форма сказки бываетъ прехъ родовъ: первый состоишь въ томъ, когда Поэшь не показывается, а видны однѣ только дѣйствующія лица; второй родъ: когда Поэшь самъ рассказываетъ о приключеніяхъ своихъ героевъ; а прешій: когда Поэшь скрываетъ дѣйствующія лица, а приводитъ только рѣчи ихъ, какъ бы самими ими говоренныя. Однакожь для избѣжанія единообразія позволяешся смѣшивать сіи роды.

Ежели сказка должна бытъ продолжительна, то пребуешся, чщобы авторъ сдѣлалъ приступъ къ оной, и въ кращѣ изложилъ то, о чемъ пишеть намѣрень.

Слогъ сказки долженъ бытъ сообразенъ съ машерією, въ ней содержащеюся; а какъ цѣль ея состоишь въ увеселеніи, то авторъ можеть упошребляшь для сего всѣ красоты Поэзіи.

Сказки пишутся спихами всякаго размѣра, но по большей часпи вольными ямбическими.

Лучшими на Россійскомъ языкѣ сказками въ спихахъ по справедливости можно почестъ написанныя Г. Димитріевымъ.

Ш. К Р И Т И К А.

*Введение въ науку стихотворства, или
разсужденіе о началѣ Поэзіи во-
обще, и краткое повѣствованіе
Восточнаго, Еврейскаго, Греческаго,
Римскаго, древняго и средняго Рос-
сійскаго стихотворства. С. П. Б.
въ Медицинской Типографіи. 1811.*

(Окончаніе (*)).

Четвертое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о древнемъ Россійскомъ стихотворствѣ. Подъ древнимъ Россійскимъ стихотворствомъ разумѣеть авторъ то, которое могло быть до времени Іоанна Васильевича, въ три первые періода Россіи, *раждающейся, раздѣленной и угнѣтенной*. Изъ перваго періода никакихъ памятниковъ стихотворства неосталось. (*Договоръ Олега съ Греками и переводъ библейскихъ книгъ суть памятники обыкновеннаго прозаическаго языка.*) Изъ втораго періода развѣ только *Слово о полку Игоревѣ*. Къ третьему періоду угнѣтенной Россіи, относимъ

(*) См. 5 й Но Вѣстника, стр. 229.

авторъ извѣстное собраніе стихопворныхъ сказокъ, кои подъ заглавіемъ: *Древнія Рускія стихотворенія* недавно напечатаны. (Но такую древность можно приписывать развѣ нѣкоторымъ только изъ сихъ сказокъ; ибо нѣтъ изъ нихъ, въ коихъ упоминается о Иванѣ Васильевичѣ, о Ермакѣ, о Разспригѣ и пр. очевидно принадлежащъ уже къ четвертой эпохѣ.)

Слѣдовательно, о существованіи древняго Россійскаго стихопворства въ первомъ періодѣ, можно только догадываться или мечтать: что авторъ нашъ и дѣлаешь, на цѣлыхъ чешырехъ страницъ; и мы съ охотою готовы слѣдовать за нимъ по слезѣ предположеній и догадокъ, лесныхъ для нашего патриотизма, — когда онъ хоща малѣйшую имѣющъ вѣроятность. На пр. „Вѣроятно что и у са-
„мыхъ необразованныхъ жителей Россіи,
„такъ какъ и вездѣ стихопворство при
„самомъ началѣ уже существовало.“ спр-
бл. — „Не должно утверждать, что древ-
„ніе Славяне не имѣли собственныхъ пѣв-
„цовъ, пѣсни коихъ отличались образцо-
„вою и дикою неправильностію. Мо-
„жетъ быть, и прежде Баяны были такіе
„же Баяны, коихъ пламенное воображеніе

„въ одно мгновеніе обпекало и небо и „землю.“ и пр.

Но онъ не долженъ къ догадкамъ примѣшивать или на догадкахъ основывать утвержденія ничѣмъ недоказанныя, какъ на пр. спр. 80: „чипая съ наблюденіемъ „въ древней нашей лѣтописи: *Договоръ „Олега съ Греками, Рускую правду, библейскія книги, переведенныя при Влади- „мирѣ, Владимирову духовную, пѣснь о „полку Игоревомъ, увѣряемся, что всѣ „сїи древніе памятники Славяно-Россій- „скаго языка были предшесвуемы дру- „гими, гораздо еще древнѣйшими“* или спр. 84: „Сочиненія оставшіяся отъ раз- „дѣленной Россіи подтверждаютъ наши „догадки о древней Руской словесности. „Разсмащривая ихъ, мы удостовѣряемся, „что письмена безъ сомнѣнія существо- „вали еще въ 9 столѣтіи по Р. Х.“ (ш. е. въ Россіи существовали — думаешь авторъ) — *Вмѣсто сихъ утвердительныхъ словъ увѣряемся, удостовѣряемся, безъ сомнѣнія, поставивъ бы должно: полагаемъ, догадываемся, вѣроятно.* Впрочемъ письмена Славенскія, изобрѣшенныя въ послѣдней половинѣ 9го столѣтія у Моравскихъ Славянъ, ежели и могли вскорѣ

послѣ того достигнуть въ Россію съ прїѣзжавшими шуда для торговли Христіянами изъ земель Славянскихъ — существовали шамъ полько въ шѣсномъ кругу новообращенныхъ Христіянь, до всеобщаго крещенія земли Руской, которое послѣдовало уже въ концѣ того столѣтія; и не имѣли конечно до самого того времени, да и послѣ того еще долго, никакого вліянія на словесность народа, на стихотворство Руское. Сіе послѣднее существовало *изустно*, а не письменно.

Авторъ оканчиваетъ свое разсужденіе (спран. 84.) признаніемъ, что „рожденіе нашей словесности весьма смѣшанно, мрачно и погребено въ неизвѣстности времени прошекшихъ.“ Лучше бы онъ началъ симъ признаніемъ!

У многихъ изъ новѣйшихъ нашихъ писателей вошло въ моду, говорить иначе объ опечесшвенной Исторіи, о Руской старинѣ какъ съ неумѣренными похвалами, со смѣшнымъ увеличиваніемъ. Сею погрѣшностью зараженъ и нашъ авторъ. Вотъ примѣръ тому: „Прочитайше Неспора *безсмертнаго писателя* „одинадцатаго вѣка, и вы найдете въ „немъ для сердца и ума *неоцѣненные со-*

кровища.“ (спр. 95.) Не слишкомъ ли эпо
много сказано? Неспоръ не Таципъ и не
Плушархъ. Но послушаемъ далѣ, въ чемъ
соспоаяшь сіи для сердца и ума неоцѣ-
ненныя сокровища? На пр. „Вошь, (гово-
ришь авшоръ) одно мѣсто изъ его лѣшо-
„писи, извѣстной подъ названіемъ: По-
„вѣсть современныхъ лѣтѣ (вмѣсто: вре-
„менныхъ лѣтѣ), писанной около 1100 года.
„Здѣсь изображаешъ онъ пламенное чув-
„ствованіе швердой, великой души Свя-
„шослава. Князь предъ бшвою съ Грека-
„ми, ошвсюду и въ великомъ количествѣ
„его окружившими, восклицаетъ: *уже*
„*наибъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею*
„*стати противу; да не посрашилъ земли*
„*Рускія, но ляжелъ костьюи ту; мерт-*
„*выи бо срама не илцѣ. Аще ли погиб-*
„*нелъ (должно: побѣнелъ) сраилъ ишамы;*
„*и не ишамы убѣжати, но станелъ крѣп-*
„*ко; азъ же предъ вами пойду. Аще глава*
„*моя ляжетъ, то вы промыслите о собѣ.*
„*И рѣша вои: „Идѣже глава твоя, ту и*
„*свои главы сложилиъ.“* — Сія просшая, и
самою прсшпошою своею сильная рѣчь,
конечно хороша; и можно за то похва-
лишь правдиваго лѣшописашеля Печер-
скаго, что онъ пересказаль ее безъ вся-

кихъ опъ себя прикрась и прибавленій: но что же въ ней и ошмѣннаго? Не всякой ли рѣшишельный военачальникъ, въ подобномъ Свяпославу положеніи, скажеть поже самое воинамъ своимъ, и получишь опъ нихъ пошъ же самый ошвѣшь! Но нашъ авпоръ—папріопъ восклицаетъ: „найдепел ли что нибудь сильнѣе „и разишельнѣ сей рѣчи въ древнихъ и новыхъ иноязычныхъ писашеляхъ?... „Здѣсь „мы видимъ рѣдкій примѣръ испинной „высокоспи *во нравахъ*, и новое доказа- „пельство, что Россіане въ то время „въ словесности превосходили всѣхъ своихъ современниковъ.“ Послѣ сего оспашься замолчашь, и удивляшья уже сильной Логикѣ нашего авпора.

Слѣдующій пошомъ разборъ пѣсни о походѣ Игоря, содержишь многія справедливыя замѣчанія о красотахъ сего древняго сочиненія, и о духѣ, въ какомъ оное писано. Вмѣспѣ съ текстомъ приводишь авпоръ свое собспвенное преложеніе онаго стихами, шакъ называемыми *Русскими*.

Мешишь въ цѣль Курчане свѣдуци,
Подъ шрубою рапной повисы,
Подъ щеломами взлелѣяны и пр.

Преложеніе сіе показалось намъ вообще какъ по вялымъ; въ чемъ винимъ не сполько слабость паланпа автора, сколько неудобность размѣра, употребленнаго имъ. Еспьли прелагаемъ въ стихи *Слово о полку Игоревѣ*, шо мы бы предпочли для сего размѣръ спопосложный, напр. ямбическій бшп. спопный, какимъ Г. Палицынъ преложилъ оное (*). Причина же сему кажется намъ та, что *тонъ* и *слогъ* сей древней Руской Поэмы болѣе имѣеть сходства съ Греческимъ (и слѣдовательно также съ спономъ новѣйшей Поэзіи),

(*) Сіе преложеніе помѣщено въ 3 части *Согиненій и переводовъ* Россійской Академіи; но и оно такъ плохо, что не возможно дочитать его до конца. Вотъ примѣръ, взятой нами на удачу:

Всякъ шокмо о своей одной корыстѣи мыслишь;
 Одно насиліе владыкъ закономъ числишь.
 У брата брагъ опняшь себѣ не спавишь въ спыдѣ,
 И се мое, и по мое же, гворишь;
 Ничтожныя слова, неважныхъ дѣлъ спеченья
 Уже приводяшь ихъ въ раздоры, раздѣленія:
 Всѣ малоспи вину имъ къ распрямъ подаюшь,
 И сами крамолу себѣ они куюшь,
 А виѣнне враги въ шомъ пользу обрѣшая,
 На землю Рускую ошведю нападая,
 Разяшь, гремяшь, плѣняшь, вершаешь всю лютость
 золь;

Такъ быспрый далеко занесѣйся соколь
 Пшиць робкихъ гоняшь, бешѣи жметъ на сине
 море,

Спаси же нѣкому ошечества въ семь горѣ!

Такъ Игорь днесъ съ сѣдла златаго славы спель
 И на безславное сѣдло Кошція всѣлъ.

(спр. 92.)

нежели съ простонароднымъ Рускимъ , къ кошорому прилажено спихосложеніе Руское.

Еще два или три замѣчанія, о неправильныхъ выраженіяхъ и о слогахъ, прежде нежели мы приступимъ къ 5му опредѣленію. —

„Когда въ мертвыхъ членахъ шѣла охладѣло пламенное воображеніе.“ (стр. 84.)

Членами шѣла называющся въ обыкновенномъ смыслѣ шолько наружныя часши; посредствомъ коихъ шѣло движешся, и кои взаимно однѣ къ другимъ привязывающся суспавами, и пр. Въ нихъ обитаетъ *чувство* вообще, а не *воображеніе*. Спыдно занимаеть чипашеля шакимъ ребяческимъ исполкованіемъ: но чшо дѣлаетъ! Такова иногда должностъ Рецензента.

Стр. 88. (Говоря о крещеніи Владиміра). „Предвѣчная премудрость для возсшановленія челошѣка, соблагоизволила „низсойши на заблудшуюся главу вѣнценосца.“ — Какой кудреватый слогъ!

Стр. 92. „Красотѣ свойшвенно вдыхаетъ величіе (?) но величію покарываетъ „себѣ всѣхъ.“ Мысль авшора была та, чшо *величіе слышвается красоты, прини-*

масть внушенія ея: но оный употребивъ Галлицизмъ (inspīrer, вдыхашь), превратилъ ее въ безсмыслицу.

Въ 5мъ отдѣленіи: *краткое повѣствованіе средняго Россійскаго стихотворства*.—Сіе среднее стихотворство, по раздѣленію авшора, начинается съ эпохи Ц. Ив. Васильевича, при коемъ Россія начала *возражаться*. „Но — говоришь оный — мы „должны признахся, что до времянь Пешра Великаго и Каншемира, Рускіе словесники были скудноученой народъ, „Россія по сей часпи оставалась въ совершенномъ невѣжествѣ.“ и пр.

Разхваливъ по доспоминству Каншемира, изъ сочиненій коего не приводишь однако никакихъ примѣровъ; сказавъ мимоходомъ слова два въ похвалу Теофану Прокоповичу, по поводу извѣстныхъ стиховъ его къ Каншемиру: *не знаю кто ты пророге рогатый* и пр. добираешься нашъ авшоръ до любимаго своего — Тредіаковскаго, съ кошораго началось новое стихотворство Россійское. Надобно послушать, съ какимъ приспращіемъ, съ какимъ жаромъ оный его хвалишь: „Безсмертный по своему шрудолобію *Тредіаковскій*... Великій по шерпѣнію его

„умь. . . Тредіаковскій воскресилъ въ сво-
 „ихъ переводахъ древнихъ и новыхъ пи-
 „сателей стихотворства и прозы. Тре-
 „діаковскому одолжены мы первымъ,
 „весьма близкимъ и хорошимъ переводомъ
 „науки о стихотворствѣ Горація, Буало,
 „и пр. (*) Тредіаковскій написалъ многія
 „предоказательныя и основательныя раз-
 „сужденія: 1. о началѣ Поэзіи и стиховъ во-
 „обще; 2. объ одѣ вообще. 3; о комедіи во-
 „обще; 4. разсужденіе о древнемъ, среднемъ
 „и новомъ Рос. стихотворствѣ. и пр.

„Тредіаковскій одною рукою, предпри-
 „сывалъ правила стихотворства и кра-
 „снорѣчія; а другою выполнялъ ихъ на
 „самомъ дѣлѣ.“ (!!)

И за симъ выписываетъ нашъ авшоръ

(*) Рецензентъ по несчастію не читалъ сего перевода:
 но о вѣрности и добротѣ оного судилъ онъ по слѣ-
 дующимъ чепыремъ стихамъ, приведеннымъ для
 размѣра въ правилахъ *пѣтугескихъ* Аполлоса. Москва
 1790. стран. 11.

Не взводишь ложь, но себя показати бы міру
 Жаръ стихами вооружилъ съ правдою Сатиру;
 Прежде всѣхъ Луциль оную дерзнулъ издашь,
 И порокамъ Римскимъ зеркало сіе подашь.

кошорые должны выражать силу Буаловыхъ стиховъ:

L'ardeur de se montrer, et non pas de médire
 Arma la verité du vers de la Satire.

Lucile le premier osa la faire voir

Aux vices des Romains presenta le miroir.

(Art. poët. ch. II.)

8 строфъ изъ оды Тредіаковскаго на взятіе Гданска:

Кое странное пїянство
 Къ пїнію мой гласъ бодрить!
 Вы Парнасское убранство,
 Музы! умъ не васъ ли зрить? и пр.

„Таково—присовокупляетъ авторъ—было „*возрожденіе* нашего стихотворства. Конечно ода сія весьма далеко отстоитъ отъ одъ писанныхъ Ломоносовымъ, Державинымъ и пр. ибо она носитъ на себѣ отпечатокъ первыхъ опытовъ и пр. но въ ней находящіяся многіе стихи, въ коихъ непримѣненъ Тредіаковскій.“ — Напротивъ того намъ кажется, что Тредіаковскій шутъ изъ всякаго стиха выглядываетъ; какъ въ шѣхъ мѣстахъ, кои собственно его изобрѣшенія, такъ и въ шѣхъ, гдѣ онъ подражалъ Буало. Авторъ долженъ бы былъ замѣтить, что сія ода есть по большей части дурное подражаніе Буаловой одъ на взятіе Намура: *Quelle docte et sainte ivresse*. Если авторъ находилъ ее „достойною особеннаго вниманія потому, что была самая первая „на языкѣ Рускомъ“; то довольно бы было привести изъ нее строфы двѣ, для показанія, каково было *возрожденіе* нашего стихотворства.

Послѣ сего изчисляешь онъ и всѣ другія спикопворныя сочиненія Тредіаковскаго, и приводишь для примѣру еще нѣсколько спиковъ изъ оныхъ. Мы выпишемъ здѣсь лучшіе, вмѣстѣ съ сужденіемъ объ оныхъ авшора — начало предложенной Тредіаковскимъ 32 главы Вшорозаконія: *вонми небо, и возлагаю, и да слышитѣ земля глаголы устѣ моихѣ, и пр.*

Воями, о небо! и реку;
Земля, да слышитѣ устѣ глаголы!
Какѣ дождь я словомъ пошеку;
И сидушѣ какѣ роса къ цвѣшку
Мои вѣщанія на долы.

Богъ! испинны его дѣла
И всѣ пуши его, — судѣ правый:
Богъ вѣренъ; а неправда зла,
Не зришься ни шоя въ немъ мгла,
Свяшый весь, онѣ душамѣ свѣшѣ здравый,
и пр.

„Съ самымъ начальнымъ спикомъ: *вонми,*
„не всякой ли внимаешь печеніе слова,
„громкіе глаголы успѣ и вѣщанія, ниско-
„дящія долу; не всякой ли гошовъ здѣсь
„хвалишь Тредіаковскаго? И пакъ не дол-
„жно надѣ нимъ смѣяшься и презирашь
„его; ибо онѣ былъ началомъ и основані-
„емъ шого храма *Поэзії*, кошорой велико-
„лѣшіемъ своимъ не усшупаешь ни Грече-

„скому ни Римскому.“ и пр. — На эпо- скажемъ мы: хвалять Тредіаковскаго полько за его шрудолубіе и штерпѣніе; смѣюшся же надъ нимъ за смѣшныя его сшихи; презираюшъ его какъ дурнаго сшихопшворца, копорый не имѣль ни Ге- нія ни вкуса. Пущь онъ первый началъ писать сшихи спопосложныѣ; но Ломо- носовъ и Сумароковъ вѣрно не пребова- ли въ помъ его руководшва, и сами весьма легко могли попастъ на шу же спезю, имѣя передъ собою Нѣмецкіе и Французскіе образцы, копорымъ слѣдо- валь и Тредіаковскій. А по сему и ка- жепся намъ очень сомнишельно, что бы сей послѣдній могъ бышъ названъ *нага- ломѣ* и *основаніемѣ* новаго сшихопшвор- шва Россійскаго.

Въ заключеніи *введенія въ науку сти- хотворства*, изображены довольно вѣр- ными чершами Геніи Ломоносова и Су- марокова, и дѣйспвіе какое они имѣли на своихъ современниковъ; — и наименова- ны славнѣйшіе изъ слѣдовавшихъ за ними Поэшовъ, кой сосшавили новый періодъ словесности.

Авшоръ разсмашриваемой здѣсь кни- ги ешть Г-нъ *Язвицкій*, копорый уже из-
Часть II. 21

вѣспень чипапелямъ нашего Вѣспника, изъ помѣщенной въ 1^{мѣ} No сего года рецензiи на переводъ *Философической Грамматики*.

Сколько мы по сочиненiямъ его судить могли — кажеться намъ, что въ немъ болѣе есть способности къ стихотворству, нежели къ Философическимъ или Эстетическимъ умозрѣнiямъ: — можетъ быть оцѣ этого, что онъ еще молодъ? И мы бы совѣповали ему покамѣсть сочищать стихи, вмѣсто учебныхъ книгъ. Безъ лести скажемъ, что въ разсужденiи слога и ошдѣлки, самымъ лучшимъ мѣстомъ во всей книгѣ его показалось намъ *посвященiе* оной въ стихахъ.

В.

Геройскіе подвиги храбраго Армейскаго Генерала Алберта при осадѣ Люксембурга и проч., бывшаго въ службѣ Эвека, Принца Литтхискаго; съ описаніемъ безпримѣрной къ нему любви дѣвицы, потомъ супруги, Александрины, и кончины ея родителей, и проч. и проч. Нидерландская повѣсть. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ Типографіи О. Любія. 1812. (*)

По заглавію эпои повѣсти чипашели могутъ уже имѣть о ней понятіе.

Албертъ (который до тѣхъ спраницы былъ сынъ одного небогатаго дворянина; а съ сей спраницы называется уже Принцомъ) женился на Александринѣ и прижилъ съ нею дочь. Потомъ вздумалось ему бросить жену свою: въ оправданіе свое онъ говорилъ, что никогда съ нею не вѣнчался. Александрина завела съ нимъ плямбу; между тѣмъ отецъ и мать ея умерли; а въскорѣ послѣ нихъ *цмерб*

(*) Сія книжка посвящена Графу С. М. Каменскому Федоромъ Базуновымъ.

скоропостижно и Албертъ, сказавши духовнику, который призванъ былъ его исповѣдывать, (спр. 108.) что Александрина есть законная жена его. Наконецъ умерла и Александрина. — Вопшь содержаніе повѣсти: всякой видить, что оно очень занимательно. *Геройскіе подвиги*, о копорыхъ говоришь въ заглавіи, Албертъ сдѣлалъ при осадѣ Люксембурга, въ то время когда былъ разбитъ и взятъ въ плѣнь.

Теперь выпишемъ нѣкопорыя мѣста изъ сей книжки, чтобы позабавить чисташелей.

„Никогда, говорилъ онъ (Албертъ), не подновляешь она своего лица поддѣланными и обманчивыми красками, избрѣшенными для прикрытія обвѣщающихъ морщинъ спарухъ, дабы плѣняшь сердца, любовію зараженныя.“ (спр. 9.)
 „Спройность *бѣлокурыхъ* волосовъ Александрины, ниспекая по нѣжной ея груди, развѣвалися по спройному ея спашу; *руссыя* кудри осѣняли высокое юношеское чело, извиваяся по раменамъ ея; размышляющій видъ прелестно примѣшивался къ ясноши ея взоровъ. Нѣжная любовь и чистѣйшая добродѣтель

„распространяли сладостное веселіе на
„фіалковыхъ очахъ, и поразительныя пре-
„десли на румяныхъ ея ланипахъ. (спр.
10.) „Они часпо ходили гуляшь къ шѣмъ
„кустарникамъ, посѣщали шу шихую
„страну, гдѣ ничто, кромѣ ихъ, не двига-
„лось. Дыханіе влюбленнаго вѣперка о-
„живлялъ унылыя лисшья, и помаваль
„для ихъ удовольствія (спр. 16.) и проч.

Н.

Таинства черной башни, романъ, переведенный съ Англійскаго, соч. Гжи Радклифъ. 2 части. Москва. Въ Типографіи А. Воейкова и комп. 1812.

„Романъ Гжи Радклифъ! Таинства „башни! да еще и черной! (воскликнушь охошники до сего рода романовъ, копорый въ газетныхъ объявленіяхъ книгопродавцы называютъ ужаснымъ) „какъ эпо „хорошо! Туть вѣрно есть разбойники, „убійства, шемницы, подземелья, мерш- „вецы, черпи!“ — — Все эпо, Милоспивые Государи, все эпо есть въ *Таинствахъ черной башни*; не доспаешь полько бездѣлицы, копорой впрочемъ и не ищущь никогда въ безсмертныхъ швореніяхъ Гжи Радклифъ, и Гна Дюкре-Дюминия, сущей бездѣлицы: — здраваго смысла, пріятнаго слога, хорошихъ мыслей и связи въ происшествіяхъ; эпо такія маловажныя достоинства въ романъ, что ихъ одинъ разбойникъ, а ужъ о мершвецѣ и говоришь нечего, совершенно замѣнишь можешь.

Я не намѣренъ разбирать подробно *тайствъ черной башни*: ибо эпошь романъ споль глупъ, что и самые величайшіе

охопники до такъ называемыхъ ужасныхъ романовъ, не въ состоянїи будущъ прочесть и половину *таинствъ* въ немъ заключающихся. Но я долженъ сказать, что Гжа Радклифъ и не думала писать его, хотя въ заглавіи сказано, что мы ей одолжены эшимъ сочиненіемъ. Книгопродавцы наши часто упопреляють такія хитрости, чтобы выманивать деньги у просподушныхъ почишателей Г-жи Радклифъ. Не смотря на то, что она уже умерла, и что всѣ ея сочиненія переведены на Руской языкъ, у насъ безпрестанно выходятъ романы, въ заглавіи копорыхъ печатается: *новое сочиненіе Г-жи Радклифъ*. Можно ожидать, что со временемъ переводчикъ *таинствъ герной башни* переведеть еще какой-нибудь романъ, назвавъ его *таинствами желтаго дома*, а книгопродавецъ, копорый заплашитъ за переводъ романа по два рубля съ полщиной съ листа, объявитъ, что онъ сочиненъ славною Г-жею Радклифъ и, еслили угодно, будетъ божиться, что она шочно жила въ *желтомъ домѣ*, и что переводчикъ былъ шамъ съ нею очень корощко знакомъ.

Краткая Испанская Грамматика, расположенная по правиламъ Грамматики Королевско-Испанской Академіи и изданная Яковомъ Лангеномъ. Митава, 1811; въ Типографіи Стефенгагена.

Сія Грамматика слишкомъ кратка и недоспапючна; сверхъ того желающій научиться по оной Испанскому языку долженъ беречься, чпо бы не получилъ ошибочныхъ понятій. Замѣнимъ нѣкоторыя правила о произношеніи. Спр. 1. *Испанцы весьма часто смѣшиваютъ букву в съ буквою v.* Здѣсь надлежало бы сказать, въ какихъ случаяхъ сіе бываетъ, а не говорить, чпо *правильнѣе каждую изъ нихъ выговаривать приличнымъ ей образомъ*; эшо всякому извѣстно. с *передъ i и e имѣетъ мягкое произношеніе.* Эшо не ясно. с *передъ e и i выговаривается какъ легкое z.* *She* не выговаривается *дге*, какъ въ примѣрѣ показано. — *h* *не произносится гортанью, но выговаривается крѣпко.* *h* со всѣмъ не выговаривается; но предъ гласными не имѣетъ легкой звукъ, подобный *g.* — *Двойное ll*

выговаривается какъ ль Руское, напр. *Цата* (ляма). Сходнѣе было бы писанье по Руски-ляма, а не ляма — $\bar{n}$ произносится какъ Французское *gn*. Можно бы замѣшпшь, что $\bar{ne}$ выговаривается какъ Руское *нѣ* въ словѣ *нѣтъ*, а не *нѣе*.

Послѣ сихъ правилъ о произношеніи, слѣдуешь непосредственно спашья о падежахъ. Падежей въ Испанскомъ языкѣ шесть и каждой изъ нихъ ознагается гаспицею, какъ-то Родительный *d*, Дательный *a*, Звательный *o*, Творительный *por*; Именительный и Винительный ознагается какиибъ либо гленоибъ или мѣстоименіемъ. Въ Испанскомъ языкѣ, шакъ какъ въ Италіанскомъ и Французскомъ, нѣтъ падежей; ибо имена ихъ не перемѣняющъ своего окончанія. *De*, *a*, *por* сущъ шакіе же предлоги, какъ *con*, *en* и проч. Звашельная часпица *o* не ешъ ни падежъ, ни предлогъ. Именишельный и Винишельный падежи, могушъ обойшпсь безъ какого ни будь глена (членъ шокмо одинъ) и безъ мѣстоименія, какъ наприм. *No preste oídos a consejos perfidos; Debilidad y error es nuestra devisa.* — За симъ слѣдуешь спашья объ именахъ, въ кошорой можно бы обойшпсь безъ опредѣленія

имени, раздѣленія его и проч. Въ споль крапкой Граммапикъ эпого со всѣмъ не нужно.

Спр. 16. Мѣстоименіе *сую*, *суа*: *сіе мѣстоименіе* (о копоромъ слѣдовало бы замѣшишь, что оно естъ вопросительное и опношительное) не употребляется безъ существительнаго имени, съ которымъ согласуется въ родъ и числѣ. Всѣ мѣстоименія прилагательныя согласующіяся съ именами существительными въ родъ и числѣ. Слѣдовало бы лучше сказать, что сіе мѣстоименіе шѣмъ оплично опъ другихъ, что согласуется въ родъ и числѣ съ именемъ не предъидущимъ, но послѣдующимъ напр. *Leamos Ciceron, cuyos libros etc. Consideremos los heroes, cuya fama es immortal.*

Спр. 66. *Росо*, мало, почти во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ естъ неизмѣняемое нарѣгіе количества, но въ Испанскомъ языкѣ оно иля прилагательное. Въ Латинскомъ, Греческомъ, Италіянскомъ и Испанскомъ оно естъ имя прилагательное — сіи языки довольно, кажешся, извѣсны.

Спр. 72. Прав: XI. Хотя нарѣгія по не, *jamás* никогда, *ni* ни, *nadie* никто и *пр*: суть слова отрицательныя, однако

не смотря на правило (какое?) употребляются вмѣсто гаспицы по вѣ отрицательныхъ предложеніяхъ. Правило сіе весьма шемно. Чшо значишь, что нарѣчіе по упошребляеиця вмѣсто часпицы по? Извѣсно, что въ новѣйшихъ языкахъ упошребляюиця иногда два оприцанія, и въ Испанскомъ языкѣ поже — чего въ Лашинскомъ и Греческомъ не бываеиць. *La gazeta no dice nada*: здѣсь два оприцанія. Въ Лашинскомъ довольно было бы одного.

Спр. 74. XV. Въ Испанскомъ языкѣ, подобно Латинскому, нарѣчіе поставляется всегда за глаголомъ. Г-на Сочинишеля никшо не принуждаеиць доказывати, что онъ не знаетъ Лашинскаго языка; и въ Испанскомъ языкѣ не всегда нарѣчіе спавишся послѣ глагола. — Наконецъ читатель узнаеиць въ сей сполькранкой Грамматикѣ, что въ Испанскомъ и во многихъ другихъ языкахъ многошакихъ словъ, кои выражаюиця двумя словами и болѣе.

Де.

Еллино - Россійско - Французскій Лексиконъ, содержащій въ себѣ собраніе всѣхъ употребительнѣйшихъ словъ и отборнѣйшихъ выражений, свойственныхъ, какъ нынѣшнему Еллинскому языку, такъ равнолѣбно Россійскому и Французскому, съ достаточнымъ изъясненіемъ всѣхъ Метафорическихъ рѣченій и различныхъ значеній каждаго и прот. сочиненный Герол. Досифеемъ. Москва 1811 года, въ Типографіи Всеволожскаго,

Почтенный Сочинитель общаетъ намъ Лексиконъ нынѣшняго Еллинскаго или Греческаго языка. Но на второмъ словѣ чашаешь находя *ἀαπτος*, которое встрѣчается шолько у Гомера, приходишь въ удивленіе, думая, что съ помощію сего Лексикона можешь понимать и древнихъ и новѣйшихъ Греческихъ авторовъ: пріятный обманъ! Впрочемъ мы не можемъ понять, для чего сей Лексиконъ набитъ древними изъ употребленія вышедшими словами; ибо наконецъ мы видимъ, что

сочинитель подлинно имѣлъ намѣреніе сославить Лексиконъ новѣйшаго Греческаго языка; мы находимъ въ немъ слова варварскія, безъ которыхъ можно бы, кажешся, обойтись, и которыхъ ни въ одной книгѣ нѣтъ; а что всего страннѣе, мы находимъ слова Греческія, которыхъ нѣтъ ни въ древнемъ, ни въ новомъ Греческомъ языкѣ, и коими, повидимому, хотѣлъ онъ обогатить сей еще необразованный языкъ, паковы *ἀλωιότης*, *δλαωία* и много другихъ симъ подобныхъ. Въ одной буквѣ *А* можно напечатать ихъ до сша и болѣе. Дабы имѣть понятіе о сихъ новоизобрѣшенныхъ словахъ, можно взять въ примѣръ Рускія, изобрѣшенныя сочинителемъ: *неужина-ніе*, *приневоливатель*, *поощритель*, *колотель*, *восторгатель*, *восторганіе*, *отобѣдываніе*, *нехожденный*, *выслушанный*, *закрываніе*, *ведренность*, *выгоняніе*, *дразненіе*, *благородниганіе*, *загрязненіе*, *принуждательный* и проч. и проч. Новѣйшій Греческій и Россійскій языки равно обязаны ему такимъ обогащеніемъ. Въ семъ Лексиконѣ можно видѣть, что Греческое *ελυ-ελυ*, значить по Руски *буль-буль* и по Французски называется *le glouglou*;

но Греческой языкъ обильнѣе; ибо кромѣ *глу-глу* имѣешь еще, благодаря сочинителю, слово *κκλστίτω*, которое значить дѣлаю буль буль, *faire glouglou*; что *кокерико* естъ пѣсня пѣпушиная и по Французки *Coquerico*; что *кра* естъ крикъ ворона, и что *яйцо* дѣши называющъ *коко*.

Въ семь Лексиконѣ узнаете, что слово *ἀδλον* по Руски значить *цѣна борьбы* и проч. и проч.

Если замѣнимъ, что почти ко всякому имени прибавлено его уменьшительное, а нерѣдко и увеличительное; ко всякому глаголу причастія дѣйствительныя и спрадательныя и дѣепричастія; что одно слово съ нѣкошорою шолько опмѣною, повпоряется по два и по три раза (какъ по въ буквѣ Е слова *ελαφρόπιςος ελαίολαδον* и пѣже въ буквѣ Л безъ начальной буквы; *λαφρόπιςος λóλαδον* и многія другія); но не должно удивляться, что сей Лексиконѣ ссосоишь въ двухъ частяхъ. Мудрено рѣшишь, кому оный полезнѣе; Рускимъ ли, Грекамъ, или Французамъ.

Де.

Дѣянiя ЕКАТЕРИНЫ II, Императрицы и Самодержицы Всероссийской. Сочиненiя Коллежскаго Совѣтника Петра Колотова. 5 частей. Въ Санктпетербургѣ. Въ Типографiи Ф. Дрехслера.

Сочинитель *Дѣянiй Екатерины* не походящъ на нѣхъ мѣлкихъ писателей, которые наполняютъ биографiи великихъ людей пущими анекдотами, формулярными списками и хвастовскими о себѣ рассказами; онъ сполько скромень, что говоритъ весьма мало о самой Екатеринѣ: мы увидимъ ниже, чѣмъ наполнилъ онъ ея исторiю; расположенную хронологическимъ порядкомъ, по годамъ.

Введенiе въ сей книгѣ весьма занимательно. Оно начинается Географическимъ описанiемъ Россiи, а оканчивается избранiемъ на Шведскiй престолъ Епископа Евшинскаго. Между прочимъ сказано здѣсь о Пепрѣ I, что „пруды его дѣйствовали на нашу Имперiю такъ какъ крѣпкая водка дѣйствуетъ на желѣзо.“ (спр. III) и что „онъ имѣлъ одинъ

„шаконъ замысль, какогю до него ни од-
 „ному Государю въ мысль не приходило“
 ш. е. населишь свои владѣнія. (спр. IX);
 а о Пепрѣ II чшо „въ царствованіе его
 „радость у всякаго на лицѣ изображалась;
 „Государственна казна умножалась и
 „столица Москва начинала возспанов-
 „ляться опъ упадка своего, въ которъ
 „она доведена была *отъ склонности Пепра*
 „I къ Пепербургу.“ (спр. V.) Хопя сочи-
 нитель не сохраниль въ введеніи ни ка-
 кого порядка, даже хронологическаго, ибо
 опъ 1735 года переходить онъ вдругъ къ
 1794 му, а опъ онаго къ 1739 му; но за
 шо чшашели найдушь у него „здра-
 „вый Померанскій расцудокъ, одержавшій
 „верхъ надъ Италіанскою хитростію.“
 (спр. XIII.) и весьма справедливое замѣ-
 чаніе, чшо „получаемый войсками наши-
 „ми провіантъ *притиною* того великаго
 „обоза, которъ слѣдуешь за нашими
 „войсками; слѣдовательно *изъ сего заклю-*
 „тить можно, *то армія наша никогда*
 „недостатка въ провіантѣ имѣть не бу-
 „детъ.“

Въ 5 ши часяхъ *Дѣяній Екатерины,*
 вышедшихъ по сіе время, сочинитель
 описаль царствованіе сей Монархини

до 1794 года, или лучше сказать выпи-
саль съ неупомимымъ прудолюбіемъ ошъ
слова до слова всѣ изданные ею о войнѣ
и мирѣ Манифеспы, всѣ Церемоніалы
бывшихъ при ней шоржесствъ, Журналы
пушешествій ея въ Таврію и въ Оспзей-
скія провинціи, Инспрукцію Генераль-
Адьюшанша, шессть писемъ Принца де
Линя; помѣспиль описаніе похоронъ
Князя Попемкина, описаніе ризницы
Исакіевской церкви, Манифестъ о про-
мѣнныхъ Банкахъ, крапкое извлеченіе на
40 спраницахъ изъ учрежденій: вдовей,
сохранной и ссудной казны, нѣсколько
главъ изъ Наказа, Поученіе произнесенное
Амвросіемъ Архіепископомъ Екашерино-
славскимъ по случаю данныхъ Черноморс-
кому войску грамошъ и пѣсню: *эй годе наліѣ
журитися* и пр. и пр. Все это выбрано
изъ самыхъ обильныхъ и досповѣрныхъ
испочниковъ, изъ печашныхъ акшовъ, га-
зетъ, Полипического Журнала и ш. п. Въ
самонужнѣйшихъ шолько случаяхъ, пре-
бующихъ безприспращнаго свидѣпель-
спва, какъ шо: въ испоріи семилѣпней
войны, въ описаніи инпригъ Европей-
скихъ Дворовъ и въ повѣспвованіи о
буншѣ Козаковъ на Дону и Яикѣ, сдѣла-

ны ссылки на *Исторію моего времени, творенія Фридерика великаго*, а полишика Екашерини объяснена перепискою ея съ Циммерманомъ. Сочинитель, кажешся, не пропустилъ нималѣйшихъ обстоятельствъ, имѣющихъ связь съ дѣянiями Екашерини. Напримѣръ, онъ говоритъ, что въ Булгарскомъ городѣ Счисповѣ улицы тѣсны и худо вымощены, что жилиши тамъ кроткаго и тихаго нрава, что большая ихъ часть въ Генварѣ уже въ 8 часовъ вечера ложатся спать, что городъ и страна состоитъ подъ управленіемъ Турецкаго Штатгальтера (Ч. IV. стр. 159 и 160) — что въ Минскѣ по случаю Манифеста 27 Марша 1793 года была иллюминація, и что въ домахъ, гдѣ площадъ не было, на всякомъ окнѣ горѣли по шести и болѣе свѣтъ. (Ч. V. стр. 172)

При всемъ своемъ стараніи Авпоръ не могъ осперечься ошнѣкопорокихъ погрѣшностей и ошибокъ, впрочемъ весьма извинительныхъ въ шоль шрудномъ и обширномъ сочиненіи, каково *Дѣянiя Екашерини*. Напр.

(Петръ I) „ошыскалъ и ошверзь шоль „многія въ нѣдрахъ земель нашихъ бывшія сокровенными золошья, серебре-

„ныя, желѣзныя и другихъ металловъ и
 „минералловъ руды, приисканіе копо-
 „рыхъ до того времени никому и на умъ
 „не приходило.“ (Введ. Ч. I. стр. III.)

Какъ же Академія Наукъ въ календа-
 рѣ, изданномъ ею на нынѣшній 1812 годъ,
 упоминаетъ о *обрѣтеніи первыхъ мѣд-
 ныхъ и желѣзныхъ рудъ въ Россіи 184 й, а
 о *сысканіи первой золотой руды 73 й
 годъ, когда Пётръ I родился въ 1672, а
 скончался въ 1725 году? Правда, календа-
 ри часто лгушъ.**

„Со времени несчастія Карла XII и
 „вспуленія на Польскій престолъ Авгу-
 „ста Саксонскаго, со времени побѣдъ
 „Графа Минина надъ Турками, въ самомъ
 „дѣлѣ мы содѣлались верховными судіями
 „сѣвера.“ (Введ. Ч. I. стр. X.) — „Наша
 „Имперія въ Европейской полишикѣ не
 „сполько еще была важна, чшобы при-
 „нятіемъ какой спороны, рѣшишь ея
 „перевѣсь. Вліяніе новосозданнаго нашего
 „Государства распространилося шокмо
 „на его сосѣдей Шведовъ и Поляковъ. А
 „въ разсужденіи Турковъ, такая была
 „принята полишика, что когда Францу-
 „зы возбуждали ихъ прошиву Австріи
 „или нашей державы, шо обѣ они имѣли

„прибѣжище къ *Тахмасъ Кулыхану* (!!).“
(шамъ же спр. XI.) — Это походишь на
прошиворѣчіе.

„Находящихся же въ Магомепанскомъ
законѣ въ Имперіи нашей народовъ не
только склоняешь въ *Христіанскіе зако-*
ны, но и крѣпостными себѣ учинишь
всякому не возбранено.“ (Ч. I. спр. 63.)

Не только не позволено *уцинять*
крѣпостными цѣлыхъ народовъ, находя-
щихся въ Магомепанскомъ законѣ, но и
ни одного свободного изъ нихъ человѣка
не лзя *уцинить крѣпостными*.

„И для того Екашерина какъ мать
подданныхъ своихъ, сочинила проэкшъ
новаго уложенія.“ (Ч. I. спр. 176.)

Наказъ Коммиссіи о сочиненіи про-
екта новаго уложенія извѣспенъ всему
свѣшу; но *проекта новаго уложенія*
Екашерина никогда не сочиняла.

„Донъ Кишопъ, кришическое сочине-
ніе *Г. Волтера*.!!!“ (Ч. II. спр. 145.)

„Виновнѣйшими изъ содержавшихся
подъ спражею въ Фридрихсгофѣ воен-
ный судъ нашель Полковниковъ Геспеско
и Ошпера, Подполковниковъ Энхіельма
и Клингскура и Маіора Кошена. Клинг-
скуръ въ шюрмѣ сошель съ ума. Чеш-

„веро другихъ 8 числа Сенпября опве-
 „дены были въ Шпокгольмъ на эшафонъ,
 „шрое изъ нихъ, Опперь, Энхіельмъ и
 „Копень прощены, послѣдніе же оба осу-
 „ждены на кашоржную работу, а Гесце-
 „ско казненъ.“ (Ч. IV. стр. 98.)

Здѣсь Г. Сочинишель самъ себѣ про-
 пиворѣчипъ въ числѣ арестаншовъ.

„Въ семь (1792) году по случаю смер-
 „пи Хана *Киргизскихъ Татаръ, Номад-*
 „*ской наци*, обипающей въ южной Си-
 „бири и при Каспійскомъ морѣ, отпра-
 „вили они по обыкновенію посольство
 „изъ 9 особъ въ Пешербургъ, дабы при-
 „сягнуть Имперашицѣ въ вѣрности и
 „испросить подшверженія новаго ихъ
 „Хана. Депушаты 8 Генваря имѣли ауді-
 „енцію и обнадежены были, что *Киргиз-*
 „*цы освобождены будутъ отъ всѣхъ пода-*
 „*тей.*“ (Ч. IV. стр. 331.)

Кажешся ни *Киргизцы*, ни *Киргизскіе*
Татары Номадской наци никогда ника-
 кихъ подашей намъ не плашили.

„Сею войною (въ 1792) Король Прус-
 „скій желалъ прибрѣсти Силезію.“ (Ч. V.
 стр. 74.)

Прибрѣшашъ можно то, чего не
 имѣюшъ; но Королю Прусскому не лзя

было въ 1792^{мъ} году желаніе приобрѣшенія Силезіи, копорая за долго предъ тѣмъ приобрѣшена великимъ его предшеслвенникомъ.

По приведеннымъ здѣсь краткимъ примѣрамъ не можно еще сдѣлать справедливаго заключенія о слогѣ Г. Сочинителя. Для сего намѣренъ я, къ удовольствію читателей, выписать слѣдующія мѣста:

„При чемъ еще доносилъ (Графъ Румянцовъ — Задунайскій), что ежели про-
„должать на семь берегу военныя дѣй-
„ствія, то не удвоишь, а упроишь на-
„добно армію; ибо, какъ онъ доносилъ,
„поликаго числа шребуешь швердая нога,
„копорой безъ шого имѣшь шамъ не мо-
„жно, въ разсужденіи широты рѣки, по-
„зади остающейся и шрудныхъ прохо-
„довъ, способствующихъ опрѣзанію со-
„всѣхъ шпоронъ, для прикрывшя копо-
„рыхъ надобно посшавишь особливые кор-
„пусы, не связывая тѣмъ руки наступав-
„тельно дѣйствующаго, копорый чрезъ
„лѣса и горы себѣ путь самъ долженъ
„спроишь.“ (Ч. II. стр. 107 и 108.)

„Обелискъ Фелдмаршала Румянцова,
„посшавленный въ Сарскомъ селѣ, каж-
„дому иностранцу показываешь заслуги

„его къ опечесиву и побѣду одержанную
 „имъ надъ непріятелемъ при Кагуль;
 „обелискъ же Графа Орлова Чесменскаго,
 „поспавленный въ Сарскомъ же селѣ,
 „есть знапный *погетный столбъ*, споя-
 „щій на подножіи изъ шесанаго дикаго
 „камня, сдѣланъ изъ одного камня Ураль-
 „скаго мрамора и вѣсилъ, при перевозѣ
 „въ 1777 году изъ Санктпешербурга въ
 „Сарское село на капахъ по изчисленію
 „1950 пудъ. Сей обелискъ предспавляетъ
 „корабельный носъ; онъ постановленъ
 „въ саду и *каждому Россіянину показы-*
 „*ваетъ*, что мужество, великій умъ и
 „любовь къ опечесиву произвешъ мо-
 „гушь, проспо, но съ исполинскимъ ви-
 „домъ; свойспвеннымъ духу героевъ, ко-
 „ихъ память обипаешъ въ сихъ камен-
 „ныхъ массахъ. Спояпъ они шупъ со-
 „оружены щедрою природою, копорая
 „величіе свое скрываетъ подъ безыску-
 „спвеннымъ покровомъ Грацій. Священ-
 „ная шишина, царспвующая вокругъ сего
 „храма, возвышая полешъ воображенія
 „нравспвеннаго величія, пролетаетъ до
 „идеала совершенспва.“ (Ч. II. стр: 220
 и 221.)

„Правишели, Короли и Имперашоры

„уже многократно подвергались такой
 „судьбѣ, но еще ни одинъ, ниже самъ
 „Цесарь, *сей огненный духъ* своего вѣка,
 „копорый такъ же произвелъ переворошъ
 „(какъ и Гуспавъ) въ Государспвенномъ
 „правленіи, и умерщвленъ заговоромъ,
 „копорый такъ же власпъ многихъ у-
 „меншилъ, копорый такъ же войною на-
 „падалъ скороспжно, но собспвен-
 „ными войсками не былъ воспрепят-
 „спвованъ въ исполненіи, копорый такъ
 „же въ день своего убіенія предувѣдом-
 „ленъ былъ, и шого не уважилъ, кошо-
 „рый такъ же многократно шель на
 „вспрѣчу смерти и своими друзьями
 „заколотъ.“ (Ч. IV. спр. 338.) — Не из-
 вѣспно будешъ ли продолженіе сего
 періода въ VI. часпи.

„Вошъ опличія 1792 года! имѣль ли
 „ихъ когда либо сполько вмѣспѣ какой
 „нибудъ годъ, съ шѣхъ поръ, какъ суще-
 „спвуешъ родъ человѣческой! Имѣль ли
 „когда испорикъ долгъ описывашъ ихъ
 „въ такой связи? Имѣль ли самага пла-
 „меннаго воображенія спихопворецъ
 „сполько романическаго звѣрспва, чшобъ
 „предспавишь себѣ въ мысляхъ такой
 „чершежъ происшесшвій одного года. И

„я полько привель самыя поразитель-
 „нѣйшія, а многихъ—многихъ—привесль
 „не могъ, множества пайныхъ ужасовъ
 „человѣческа, адскихъ плановъ, злоу-
 „хищреній и дѣйсвій, — кои полько бу-
 „дущая Испорія описать въ собраніи. —
 „Только попомство узнаеть совершенно
 „1792 годъ! Ахъ! какой годъ!“ (Ч. V. 119.)

Ахъ! какой слогъ!

Н. ф.

IV. Т Е А Т Р Ъ .

Марія Стюартъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, передѣланная съ Нѣмецкаго. Представлена 23 Юня.

Кто знаетъ жалкое соспояніе Нѣмецкой Мельпомены, тому не лзя не удивляться, что на нашемъ театрѣ, сшоль обогащенномъ переводами лучшихъ Французскихъ трагедій, играющя и переведенныя съ Нѣмецкаго языка. Не уже ли *Разбойники* и *Марія Стюартъ* лучше *Расиновыхъ* и *Вольперовыхъ* трагедій?

На Нѣмецкомъ языкѣ *Марія Стюартъ* при всѣхъ своихъ недоспашкахъ, несносна еще, и своею продолжисельносшію: по сей причинѣ переводчикъ выкинулъ многія сцены и совсѣмъ передѣлалъ нпашый актъ, въ кошоромъ на Нѣмецкомъ театрѣ мы видимъ обпшую прауромъ компанашу и мершвое шѣло *Маріи Стюартъ*!— Не имѣя перевода, я ничего не скажу о слогахъ сей трагедіи, но покажу содержаніе, по кошорому можно будешъ имѣшь о ней понятіе.

Извѣстная Марія Стюартъ, Королева Шотландская, гонимая своими подданными; находить себѣ убѣжище съ нѣкоторыми приверженными къ ней вельможами у родственницы своей Елисаветы Королевы Англинской.—Елисавета присылаетъ къ ней Герцога Норфолкского, который объявляетъ ей желаніе Королевы своей съ нею видѣться. Марія съ восторгомъ принимаетъ сіе предложеніе, и со всею свисою своею, какъ должно полагаешь, на Монгольфьеровомъ шарѣ прилетаетъ къ началу втораго дѣйствія въ Лондонъ. Елисавета ласково вспрѣчаетъ свою родственницу, и уведомляетъ ее, что въ Лондонъ прибыли депутаты оиѣ Шотландскаго народа, которыхъ она хочетъ выслушать въ присутствіи самой Маріи.—Депутаты сіи были Графъ Муррей и Лордъ Линцей, которые вмѣстѣ съ Сиромъ Вальперомъ, Англискимъ Канцлеромъ; будучи врагами Маріи и спрашася, что бы не было возвращень ей тронъ, согласились погубить ее. Они имѣють письмо подѣланное подъ руку Маріи, въ которомъ она открываетъ свое согласіе на смерть мужа, и такимъ образомъ намреваюшся увѣрить

Елисавету, что они перехватили какой-то ящичекъ, въ кофромъ между прочими бумагами найдено было и сіе письмо. Они являюся предъ Королевами, подаюшъ прошеніе Парламента объ опрѣшеніи Маріи ошъ престола, и также письмо, кошорое должно было удосповѣришь Елисавету въ заговорѣ ея на смерть Генриха. Елисавета ужасается, подаесть письмо самой Маріи; кошорая увѣряесть ее, что оно подложное, и что она никогда не была участницею въ убійствѣ своего мужа. Въ свидѣтели своей невинности она представляесть Герцога Норфолкскаго: онъ клянесться честію, что въ бытность его при дворѣ Маріи ничего не замѣшилъ, что могло бы навлечь на нее подозрѣніе въ разсужденіи сего убійства. Не смотря на всѣ оправданія, Елисавета подозрѣваесть Марію, и говоритъ, что она болѣе всего *вѣритъ своимъ глазамъ*. Такимъ образомъ для изслѣдованія сего обвиненія Елисавета съ Денушапами Шотландскаго народа и спутниками Маріи уходитъ въ свой кабинетъ. Марія остаесться одна съ Герцогомъ: она изъясняесть ему безпокойство свое по случаю такого суроваго приема Елисаветы; пла-

менный Герцогъ , гошовый жертвовашъ жизнью за Марію , клянеться ей, что она ничего не должна спрацишься , и что онъ ей защишоу. Симъ кончипся вшорое дѣйствіе: въ шрепьемъ Герцогъ узнаешъ, что Маріи угрожаетъ заключеніе , онъ спѣшишь къ ней , и забывъ , что онъ во дворцѣ , громко рассказываетъ Маріи о ея опасности и открываетъ ей приняшыя имъ мѣры къ ея спасенію. — Королева ихъ подслушиваетъ , хошя , должно признапьяся , что это не доспойно ни сана Королевы , ни важности прагедіи , но впрочемъ весьма вѣрояшно , что она могла услышашъ шо , что говорилось громко въ ея комнашахъ (*). Елисавета повелѣваетъ предать Марію суду , а Герцога взять подъ спражу. Канцлеръ пребуешъ у него шпагу , но на шо время у него ее не случилось: не надобно однако думать , что бы это произошло опъ разсѣянія , совсѣмъ нѣшь — это сдѣлалъ сочинитель

(*) У насъ шакіе случаи оспаются безъ всякаго вниманія: герои не смотря ни на мѣсто , ни на общошпельства , смѣло и громко открываютъ намѣренія свои , и даже самыя шайны. Въ Семирѣ Оскольдъ , забывъ что его можно и видѣшь и слышашъ , приводитъ въ черпоги Олега своихъ воиновъ , и уговариваетъ съ ними какъ бы лишишь его пресшола.

единственно для того, что бы Герцогъ при семъ случаѣ могъ сказать нѣсколько героическихъ выраженій. Въ четвертомъ дѣйствіи Елисавета находить себя принужденною утвердить приговоръ Парламента. Марія осуждена на смерть, — Герцогъ прощенъ: онъ приходитъ благодарить Королеву, — снова заспущается за несчастную Марію, и его снова берутъ подъ стражу. Наконецъ пшое дѣйствіе: Маріи объявили смертный приговоръ, она написала свое завѣщаніе и читаетъ его Лорду Геррейсу, приверженному къ ней шарцу. Послѣ сего она проситъ караульнаго Офицера позволить ей просидѣть съ ея служителями, ихъ поспасъ приводящъ къ ней, Марія обнимаетъ ихъ — они плачутъ — одинъ клянется, что они никогда ее не оставятъ, и въ шу же минушу всѣ уходятъ. Вдругъ ударили въ колоколь, Марія содрогается, и зрители заключаютъ изъ того, что сіе есть предвѣстіемъ ея казни. Входитъ Канцлеръ съ войнами. Несчастная Марія, желая учредить еще нѣкоторыя дѣла свои, проситъ его отсрочить казнь ея хотя на самое короткое время: —,кромѣ сего только вы можете просить все что вамъ угодно,

Ваше Величество“ — опвѣчаетъ ей Канцлеръ; зрители не могли не засмѣяться при такомъ снисхожденіи. Приходишь Герцогъ Норфолкскій — Марія съ нимъ прощается, и идешь на мѣсто казни; Герцогъ хочешь идти за нею, но спража его останавливаетъ — онъ въ опчаяніи — у него пребуоушь инпагу; но Герцогъ опвѣчаетъ, что его *батюшка цгиль* *никогда и никому не отдавать ее*, — за симъ новое опчаяніе и наконецъ онъ закальвается. —

Сочинитель для составленія плана опспупись опъ нѣкоторыхъ испорическихъ испинь опносительно жизни своей Героини. Марія Спурарць находилась въ заключеніи семнадцать лѣтъ, а на сценѣ только одинъ часъ; она кажется была пшидесяти лѣтъ, а на сценѣ мы ее видимъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ и украшенную всеми ея прелестями. Мы привыкли уже къ такимъ вольносціямъ и опспуцленіямъ: мы видимъ двадцатилѣтнихъ Меронъ и Агрининъ, и сороколѣтнихъ Егисповъ и Нероновъ; но если въ афишѣ напечатано, что онъ ихъ мапери, то зрители сами будутъ виноваты, принявъ ихъ за дочерей или любовницъ.

Что касается до игры актеровъ, то я почти не знаю что и сказать мнѣ. Впрочемъ, трагедія сія, будучи недостойна Г-жи Семеновой, представлявшей Марію Спуршъ, не могла, по мнѣнію моему, также открытъ и прочимъ случая показать свои таланты. Кажется, что Графъ Дугласъ совершенно лишнее лицо въ трагедіи; не знаю также почему у насъ Канцлеры представляющія въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ напримѣръ: въ *Карлѣ XII*, въ *Маріи Стюартѣ* и проч. Можно ли думать, чтобы Канцлеръ Елисаветы похожъ былъ на нашего Г-на Жебелева, одного изъ несчастныхъ сыновъ Талія: онъ и въ трагедіи не могъ скрытъ своего *комическаго таланта*; партнеръ при всякомъ его словѣ и движеніи невольно принуждаемъ былъ смѣяться.

Наконецъ скажемъ, что на Французскомъ языкѣ написаны при трагедіи сего же самаго содержанія, но всѣ были приняты весьма худо, или лучше сказать сообразно ихъ достоинству.

Н. Х.

Къ Патриотамъ,

*по слугаю Высочайшаго Манифеста
о повсемѣстномъ вооруженіи противъ
Французовъ.*

Цари въ плѣну — въ цѣпяхъ народы,
Чась рабства, гибели приспѣль!
Гдѣ вы, гдѣ вы сыны свободы?
Иль нѣшь мечей и оспрыхъ спрѣль?
Иль мужесшво въ груди ошпыло
И мстишь желѣзо позабыло?
Скорѣй сомкнишесь въ рашный спрой!
Зовешъ опечество: лепище!
И сколь ужасно покажите
Россіи нарушашъ покой.

Да въ прахъ ложашся сопосшашы,
Дерзнувъ коснушься вашихъ спранъ;
Благословенъ шопъ мужъ прикрашы
Кшо палъ спасая согражданъ!
Лепище, спушники побѣды,
На бой, какъ бились ваши дѣды!
Иль громъ Рымникскаго пошухъ?
Да вновь предъ вами онъ явшися:
Европа снова удивишся
И воспоминаешъ Россовъ духъ!

Ихъ духъ великій, чшо любовью
Всегда къ опечеству горишь,
Любовь сію приемлешъ съ кровью
И жизнь для оной не щадишь;

Сей духъ, что ею предводимый,
Колоссъ вознесъ несокрушимый,
Полсвѣта властію покрылъ; —
Сей духъ тогда лишь испребишся,
Когда по каплямъ истощится
Вся кровь его великихъ силъ!

Сей духъ, сограждане, васъ нынѣ
Ко славъ, къ поржеству зоветъ:
Онъ въ юной вамъ ЕКАТЕРИНѢ
Примѣръ великій подаетъ. (*)
О возврати невозвратиму
ЕКАТЕРИНУ вѣчно чтиму
И насъ возвысь подобно ЕИ!
Во всемъ споспѣшницей будь БРАТУ,
И гибель, гибель сопоспашу
Притекшему къ странѣ Твоей!

Сыдомъ, проклятіемъ покрытый,
Позорный обращая слѣдъ,
Въ ровъ гибели для насъ изрытый
Онъ самъ обрушася падетъ.
Не сонмъ наемниковъ и плѣнныхъ,
Къ алчбѣ, корысти усремленныхъ,
Предателей страны своей,
Кошоры въ страхъ рабскомъ пали,
Въ добычу все врагу отдали
И прахъ отеческихъ костей! —

(*) Здѣсь Авторъ разумѣетъ пожертвованіе, принесенное въ самомъ началѣ войны съ Французами ЕЯ ИМПЕРАТОРЪ КИМЪ ВЫСОЧЕСТВЕМЪ ЕКАТЕРИНОЮ ПАВЛОВНОЮ на пользу Отечества.

Онъ встрѣшишь въ насъ Героевъ славы,
 Знакомыхъ свѣшу Россіянъ,
 Спасавшихъ чуждыя державы,
 Которыхъ суша, океанъ,
 Въ побѣдахъ громкихъ созерцали,
 Которыхъ царства трепетали,
 Кого дрожаль и храбрый Шведъ,
 И Пруссъ и Галль непоспоянный,
 Самъ вождь его въ бояхъ вѣнчаный
 И спящій въ гробѣ Магомешъ.

Воспрянь Героевъ Рускихъ сила,
 Кого и гдѣ въ какихъ бояхъ,
 Твоя десница не разила?
 Днесъ рапуешь въ родныхъ краяхъ,
 Гдѣ персть, древа и камни хладны
 Возгнутъ швой духъ ко славѣ жадный. —
 Одинъ, одинъ врагу ударъ
 И вся Европа опомспишся.
 Здѣсь Бельшъ отъ крови задымишся,
 А шамъ . . . . вспылаешъ Гибралшаръ!

Насшупимъ мы на гордыхъ выю,
 Ты самъ, о Боже, помощь намъ,
 Храни возлюбленну Россію,
 Возвысь, возвысь въ примѣръ Царямъ
 МОНАРХА нашего на шронѣ,
 Да ходишь вѣкъ въ Твоемъ законѣ.
 Лешите, Россы! — смерть въ бою
 Или побѣда васъ встрѣчаешъ:
 Мой духъ грядущему внимаешъ,
 Я вашу славу воспою.

М. Милоновъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Части второй.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.	Стр.
Исторія должна бытъ училищемъ нравственности и полипики. - - - -	1.
О личномъ достоинствѣ. - 18,	147.
Синонимы. - - - -	28.
Абу-Гиафарь-Алманзоръ, или какъ должно судить о людяхъ. - - - -	109.
Воспитаніе Венеры. - -	136.
О Римскомъ краснорѣчии. -	241.
Разговоръ живаго съ мертвымъ. - - - -	247.
Опасность ошъ грозы. - -	32.
Оправданіе сонливаго. - -	34.
Выздоровленіе, ода почерпнутая изъ молитвы Езекии -	161.
Гимнь негодованію. - -	258.
Къ Кораблю. - - - -	260.
Неразрѣшимый узель. - -	261.
Подражаніе Горацію. - -	263.
Весна Тибулла. - - - -	264.
Опрывокъ изъ Делилевой поэмы: сады. - - - -	266.

	Стр.
Басни:	
1. Козель и Лисица. - -	35.
2. Кащей и его сосѣдь. - -	37.
3. Филинь и Чижь. - - -	165.
4. Лизанька и Чижь. - -	269.
Эпиграммы. - - -	166, 270.
Къ Папріюшамъ. - - -	337.
II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.	
Опытъ о Рускомъ стихосло-	
женіи. - - - -	39, 168, 271.
О Пародіи. - - - -	69.
О Сказкѣ. - - - -	289.
III. КРИТИКА.	
Біологическое изслѣдованіе при-	
роды въ пворящемъ и пво-	
римомъ ея качествѣ. Соч.	
Профессора Велланскаго. -	78.
Адріанъ или приключенія мо-	
лодаго семинариста. Перев.	
съ Франц. - - - -	100.
Задача любителямъ древности.	102.
Характеры или свойства раз-	
личнаго соспоянія людей	
нынѣшняго времени. Соч. Г.	
Лабрюйера. Перев. съ Франц.	207.
Руская Лукреція, драма въ	
шрехъ дѣйствіяхъ, Россій-	
ское сочиненіе. - - -	225.

- Введеніе въ науку спихошвор-
ства или разсужденіе о на-
чалѣ Поэзіи вообще и крап-
кое повѣспованіе Воспоч-
наго, Еврейскаго, Греческа-
го, Римскаго, древняго и
средняго Россійскаго спи-
хошворства. - - 229, 293.
- Геройскіе подвиги храбраго
армейскаго Генерала Албер-
та при осадѣ Люксенбурга
и проч. Нидерландская по-
вѣсть. Перев. съ франц. - 307.
- Таинства черной башни, ро-
манъ переведенный съ Анг-
лійскаго, соч. Гжи Рад-
клифъ. - - - - 310.
- Краткая Испанская Грамма-
тика, расположенная по
правиламъ Королевско-Ис-
панской Академіи и издан-
ная Яковомъ Лангеномъ. - 312.
- Еллино - Россійско - Француз-
скій Лексиконъ, соч. Гером.
Досивеемъ. - - - - 316.
- Дѣянія ЕКАТЕРИНЫ II, Импе-
рашрицы и Самодержицы

Всероссійской. Сочиненіе	Стр.
Петра Колошова. - -	319.
IV. ТЕАТРЪ.	
Марія Спуаршъ, шрагедія въ пяши дѣйсшвіяхъ, въ прозѣ, передѣланная съ Нѣмецкаго	330.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Читай:

Стран. 3, Спр. 17:	Меридское	Меридово
— 4, — 9:	Афинянь,	Аенинянь,
— 38, — 16:	Своими ужъ считалъ послѣдніе мѣшки;	Своими ужъ считалъ послѣдніе мѣшки, Иденьги положилъ шуда, гдѣ были прежде;
— 52, — 19:	Umständ,	Umstand
— 62, — 21 и 24:	е	е
— 69, — 19:	Циреронъ	Цицеронъ
— — — 25 и 26:	полный спихъ или съ легкою перемѣною	полный спихъ или полспиха, взяшые изъ другаго Поэша, съ легкою перемѣною
— 80, — 22:	доказывать	доказывашь
— 99, — 3:	За чѣмъ	За чѣмъ же
— 132, — 6:	внѣ себѣ	внѣ себя
— 162, — 5:	ограды	оспрады
— 165, — 16:	бредъ	брѣдъ.
— 186, — 7:	подъ No I	подъ No II
— 198, — 4:	о шрехъ, удареніяхъ особливо,	о шрехъ удареніяхъ, особливо
— 253, — 28:	insveerat,	insueverat,
— 268, — 2:	нолянокъ	полянокъ

